

Автор входит Топ-10 The Sunday Times

СЬЮЗЕН ЛЬЮИС

Горечь моей надежды

Пронзительный, добрый роман от мастера психологической прозы.

[Goodreads.com](https://www.goodreads.com)

Сьюзен Льюис

Горечь моей надежды

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Льюис С.

Горечь моей надежды / С. Льюис — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-91003-8

Алекс Лейк обожает свою работу, ведь ее обязанность – заботиться о людях, которые оказались в трудной ситуации. Но когда под ее опеку попадает трехлетняя Отилия, жизнь Алекса превращается в кошмар. Она одержима идеей, что ребенку грозит опасность, однако ей никто не верит, и даже друзья принимают ее рассказ за вымысел. Алекс решает во что бы то ни стало спасти ребенка. Но так ли хороша ее затея?

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91003-8

© Льюис С., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сьюзен Льюис

Горечь моей надежды

Susan Lewis
No Child Of Mine

© Susan Lewis, 2012

© Бушуева А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Посвящается Джеймсу, просто потому...

Пролог

– Привет! А ты кто?

Карие глаза, не мигая, смотрели на Алекс Лейк.

«Словно фарфоровая куколка», – подумала Алекс, наклонившись над качелями, на которых в полном одиночестве сидела девочка. Малышка как будто сошла с полотна художника-импрессиониста: на кремовых щеках розочки румянца, ангельское личико в обрамлении темного облака веселых кудряшек, торчащих во все стороны. «Такая маленькая и хрупкая, почти неземная, и при этом – само совершенство. Сколько же ей лет? – подумала Алекс. – Три года? Четыре? Скорее всего, три».

– Как тебя зовут? – с приветливой улыбкой спросила она.

Девочка не ответила, продолжая смотреть ей прямо в глаза. Кулачки сжимали цепи качелей. Ноги болтались над землей – они были слишком коротки и не позволяли раскачиваться, отталкиваясь от земли. Поблизости же не было видно никого, кто мог бы подтолкнуть качели.

Было в этой малышке что-то гипнотическое. Алекс была готова поклясться, что почувствовала это *что-то* даже раньше, чем увидела девочку. Таинственный маленький гипнотизер отвлек внимание Алекс от родных детей, с которыми она гуляла в парке, – племянника и племянницы. Сейчас они были всего в нескольких шагах от нее, с веселым визгом съезжали с горки прямо в объятия своей матери, сестры Алекс.

– Мое имя – Александра, – сказала она маленькой девочке, – но обычно все зовут меня просто Алекс.

Девочка лишь моргнула в ответ. Алекс улыбнулась ее замедленной реакции. Сердце предательски дрогнуло: такие тоненькие синеватые полоски на веках ребенка, такой изящный изгиб пушистых ресниц.

Мать или няня девочки, должно быть, вон там, среди группы женщин, которые сидят на траве неподалеку от них. И как только она заметит, что с ее ребенком разговаривает незнакомка, то непременно бросится к качелям, подавляя панику и ругая себя за то, что пусть даже всего на миг, но выпустила малышку из поля зрения.

Часто всего лишь одно мгновение и бывает роковым.

– Боюсь, что она у нас стеснительная. Побаивается вас.

Алекс подняла голову и увидела перед собой мужчину. Незнакомец улыбался ей – среднего роста, в желтой рубашке поло и брюках цвета хаки с коричневым ремнем ниже внутреннего брюшка. Поскольку он стоял спиной к солнцу, Алекс не разглядела его лица. Выпрямившись в полный рост, она присмотрелась получше: волосы причесаны аккуратно, а в довольно дружелюбных глазах застыла настороженность. «Впрочем, это вполне естественная реакция любого родителя, обнаружившего, что его ребенок разговаривает с посторонним человеком», – подумала она.

– А еще она у вас прехорошенькая, – сказала Алекс. Интересно, откуда он мог появиться? Она не заметила его раньше, да и людей поблизости было не слишком много, чтобы среди них затеряться. Приглядевшись, Алекс заметила женщину, сидевшую в нескольких шагах от нее на расстеленном одеяле. Опираясь руками о траву, женщина загорала, подставив лицо солнцу.

«Наверное, мать», – решила Алекс.

– Пойдем! – сказал девочке мужчина и, сняв с качелей, поставил ее на землю. Игрушка – медвежонок Паддингтон, в сапожках, но без шляпы, – упала на землю. Девочка быстро подхватила ее и, не поднимая головы, сунула медвежонок себе подмышку. Алекс посмотрела на кудряшки, и в следующий миг глубоко внутри у нее как будто что-то шевельнулось.

Возникло желание схватить малышку на руки, потискать, пощекотать, рассмешить – как она делала с детьми своей сестры. Увы, в ней также проснулось смутное беспокойство, которое ей совсем не понравилось.

С этим ребенком явно было что-то не так.

Между тем мужчина взял девочку за руку. Крохотная детская ручка исчезла в его сжатой ладони, словно драгоценный камень в раковине, которая тотчас обволокла его и наглухо захлопнула створки.

Улыбка мужчины была приятной и жизнерадостной.

– Кажется, ей пора домой, – сообщил он.

С этими словами он повернулся и повел девочку за собой.

Алекс осталась стоять, глядя им вслед, ожидая, что они остановятся рядом с сидевшей на одеяле женщиной. Но нет, они равнодушно прошли мимо. Сделав несколько шагов, девочка оглянулась, и Алекс машинально помахала ей рукой.

Работа в органах опеки имеет свои издержки. Так, например, Алекс была склонна видеть в невинных поступках преступления, которых никто не совершал. Или все же совершал?

– Стыдись! – в шутку сказала ее сестра Габи, подойдя сзади.

Алекс растерянно посмотрела на нее.

– Чтобы подцепить чувака, хочешь подружиться с его ребенком, – шутливо пояснила Габи, слегка подтолкнув ее локтем.

Алекс ответила ей слабой улыбкой. Несмотря на все претензии сестры на утонченный вкус, шик и гламур, юмор Габи частенько бывал на грани фола. Алекс снова посмотрела вслед мужчине с ребенком – те уже почти дошли до ворот парка. Что, если она стала свидетельницей похищения? Нет, вряд ли. Девочка сама дала ему руку, он даже не просил ее об этом. Значит, она его знает.

В противном случае родные – мать или отец – уже наверняка подняли бы крик на весь парк.

И все же Алекс почему-то показалось, будто девочка и этот мужчина – чужие друг другу.

– Опять у тебя это странное выражение лица, – заметила Габи.

– Какое же?

Габи закатила глаза.

– Не каждый мужчина, которого ты встречаешь в парке, – педофил, – напомнила она. – И если хочешь знать мое мнение, *этот* выглядел вполне прилично. Я бы даже сказала, он очень симпатичный.

Ее слова удивили Алекс.

– Ты действительно так думаешь? – переспросила Алекс. Лично она не узрела в конце ничего «симпатичного».

Габи пожала плечами.

– Наверное, я плохо его рассмотрела. А еще он маловат ростом, хотя и выше тебя.

– Это запросто, – улыбнулась Алекс. При своем среднем росте она была на полголовы ниже сестры. А еще у нее, в отличие от Габи, были пепельные волосы, зеленые глаза и хрупкое тело, о котором отец всегда говорил, что оно слишком мало, чтобы вмещать такое огромное количество энергии или такое большое сердце.

– Не говоря уже о невыносимом характере, – обычно язвительно замечала мать, правда, позднее, в то время, когда Алекс была подростком.

Сейчас Алекс – двадцать восемь, Габи – тридцать три. У сестры черные, как смоль, волосы и светло-карие глаза. Правда, ее жизнерадостная улыбка в последнее время слегка потускнела. Все-таки иметь двух детей – нелегкое испытание. Габи во многом напоминала

свою мать – хочется надеяться, что такая сомнительная судьба обойдет Алекс стороной. Ей также никогда не стать похожей на отца, хотя бы потому, что в отличие от Габи она была не родной, а приемной дочерью.

Обоих ее приемных родителей уже не было в живых. Отец умер два года назад от рака, а через десять месяцев после его смерти мать скончалась от инфаркта. Алекс до сих пор скучала по ним, особенно по отцу, правда, не так сильно, как ее сводная сестра.

– Ладно, пойдем лучше за нашими негодниками, – произнесла Габи.

Шагая к лабиринту горок на детской площадке, где, как обезьянки, скакали и кувыркались Фиби и Джексон, Алекс обернулась и посмотрела туда, куда ушли незнакомец и девочка. Как и следовало ожидать, они уже растворились в людской массе за воротами парка. И все же ей странным образом казалось, будто они оставили зримый след в воздухе или, возможно, в ней самой: в ее душе скреблось какое-то тревожное чувство – может, любопытство, а может быть, плохое предчувствие. А если еще точнее, пронзительное ощущение душевной близости с этой девочкой.

Как социальный работник, она знала правило: нельзя чрезмерно увлекаться своими подопечными. Но бывали случаи, когда Алекс была не в силах совладать с собственными чувствами. И по какой-то неясной причине *это* и был как раз *тот самый случай*.

Алекс снова подумала о незнакомце и о словах Габи, что, мол, Алекс в любом мужчине видит педофила. Неправда. Вернее, крайне далеко от правды. С какой стати ей так считать, если большинство знакомых ей мужчин никогда бы не дали даже волоску упасть с головы ребенка? Однако знала Алекс и то, что внешность бывает обманчива. Самые гнусные преступники, с которыми ей доводилось иметь дело, жили отнюдь не на опасных городских окраинах и во всех прочих отношениях были в ладах с законом. Обаяние, ум и образованность нередко служили мерзким извращенцам искусной маской.

Родной отец Алекс не был таким монстром, и все-таки это был монстр.

– Тетя Лекс! Тетя Лекс! – хором закричали ее племянница и племянник, со всех ног бросившись Алекс навстречу.

Заливаясь веселым смехом, дети обняли ее за талию. Алекс обняла их в ответ и улыбнулась сестре – та, обвешанная сумками, шла за ними следом. Алекс знала: у Габи прекрасный муж и опасаться за своих пятилетних племянника и племянницу нет повода.

– Можно мы сегодня будем спать у тебя? – канючил Джексон. – Ну, пожалуйста...

– Джексон! – простионала Габи. – Прошу тебя, не начинай снова. Ты прекрасно знаешь, что сегодня вечером мы возвращаемся в Девон. Ты ведь хочешь к папе, не так ли?

– Хочу! – весело воскликнул сын и, в ликующем жесте вскинув в воздух кулак, унесся прочь, только его и видели.

– Тетя Лекс! – сказала Фиби и запрокинула голову, чтобы посмотреть на нее.

– Да, моя дорогая, – ответила Алекс, беря в ладони нежные, порозовевшие щечки племянницы.

– А кто это маленькая девочка, с которой ты говорила?

Алекс обернулась и посмотрела поверх пустого газона на поток машин.

– Не знаю, Фибс, она не назвала мне своего имени.

Глава 1

– Привет, котик, я дома!

Алекс никогда не видела сериал девяностых годов с таким названием, а также была слишком молода, чтобы позаимствовать эту фразу из пятидесятых. И все же она пропела ее, входя в дверь. Так обычно поступали ее родители, и это всегда вызывало у них смех или хотя бы улыбку.

На Джейсона эта невинная фраза обычно производила такой же эффект – но только не сегодняшним вечером, потому что, похоже, его дома не было. Если только в данный момент он не в саду, в очередной раз пытается соорудить новый сарай. Если это так, то ни на какую, даже самую хилую, улыбку в знак приветствия рассчитывать не приходится. По профессии Джейсон был строителем, однако его последняя попытка возвести сарай закончилась тем, что молоток бумерангом отлетел от стены дома, в то время как сам Джейсон возносил странную пятничную молитву рядом с компостной ямой.

С тех пор непокорные части сарая были убраны с глаз подальше и, как подозревала Алекс, были обречены оставаться в укромном месте до того момента, пока не будут готовы вести себя как им и положено: то есть легко и просто складываться в строение соответствующего назначения, как то было сказано на веб-сайте, на котором они были куплены.

Бросив у основания лестницы тяжелую сумку с документами и серую джинсовую куртку, Алекс быстро проверила по наручным часам время и, увидев, что уже поздно, беззвучно простонала. На то, чтобы принять душ, переодеться и перекусить, прежде чем снова выйти из дома, у нее оставалось меньше часа. Хотя, если честно, после такого дня, как сегодняшней, она не отказалась бы проваляться весь вечер на диване перед телевизором или же на шезлонге во внутреннем дворике с бутылкой пусть даже недорогого вина.

С другой стороны, она была вся в предвкушении этого вечера – в таком сильном, что стоило ей подумать, что ждет ее сегодня, – и усталости как не бывало. Да что там! Ее пронизывали мощные волны энергии, отчего она была готова петь, плясать и даже – если бы ее попросили – сделать на лужайке колесо.

Эх, если бы по соседству по-прежнему жила Милли Кейс, старушка наверняка оценила бы это по достоинству. Увы, несколько недель назад Милли переселилась в дом престарелых – с таким Альцгеймером, как у нее, жить одной в доме попросту опасно.

Мысленно добавив в свой список неотложных дел пункт «проведать Милли», Алекс вошла в кухню. Никого. Правда, обе половинки дверей – верхняя и нижняя, – что вели во внутренний дворик, были открыты, а доносившийся из сада надрывный рев газонокосилки служил убедительным объяснением тому, почему Джейсон не услышал, как она вошла в дом.

Вдыхая пьянящий запах свежескошенной травы, Алекс уже было собралась шагнуть в сад и прокомментировать садоводческие подвиги Джейсона, когда зазвонил стоявший на комодe телефон.

Прижав подбородком трубку, Алекс открыла холодильник, чтобы вынуть оттуда вино.

– Алло, «Приход Малгров» слушает! – ответила она. Хотя дом давно уже не принадлежал церкви, он сохранил свое старое название, полученное, когда его купил ее отец. Дом стоял в стороне от остальных зданий (если не считать жилище Милли) в верхней части деревни, что делало его одним из самых престижных особняков во всей округе.

Не то чтобы «Приход Малгров» был особенно велик или переделан на современный лад – в этом он никак не мог тягаться с большинством отреставрированных приходских домов по всей стране. Солидности ему придавали виды, что открывались из его окон, – на раскинувшиеся позади него поля, и на крыши деревенских домов, – с парадного крыльца.

Алекс никогда не забывала о том, что ей крупно повезло: жить после смерти родителей в таком доме! Впрочем, она знала, что недалек тот день, когда Габи захочет продать дом, и тогда... Что же тогда делать Алекс? Это с ее-то более чем скромным жалованьем. Впрочем, сейчас не об этом.

– Привет, Алекс, это ты? – раздался голос на том конце линии.

– Да, это я, – ответила она, мгновенно перевоплощаясь в свое вечернее «я», а именно основателя и одновременно режиссера и продюсера театра «Малгров Виллидж». Стоило ей снять очки и тряхнуть волосами, как Алекс Социальный Работник удивительным образом исчезала. Ну, или, по крайней мере, так ей хотелось думать.

На самом же деле проблемы никуда не исчезали, а лишь на какое-то время отступали на второй план, только затем, чтобы перевоплотиться в нечто в высшей степени мелодраматическое, что можно было мысленно пережевывать всю ночь напролет, когда Алекс не спалось.

– Как дела, Хейли? – бодрым голосом спросила она.

– Ты меня узнала! – радостно откликнулась та.

Алекс невольно улыбнулась. Хейли была скромняга. Писательница, причем самая талантливая из всех, с кем Алекс доводилось иметь дело. Не то чтобы она общалась со многими, но с несколькими – точно.

– Все в порядке? – спросила Алекс, до половины наполнив стакан холодным, только что из холодильника, «Шардонне». Похоже, на горизонте возникла малоприятная тучка. – Только не говори мне, что ты сегодня не можешь!

– Нет-нет, боже упаси, – поспешила заверить ее Хейли. – То есть вообще-то... Да. Буду. Я ведь тебя еще ни разу не подвела. Лишь хотела проверить, что правильно помню время. Семь тридцать, в зале деревенского клуба.

Подозревая, что на самом деле Хейли просто хочется потрепаться с кем-то, кто поймет ее волнение, Алекс как режиссер сочла своим долгом подбодрить автора:

– Я прекрасно знаю, что ты не опоздаешь. Более того, все будут в восторге, что ты придешь. Как же иначе?

– Ой, не надо так говорить! – запротестовала Хейли. – Я рада, что у нас все идет хорошо! Честно сказать, даже не мечтала, что когда-нибудь увижу одну из моих пьес на сцене.

– Как видишь, мечты сбываются, – изрекла Алекс, поморщившись от слетевшей с собственных губ банальности и вместе с тем в очередной раз восхитившись, как эта маленькая робкая Хейли Уэлш из соседней деревушки сумела написать столь искрометную комедию. Нет, конечно, были там и сомнительные места, кое-где автор явнохватила через край, но в целом текст был ужасно смешной. Уж если на репетициях сами актеры покатывались со смеху, то друзья и соседи, которые придут на спектакль, наверняка будут валяться между рядами.

– Извини, я, пожалуй, закруглюсь, – сказала Алекс, бросив взгляд на настенные часы. – Иначе боюсь опоздать. Увидимся в семь тридцать.

– Да, буду как штык, – заверила ее Хейли, в чем Алекс ничуть не сомневалась.

Не успела она нажать кнопку отбоя, как телефон зазвонил снова. Посмотрев на экран, кто звонит, она бодро ответила:

– Алло, «Приход Малгров». Александра Лейк слушает вас.

– Привет, дорогуша! – с усмешкой ответила тетя Шейла. – Я тебя ни от чего не отвлекла?

– Вообще-то, отвлекла, – честно призналась Алекс, заметив, что Джейсон отвечает по мобильнику на чей-то звонок. – Надеюсь, у тебя что-то срочное?

– Нет, просто решила сообщить тебе, что получила билеты.

– На премьеру? Вот это здорово! Значит, ты все-таки будешь?

– Во всяком случае, постараюсь. Ты ведь наверняка знаешь, как я тут занята: уже и забыла, когда в последний раз у меня был выходной. Не говоря о том, что я слишком стара для всего этого.

Впрочем, Алекс прекрасно знала – день, когда тетушка забросит свое любимое детище, свой лошадиный приют, станет последним днем ее жизни.

– Говорят, что семьдесят – это почти как пятьдесят, только второй раз, – сказала Алекс. – В любом случае, дорогая тетя, ты выглядишь на сорок, и ни днем больше. – Конечно, это было не так. Сестра ее приемной матери выглядела на свой возраст, если не старше, но небольшая «белая» ложь никому не повредит. – Кстати, ты не в курсе, Габи уже получила свои билеты?

– Габи еще не объявлялась сегодня. Но думаю, что да. Ой, погоди, не клади трубку. Наверное, это она. Сейчас я у нее узнаю.

В ожидании тетушкиного ответа Алекс сделала глоток вина, гордая тем, что ее совершенно не задевает тот факт, что тетушка и сестра общаются ежедневно. А ведь помнится, когда-то это ее ужасно злило и обижало. Она чувствовала себя обделенной вниманием и лишь в последнее время научилась преодолевать свои комплексы. Нет, те, разумеется, никуда не делись, затаились в темных закоулках сознания и даже вполне себе процветали, питаясь проблемами, с которыми их хозяйка ежедневно сталкивалась на своей основной работе.

По крайней мере, Алекс больше не впадала в истерику по поводу того, что ее любят меньше, чем Габи, как то обычно случалось, когда она была подростком. Мать обычно это отрицала, говоря, что, не знай Алекс о том, что она приемная дочь, ей бы и голову не пришли такие глупости. Неужели? Порой Алекс сама задавалась тем же вопросом. Но даже если это было и так и мать была права, она ни капельки не сомневалась: Габи была у родителей на особом положении уже потому, что она им родная дочь.

– Нет, это не она, – снова раздался в трубке голос Шейлы. – Ладно, если ты спешишь, не буду тебя задерживать. Пока-пока, дорогуша.

Попрощавшись с тетушкой, Алекс нажала на кнопку «отбой» и посмотрела в открытое окно. Джейсон все еще продолжал разговаривать по мобильнику. Послав ему воздушный поцелуй, Алекс побежала наверх, принять душ. Увы, лишь повернув кран, она вспомнила, что сегодня утром Джейсон в срочном порядке вызывал слесаря, чтобы отключить воду. Одному Всевышнему ведомо, что за демон или греmlin поселился в системе водоснабжения и раскурочивал ее по ночам, но по какой-то причине ровно в шесть утра вода начинала хлестать сама, хотя ее никто не включал. И, как назло, похоже, слесарю так и не удалось устранить эту неисправность.

Смирившись с печальной перспективой ожидания, пока ванна наберется хотя бы на пару дюймов, Алекс вставила в ванну пробку, покрутила старые медные краны, а сама прошла в спальню за свежей одеждой. Когда-то это была спальня ее родителей. Овдовев, мать переехала к сестре в Девон, чтобы заодно быть ближе к Габи и внукам.

Мебель в спальне также сохранилась с родительских времен: старинная чугунная кровать со слегка погнутой спинкой в изножье и продавленной периной, два платяных шкафа – его и ее – с дурацкой, страшно неудобной системой кронштейнов, а также разношерстная коллекция сундуков из ореха и шкафчиков из сосны. Ковер являл собой пеструю мешанину красных и зеленых спиралей, в то время как шторы были тусклого золотистого оттенка.

Нет, эта спальня никогда бы не удостоилась приза в конкурсе интерьеров. Но имелось у этой комнаты и одно неоспоримое достоинство: панорамное окно, впускавшее море света, – за что собственно Алекс и любила ее. Даже Джейсон, который жил лишь в современных домах, до того как год назад переехал к ней, утверждал, что ему здесь тоже нравится.

К сожалению, дети Джейсона ее дом терпеть не могли. А поскольку их мать убедила отпрысков, что они терпеть не могут все, что связано с Алекс Лейк или «Малгровом», а

по правде говоря, с чем угодно, что находилось за пределами Кестерли-он-Си, соседнего приморского городка, в котором они жили и в котором работала Алекс, случилось бы чудо, если бы они вдруг с первого взгляда влюбились в их допотопную сельскую идиллию.

– Тут как-то стремно, – с отвращением пробормотала Тиффани, тринадцатилетняя дочь Джейсона, еще даже не переступив порог дома.

В продолжение темы десятилетняя Хейди театрально передернулась и поморщила нос.

– Фу, даже страшно входить.

– У вас тут случайно не водятся привидения? – с надеждой в голосе прошептал восьмилетний Том. Его глаза возбужденно блестели.

Хотя сама Алекс никогда не ощущала в доме ничего даже отдаленно сверхъестественного, она была готова признать, что он вполне мог произвести впечатление населенного потусторонними созданиями, которые упорно отказываются его покидать. А если добавить к строгому внешнему виду близкое расположение к церкви, стоящей на противоположной стороне улице чуть ниже по склону холма, то сразу становилось понятно, что ощущение некой таинственности этого места возникало не случайно.

Единственные злобные духи «Прихода Малгров» и его окрестностей обитали у Алекс в голове, что делало их не такими уж и реальными. С другой стороны, Алекс не взялась бы считать их плодом своего воображения, ибо кошмары – а они донимали ее с самого детства – появились в ее жизни задолго до того, как ее спас будущий приемный отец, местный викарий.

Страхнув тягостные мысли, прежде чем те окончательно бы испортили ей настроение, Алекс вернулась вниз, чтобы проверить, закончил ли Джейсон разговаривать по телефону. Какой толк постоянно думать о том, что было давным-давно? Да и кому интересны кошмары двадцатипятилетней давности, когда у нее хоть отбавляй свежих, причем каждый день.

– Ну, наконец-то! – воскликнул Джейсон, сунув в карман мобильник, когда она вышла к нему в сад. – Поздновато ты сегодня, однако! – с этими словами он сгреб ее объятья и поцеловал ее в губы. – Ммм, вот так уже лучше, – пробормотал он и слегка отстранился, чтобы посмотреть на нее. Хотя Джейсон и был выше среднего роста, однако не намного выше ее. Зато в свои тридцать восемь он был на десяток лет ее старше. В темных волосах уже кое-где поблескивала седина, в уголках голубых глаз залегли морщинки. В общем, он выглядел на свой возраст.

И все же невозможно отрицать, что он был до головокружения хорош собой – по крайней мере, так ей казалось. Даже шрам, что протянулся через его правую щеку, не мог поколебать ее в этом мнении. Джейсон получил этот шрам еще ребенком, о чем и поведал ей полтора года назад на вечернике в Кестерли, на которой и произошло их знакомство. Это вряд ли можно было назвать романтической беседой под луной, призванной вскружить женщине голову. Тем не менее Алекс влюбилась.

– Ну как денек? Надеюсь, прошел неплохо? – спросил Джейсон, снова целуя ее.

– Это смотря как понимать «неплохо», – улыбнулась Алекс. – А у тебя?

– По шкале от одного до десяти стрелка только что зашкалила за верхнее деление.

Алекс вопросительно посмотрела на него.

– Я хотел сказать, что наконец-то увидел тебя! – рассмеялся Джейсон.

– Убедил. Главное, чтобы это не имело отношения к телефонному звонку, который ты только что завершил. Смотри, я ревнивая.

Вообще-то по натуре она ничуть не ревнивая, и обычно Джейсон воспринимал подобные заявления с улыбкой. Но сегодня он почему-то поморщился и вновь взялся за газонокосилку.

– Так с кем это ты разговаривал? – напомнила Алекс, пока он подкатывал тачку к куче только что скошенной травы.

– Думаю, ты легко угадаешь сама, – ответил он, не поворачивая головы.

Хорошее настроение Алекс моментально улетучилось.

– Джина, – произнесла она, пытаясь не выдать своего раздражения. Еще ни один звонок от бывшей жены не предвещал ничего хорошего. – Что ей нужно?

– Говорит, у нее сломалась машина, – со вздохом ответил Джейсон, – и просит меня отвезти Хейди в танцевальный класс.

Алекс потребовалось меньше секунды, чтобы понять, чем это грозит их сегодняшнему вечеру. Она мгновенно ощетибилась.

– Честное слово, это она нарочно! – воскликнула она. – Она наверняка знала, что мы с тобой планировали...

– Откуда ей это знать?

– От кого угодно! Просто зашла на нашу страничку в «Фейсбуке» и проверила, что назначено на сегодня. Джейсон, ты не можешь подвести нас. Ведь это же технический прогон!

– Да я и сам знаю. Но что теперь мне прикажешь делать? Хейди обожает танцы. К тому же у нее в первый день четверти показательные выступления. Неужели из-за меня она должна пропустить занятие, тем более что до концерта осталось меньше недели?

– Но она уже прекрасно знает свой танец!

– Это ты так говоришь. А вот она так не думает. К тому же выступать ей, а не тебе.

– Так же как сегодня вечером – выступать все-таки моей труппе. И тебе тоже. Ты ведь должен успеть решить все технические проблемы, а до премьеры остается чуть больше недели.

– Скажи, ты не могла бы перенести прогон на завтра? – спросил Джейсон с виноватым видом. – Ведь я...

– Нет, Джейсон. Не могу. Боюсь, уже слишком поздно. Половина труппы уже в пути, а актовый зал – не наша собственность. Не мы решаем, когда им можно воспользоваться.

Дипломатично умолчав о том, что вообще-то залом – или театром, как сегодня вечером, – заправляет Алекс и ее старая школьная подруга Матти Грейвз, Джейсон сказал:

– Честное слово, Алекс, я чувствую себя предателем, но я должен отвезти Хейди на танцы.

– Ага, и еще ждать ее там, а потом отвезти домой, что означает, что ты приедешь к нам не раньше девяти. К тому времени мы уже закончим прогон! Все уже устанут и вряд ли согласятся прогнать спектакль по второму разу. Прекрасно! Лучше не бывает.

– Я попробую как-нибудь помочь тебе... в следующий раз! – крикнул он вслед, когда она, громко топя, направилась в дом.

– Ты это уже говорил в прошлый раз! – крикнула она в ответ. – И в позапрошлый, а до этого еще раньше.

– Ага, бриллиант растет прямо на глазах, – попытался пошутить Джейсон.

В иных обстоятельствах Алекс рассмеялась бы, но только не сейчас – сейчас она задыхалась от ярости.

Спустя десять минут она вылезла из ванны и уже потянулась за полотенцем, когда зазвонил ее рабочий мобильник. Звонила Венди, ее начальница. У Венди, как известно, была привычка названивать в любое время суток по вопросу, который вполне мог подождать до утра. Алекс не стала отвечать. Если что-то срочное – Венди пришлет текстовое сообщение. Соорудив из полотенца тюрбан, Алекс босыми ногами прошлепала в спальню.

К этому времени солнце уже обошло дом, и теперь его лучи проникали в спальню через окно, заливая комнату нежным темно-оранжевым светом, в том числе и банкетку веселенькой расцветки, стоящую у подоконника. Именно здесь они с сестрой любили сидеть вместе

с отцом, глядеть в окно на церковь и на деревню. Отец часто рассказывал им про ангелов и чертиков, говорящие деревья и чудесную птицу, которая умеет прогонять прочь все плохое.

Эх, Алекс бы не отказалась сейчас от услуг чудесной птицы! Вот бы та перенесла злодейку Джину в самый дальний конец Чистилища.

Мечтать не вредно.

– Можно войти? – робко спросил из-за двери Джейсон.

Хотя Алекс обычно не стеснялась при нем наготы, сегодня она была слишком зла. Не хватало, чтобы он возбудился, застав ее голой.

– Это ведь и твоя комната, – ответила она, запахивая халат.

Негромко лязгнула задвижка замка, едва слышно пискнули дверные петли. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель показалась его голова. Судя по всему, он до сих пор сомневался, что может войти, не опасаясь за свое здоровье.

– Извини, – с виноватым видом произнес он. – Мне действительно жаль.

Сев на пуфик перед старым, тусклым от времени и плесени зеркалом, Алекс, прежде чем ответить, бросила быстрый взгляд на свое отражение.

– Тебе вечно жаль, только это ничего не меняет. Разве не так? Она вечно звонит, чтобы нагрузить тебя чем-нибудь в самую последнюю минуту. Ты же покорно вскакиваешь по ее команде всякий раз, стоит ей только щелкнуть хлыстом.

– Неправда! В тебе говорит злость. Я делаю это все не ради нее, а ради Хейди...

– У которой есть две тетушки и дядя, живущие в полумиле от нее, причем любой из них ничем особенно не занят и может отвезти ее куда угодно в любое время.

– У них есть свои дети.

– А ты обещал помочь мне сегодня. Скажи на милость, какой смысл в техническом прогоне в отсутствие технического ассистента?

Джейсон поморщился.

– Но ведь я присутствовал на большинстве репетиций, так что у меня есть представление о том, что вам требуется.

– Однако восемь человек, отложив все дела, ради тебя едут к нам в городок, чтобы принять участие в этом прогоне.

– Клянусь, мне уже и без того хреново, прошу тебя, не усугубляй. Может, если перенести прогон на час, я как раз успею...

– Неправда, не успеешь, потому что, как я уже сказала, тебе придется ждать ее до конца занятия. Кроме того, ты прекрасно знаешь, что как только ты привезешь Хейди домой, как Джина придумает для тебя что-то еще.

– Если она еще что-то придумает, я откажусь.

– Нет, Джейсон, ты не откажешься, потому что ты всегда идешь у нее на поводу. Она манипулирует тобой, используя для этого детей. И, насколько я могу судить, конца этому не предвидится.

– И что теперь прикажешь мне делать? Сделать вид, что у меня нет никаких детей? – выкрикнул он и от беспомощности даже всплеснул руками.

– Не смей меня! Я прошу лишь одного – держи слово, если ты его уже дал. Особенно когда это касается других людей, которые, между прочим, согласились приехать на репетицию сегодня исключительно ради тебя.

С видом, полным раскаяния, Джейсон сначала потер ладонями лицо, затем пригладил волосы.

– Мы говорили об этом раньше, еще до того, как я переехал к тебе, – произнес он. – И, кажется, договорились с тобой о том, что мои дети для меня всегда останутся на первом месте.

– Дело ведь не в твоих детях, а в Джине, и ты сам это отлично знаешь. Как я уже сказала, она вечно звонит в самую последнюю минуту, используя тебя как мальчика на побегушках или няньку, как будто она по-прежнему замужем за тобой. А если звонит не сама, то просит это сделать за нее Тиффани или Хейди. Нарочно играет на тонких струнах отцовского сердца, чтобы ты чувствовал себя виноватым перед ними. Как будто это ты бросил их на произвол судьбы и теперь даже слышать о них не желаешь! Но ведь мы с тобой знаем, что это не так. Не ты развалил семью, а она! Она первая завела роман, вынудила тебя уйти из дома, чтобы ее любовник мог переехать к ней. И вот теперь, когда он бросил ее, она пытается вернуть тебя обратно.

– У нее ничего не выйдет.

– Это ты так говоришь.

Джейсон сделал глубокий вдох, стараясь взять себя в руки.

– Послушай, мне не хочется с тобой ссориться...

– Но ведь мы уже ссоримся! – воскликнула Алекс с ироничным смешком. – И так бывает всякий раз, когда ты несешься выполнять ее очередное срочное поручение, свалившееся тебе как снег на голову. Но если я буду мириться с этим и дальше, это будет ей только на руку. А ведь, сказать по правде, один из нас уже и без того делает больше чем достаточно. Скажи, во сколько ты уезжаешь?

– Думаю, мне пора, – ответил Джейсон, посмотрев на часы. – Кстати, что там у нас на ужин сегодня вечером?

– После репетиции все идут в паб. Я тоже. Если ты сейчас голоден, у меня в сумке есть сэндвичи. Поищи, она где-то в этой комнате. Криветки с майонезом.

– Ура, мои любимые! – ответил Джейсон с кислой улыбкой. Алекс тоже невольно улыбнулась. Она была не готова простить его прямо сейчас. Хотя расставаться врагами тоже не хотелось. Тем более что ей прекрасно известно, как сильно он переживает из-за того, что вынужден быть отцом по совместительству. Не его вина, что их с Джиной брак распался. Если честно, даже к лучшему, что так получилось, – иначе его просто не было бы в ее жизни.

– Тебе, похоже, пришло сообщение, – сообщил он, вместе с сэндвичами вытаскивая из сумки мобильник.

– Это с работы, – ответила Алекс, забирая служебный телефон у него из рук, – вдруг это что-то срочное. Как она и ожидала, сообщение было от Венди. Ее начальница напоминала ей, что вскоре состоится ежегодная проверка по линии Бюро криминальной статистики. Эта информация вполне могла подождать до утра. Но не тут-то было, нужно непременно названивать человеку домой. Затем зазвонил и ее собственный мобильник.

– Спасибо, – поблагодарила она Джейсона, когда тот передал ей второй телефон.

– Две жизни, два телефона, – поддразнил Джейсон. – Надеюсь, что у тебя не два любовника.

Сурово посмотрев на него в зеркало, она прищурилась и ответила на звонок.

– Привет, Матти, надеюсь, все в порядке? Как там народ, уже подтягивается?

Пока сопродюсер в подробностях докладывала Алекс о том, что ею сделано в рамках приготовления к репетиции, Джейсон ушел. Алекс же выдвинула ящик комода, чтобы достать свежее белье. Стоило Матти открыть рот, как никаких вопросов уже не требовалось. Достаточно было время от времени произносить словечки вроде «отлично», «классно», «ты молодчина», что Алекс и делала, причем часто, пока натягивала на себя старые джинсы и такую же видавшую виды футболку, после чего сунула ноги в пару старых балеток.

Зная Матти почти всю свою жизнь, она привыкла к привычке подруги грузить ее разными мелочами. Нет, конечно, иной раз это раздражало, но именно благодаря скрупулезности Матти не было цены. Если честно, Алекс не знала никого, кто мог хотя бы отдаленно сравниться с нею по части организационных способностей. Кроме того, Матти обожала

театр, так же как свою подругу Алекс, – пусть они никогда не были по-настоящему близки, как то можно ожидать от подруг. Причина же, по всей видимости, заключалась в неспособности Матти поддерживать чересчур близкие личные отношения.

Когда Матти наконец попрощалась и положила трубку, Алекс была практически готова выйти из дома. Она уже спускалась по лестнице, когда решила на всякий случай проверить вторую эсэмэску, которая пришла, пока она разговаривала с Матти. Стоило ей взглянуть на дисплей, как сердце ее растаяло.

«Привет, тетя Алекс! В беге в мешках я пришел вторым. Мама выиграла в «Лук и стрелы» золотую рыбку. И потом отдала ее мне. Твой Джексон».

«Ты умница, – быстро набрала ответ Алекс на номер мобильного сестры. – А что ты будешь делать с золотой рыбкой?»

Еще до того, как пришел ответ, зазвонил телефон. На дисплее высветился незнакомый номер. Тем не менее Алекс нажала зеленую кнопку.

– Привет, Алекс слушает.

– Ах да, Алекс, – отозвался женский голос на другом конце линии, как будто его хозяйка забыла, кому звонит. – Это Хизер Хэнкок. Я только что слышала, что Джейсона сегодня на прогоне не будет. Насколько я понимаю, прогон тоже отменили?

– Вообще-то нет, – ответила Алекс, пытаясь не выдать раздражения в голосе. Интересно, как эта Хизер Хэнкок, репортер «Кестерли газетт», узнала, что планы Джейсона изменились? Собственно, здесь нечего даже гадать. Ее закадычная подружка Джина уже наверняка сообщила ей об этом, чтобы после они вместе могли позлорадствовать и перемять новой подружке мужа косточки.

– Вообще-то тут подвернулось еще одно мероприятие, где мне позарез нужно быть, – сочла своим долгом сообщить ей Хизер. – Если что, я перезвоню.

– Одну секундочку! – крикнула Алекс в трубку, пока ее собеседница не отключилась. – Это будет до премьеры, как я понимаю.

– Разумеется. Надеюсь, я сумею выкроить на вас время.

Ощетинившись и одновременно напомнив себе о необходимости соблюдать манеры, Алекс произнесла:

– Мы же договаривались, что ты напишешь про нас, если мы разрешим тебе присутствовать на техническом прогоне...

– Я бы не стала называть это договоренностью, – перебила ее Хизер скучающим тоном. – Я лишь дала согласие заглянуть к вам на репетицию, если случайно окажусь рядом и буду располагать временем. Сегодняшний вечер с самого начала обещал выдаться напряженным. Ну а поскольку Джейсона на прогоне не будет...

– Какая тебе разница, будет он там или нет?

– Как я уже сказала, у меня появились новые планы. Надеюсь, ты слышала про шоу, которое на днях откроется в театре Кестерли? Согласись, что масштаб события играет роль, тем более что одна из участниц была занята в Эммердейле. Читателям наверняка будет интересно про нее узнать.

– Какой, однако, щедрый жест с ее стороны, поговорить с репортершей провинциальной газетенки, которую никто не читает, – подпустила в свою очередь шпильку Алекс и тотчас поморщилась. Похоже, как обычно, онахватила через край.

– Ах, вот оно что! В таком случае какой мне смысл писать о твоём самостоятельном спектаклике? – прозвучало в ответ. – Можешь заниматься своими делами, я тебя не задерживаю.

На том конце линии воцарилась тишина.

Злясь на себя и на Хизер Хэнкок, Алекс сунула телефон в сумку и открыла переднюю дверь. Господи, какая муха ее укусила? Чем она думала, сцепившись с этой самоуверенной

дурой, и это тогда, когда их крошечная группа нуждается в любой бесплатной рекламе, если они хотят, чтобы в зрительном зале было занято хотя бы несколько кресел. Не будь Хизер подругой Джины, не говоря уже про ее склонность к самолюбованию, разве клюнула бы она, Алекс, на ее наживку?

В общем, вечер с самого начала пошел псу под хвост, а все из-за Джины. Теперь же эта язва Хизер наверняка уже сообщила бывшей женушке Джейсона, какое жалкое и невоспитанное создание эта его новая подруга. (Алекс сильно сомневалась, что характеристика была дана ей именно в таких политкорректных выражениях, но лично она пока не решалась прибегнуть к более крепким словечкам.)

Вспомнив, что племянник наверняка уже придумал для золотой рыбки имя, о чем не преминул сообщить ей эсэмэской, Алекс, пока поворачивала в замке ключ, порылась в сумке и вытащила телефон. Посмотрев на дисплей, она рассмеялась и тут же напечатала ответ.

«Вот это да! Всегда мечтала, чтобы в мою честь назвали золотую рыбку. Горю желанием с ней познакомиться».

Если бы только все дети были так счастливы и любимы, как двойняшки ее сестры!

* * *

Маленькую девочку била такая сильная дрожь, что она боялась, что не сможет сидеть тихо. А ведь мама велела ей сидеть тихо. И она старалась, хотя это так трудно, очень трудно, тем более в темноте. Рядом – вернее, прижавшись к ней – сидел маленький мальчик. Она кожей чувствовала, как внутри его громко стучит страх. От этого было трудно дышать.

Снаружи донеслись крики, злобное рычание, глухие удары, тяжелые шаги, грохот и звон бьющегося стекла.

Маленькая девочка сжалась в плотный комок.

Мальчик попробовал встать. Он был старше сестры, выше и храбрее. Открыв дверь, он велел ей оставаться на месте, а сам ушел.

Она хотела, чтобы он вернулся. Ей было страшно оставаться одной. Одна она может попасть в руки к плохому дяде. Мама скоро за ней придет. Она ведь обещала.

Хлопнула дверь, и воцарилась тишина. Но она по-прежнему сидела, боясь пошевелиться. Где же мальчик? Почему он не вернулся?

Темнота была подобна монстру, в чьей шерсти она запуталась. Темнота взяла ее в плотное кольцо, укутала словно коконом. Она задыхалась от ужаса. Казалось, монстр вот-вот поглотит ее.

Неужели мама забыла о ней? Все еще дрожа, девочка поднялась и шагнула к двери. Внезапно снаружи снова раздался шум. Она тотчас отпрянула. Плохой дядя по-прежнему там. Он придет сюда и заберет ее с собой, и тогда она больше никогда не увидит маму.

Сунув кулачок рот, чтобы сдержать рыдания, она забилась еще дальше в угол позади огромного ящика. Ей были слышны самые разные голоса, но ни один из них не был похож на голос мамы.

По ее щекам катились слезы. Но она должна сидеть тихо. Она хочет к маме. Почему же мамы нет?

Она сидела долго-долго. Когда же все наконец стихло, она встала, неслышно на цыпочках подошла к двери и потянулась к замку, но тот был слишком высоко. Как она ни старалась, дотянуться до него не смогла. В тусклом пятнышке света она видела собственную ручку – бледную, маленькую, с растопыренными пальчиками. Увы, замок располагался выше. Ей его не достать.

– Мама! – зарыдала она. – Мама!

Теперь она плакала, не опасаясь, что ее услышат. Более того, ей хотелось кричать, но она не смогла выдать из себя ни звука. Она попробовала крикнуть еще и еще раз, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. К ней никто не пришел.

Алекс широко открыла глаза. Она тотчас поняла: ей просто привиделся дурной сон, но весь этот ужас, это желание закричать по-прежнему были с ней. Сердце громко колотилось в груди, кожа сделалась липкой от пота, как будто она пережила все наяву. Нет, она должна стряхнуть с себя этот ужас, вырваться из его цепких объятий, вспомнить о том, кто она такая сейчас и где находится.

На это ушло чуть больше времени, чем обычно, но в конце концов ужасные демоны начали отступать. Если бы это был только сон, нечто сотканное из крошечного клочка реальности, раздутого до чудовищного гротеска! Увы, она знала: маленькая девочка – это она сама, а тот мальчик, которого она больше так и не увидела, – ее брат.

Осторожно, чтобы не разбудить Джейсона, она выскользнула из-под одеяла и спустилась в кухню, чтобы приготовить себе чаю. Она по опыту знала: сразу ей не уснуть, бессмысленно даже пытаться.

Но самая малоприятная, тревожная часть этого сна – кстати, кошмар вернулся к ней впервые за несколько месяцев – заключалась не в том, что она в нем увидела (хотя, господь свидетель, лучше бы ей этого не видеть), а в том, что подсознание сочло своим долгом перенести ее в то ужасное время.

Неужели она никогда от него не избавится? Почему она не в состоянии стряхнуть этот сон?

Теперь ей было понятно: она была не такой уж и маленькой, когда у нее начались эти кошмары, раз ее приемные родители сочли своим долгом объяснить ей, откуда он возник. Такие вещи детям вообще лучше не слышать. Ни в каком возрасте. И уж тем более – не в пять лет. Лишь когда она стала подростком, приемный отец решил рассказать ей всю правду без прикрас. Но и тогда Алекс не смогла избавиться от ночных кошмаров. Они не были абсурдной реконструкцией какого-то ужаса, увиденного ею в детстве по телевизору или прочитанного в книжке. Это была более-менее точная репрезентация правды, такой, какой она ее знала в три года.

В течение многих лет после произошедшего она пыталась вырвать этот кошмар из своего сознания, отшвырнуть его прочь, раздавить, уничтожить всеми доступными ей способами. Ведь как ей жить, зная, что ее родной отец – тот, чьи гены она несла в себе, чья кровь текла в ее жилах, – был садистом, мучителем жены и детей, от которого она спряталась в чулане? Ее дедушка с бабушкой, ее тетя, ее мать и четырехлетний брат – все они стали жертвами его извращенной безумной ярости.

Останься брат тогда с Алекс, он до сих пор был бы жив. А так – именно о его мертвое тельце в первую очередь споткнулись полицейские, когда наконец ворвались в дом. Остальных нашли в гостиной, в столовой, в кухне.

Позже викарий рассказал ей, что лишь на следующий день – пока он сам осматривал место преступления, пытаясь вжиться в ситуацию и посмотреть на нее глазами полицейских, чтобы потом помочь им преодолеть шок от увиденного, – на чердаке в тайном чулане обнаружили маленькую девочку. Алекс не помнила, как ее вызволили оттуда, как кто-то вынес ее из дома к машине. Одно она знала точно: первым к ней протянул руки священник. А поскольку передать ее на попечение было некому, он настоял на том, чтобы отвезти девочку к себе домой.

Нет, конечно, в наши дни такое было бы невозможно. Но тогда законы об опеке и приемных семьях были не столь строги, а лица духовного звания пользовались уважением в обществе. Никто не стал возражать против того, чтобы молодой, уважаемый прихожанами священник и его супруга взяли ребенка к себе. А поскольку они были зарегистрированы

как потенциальная приемная семья, Алекс в любом случае могла бы оказаться у них. Властям оставалось лишь оформить недостающие документы. Тогда ей было три года. В четыре с половиной они официально удочерили ее. Когда ей исполнилось пять, Дуглас Лейк стал викарием прихода Малгров, и они переехали в этот дом.

К тому времени ее родной отец, совершивший массовую расправу над своей семьей, так и не был обнаружен. Полиция полагала, что его дружки по криминальному миру, главным образом азиаты и русские, втихаря вывезли его из страны в его родную Румынию. Увы, там следов его пребывания также обнаружить не удалось. Причина кровавой расправы, как ей было сказано, заключалась в том, что ее мать, родом из Ливерпуля, по глупости рано выскочившая замуж за довольно темную личность, узнав, чем занимается ее муж, пригрозила ему, что расскажет полиции правду.

Отца Алекс так и не поймали. А поскольку все опасались, что однажды он может вернуться и потребовать девочку себе, то ее имя, историю жизни и местонахождение тщательнейшим образом скрывали.

Никто, кроме ближайших родственников (к которым теперь прибавился Джейсон), не знал, что Алекс – та самая маленькая девочка, которая чудом осталась жива во время массового убийства в Темпл-Филдс. С другой стороны, это было так давно, что об этой трагедии никто даже не вспоминал, кроме нее самой.

Узнав правду о своем происхождении, Алекс начала терзать себя мыслями о том, насколько иной могла бы быть ее жизнь, расти она со своей родной матерью и братом. И дело не в том, что Алекс не любила Майру, свою приемную мать. Просто внутренний голос подсказывал ей, что Майра была отнюдь не в восторге получить в качестве приемной дочери отпрыска убийцы-маньяка. Нет, конечно, она старалась быть доброй и делала все для того, чтобы Алекс ни в чем не нуждалась. И все же Алекс не почувствовала себя равной Габи, к которой мать не скрывала своей любви.

А спокойствие, с каким Майра однажды сообщила ей, что Алекс не единственная, кто остался жив в ту ужасную ночь! Оно граничило едва ли не с жестокостью. Неужели она не понимала, каким ударом будет для четырнадцатилетней девочки узнать, что ее родная мать осталась жива, несмотря на почти смертельные ножевые раны, нанесенные ей в спину и в грудь? Мать провела в больницах почти год, сказала ей тогда Майра, но после выписки куда-то исчезла.

– И она даже не пришла посмотреть на меня? – спросила Алекс сдавленным голосом. Майра покачала головой.

– Боюсь, что нет, моя дорогая, – ответила она, с сочувствием и осуждением одновременно. Правда, Алекс так и не поняла, кому предназначалось это осуждение – ей самой или ее родной матери. Алекс до сих пор пребывала в неведении. – Твоя мать встретила с викарием. Все согласились, что у нас тебе лучше. Ты в безопасности, ты привыкла к нам, и нет смысла ничего менять.

– Но ей же наверняка хотелось взглянуть на меня?

– Разумеется, но она опасалась, как, кстати, и все мы, что если она придет в наш дом, это рано или поздно приведет к нашей двери твоего родного отца. Так что, подписав нужные бумаги, она уехала отсюда, и с тех пор мы не получали от нее никаких вестей.

Подростком Алекс была буквально одержима идеей найти свою родную мать. Она слышала ее в биении сердца, как будто мать пыталась пробиться к ней, слышала в шорохе ветра ее голос. Ей казалось, что мать незримо следит за каждым ее шагом. Лицо матери смотрело на нее из зеркала, более того, Алекс не сомневалась, что мать читает ее самые сокровенные, потаенные мысли.

Тогда ей стало понятно, почему она не такая, как другие члены семьи, в которой она растет, – особенно в том, что касалось религии. Не то чтобы Алекс совсем не верила в Бога –

нет, по-своему она в него верила. Он был хорош в экстремальных ситуациях, когда человеку нужно за что-то ухватиться, когда жизнь выдергивает у вас из-под ног ковер, выбивает под вами лестницу, крушит вдребезги все ваши мечты.

Насколько Алекс могла судить, Бог всегда играет важную роль в таких вещах, как рождение, бракосочетание и смерть. Особенно это важно для старушек, которым больше нечем заняться. Увы, Алекс никогда не воспринимала Бога так, как его видел викарий. Даже Габи, и той было далеко до отца, хотя она и научилась ловко это скрывать. Алекс сомневалась, что Майра имела с Господом столь же тесные отношения, что и ее супруг, если учесть, сколь холодной и мелочной она подчас бывала. Алекс ни разу не спросила ее об этом, что называется, в лоб, главным образом потому, что поводов для конфликтов между ними и без вопросов было предостаточно.

Хотя викарий и обещал ей разыскать ее родную мать, увы, все его усилия оказались напрасны: та как будто вообще исчезла с лица земли.

– Я уверен, она больше не называет себя Анджелой Альбеску, – с искренним сожалением сообщил он приемной дочери. – Мне также не удалось выйти на след Анджелы Николс. Это ее девичья фамилия.

Алекс ни разу не отважилась высказать вслух опасения, что мать вполне могла скрыться вместе с отцом. Господь – свидетель, ей не хотелось в это верить. Но по работе она не раз сталкивалась с тем, как женщины прощали мужьям даже самые отвратительные зверства.

– Наверное, у нее теперь новая семья, как и у тебя, – сказала как-то раз ей в утешение Габи. – А если это так, она не хочет, чтобы ты ее нашла. Подумай сама, вдруг у нее есть новые дети и никто не знает о ее прошлом. Не в смысле того, чтобы она сделала что-то дурное, но ты понимаешь, о чем я... Ей не нужно, чтобы кто-то ворошил ее прошлое. А ведь так и будет, если вдруг у нее на пороге объявишься ты.

Слова Габи резали по живому – и тогда, в моменты уныния, и сейчас. Однако со временем Алекс свыклась с мыслью, что ее родная мать – кем бы и где бы та ни была – предпочла не воссоединиться с дочерью. Иначе бы она наверняка уже предприняла усилия и установила с ней контакт – сделав запрос в полицию, в социальные службы, даже в церковь.

Возможно, задача существенно упростилась бы, добавь Алекс к своему нынешнему имени то, которое получила при рождении, – Шарлотта Альбеску. Так ее родной матери было бы гораздо легче выйти на след дочери. Увы, сделать это не представлялось возможным. Кто поручится, что вместо матери, которую она уже почти не помнила, ее не станет искать отец-убийца?

– А вот и ты, – зевнув, сказал Джейсон, входя в кухню. – С тобой все в порядке?

– Да, все хорошо, – ответила Алекс, тронутая тем, что он не поленился встать, чтобы найти ее.

Когда же он подошел ближе, чтобы помассировать ей плечи, она блаженно откинула голову ему на грудь.

– Скажи мне, что ты больше на меня не сердись? – сказал Джейсон и наклонился, чтобы ее поцеловать.

Уже позабыв их вчерашнюю размолвку и то, что когда он вернулся домой, она уже была в постели и почти уснула, Алекс ответила:

– Нет, конечно. Но все-таки ты вернулся домой поздно.

– Ты не поверишь, но я уснул, читая детям сказки. Вот что значит вкалывать как лошадь. Ладно, лучше ты Расскажи мне, как у вас прошел вечер.

Алекс тотчас переключилась на репетицию.

– В целом неплохо. Думаю, у нас есть шансы, что к премьере все будут назубок знать свои реплики.

– Отлично, – произнес он и потянулся, чтобы включить чайник. – Но если у тебя нет поводов переживать из-за спектакля, почему ты вскочила с постели в такую рань? Признавайся, снова приснился кошмар?

– Да, он самый, – со вздохом призналась Алекс. – Но все в порядке. Наверное, я даже снова лягу спать.

Джейсон прислонился к шкафчикам и, сложив на груди свои мускулистые, в татуировках, руки, пристально посмотрел на нее.

– Как ты думаешь, что на этот раз спровоцировало твой сон? – спросил он, уже самым тоном вопроса давая понять, что ей так просто от него не отделаться.

Алекс вздохнула и посмотрела на кружку, которую сжимала в ладонях. То, что она сейчас видела мысленным взором, не имело никакого отношения к ней как к ребенку, и вместе с тем здесь явно прослеживалась некая связь.

– Если я скажу тебе, что дело в одной маленькой девочке, – произнесла она, – ты наверняка скажешь, что дело всегда то в маленькой девочке, то в маленьком мальчике...

– Потому что в твоем случае – это часть твоей работы.

Алекс рассеянно кивнула.

– Я видела ее в парке пару недель назад, – продолжала она. – Ну, когда была там с Габриэлой и близнецами. Не знаю, по какой причине, но чем-то она меня зацепила, и с тех пор я не могу выбросить мысли о ней из головы.

– Тебе не кажется, – не без иронии заметил Джейсон, – что у тебя и без того предостаточно подопечных, за которых ты постоянно переживаешь? Зачем тебе *еще кто-то*?

Алекс была слишком глубоко погружена в свои мысли, чтобы кинуть на его подначку.

– Было в ней *что-тотакое*, – продолжила она, представляя себе ангельское, но такое печальное личико девочки. – Знаю, это звучит странно, но у меня было такое чувство, будто я ее знаю. Хотя на самом деле я точно видела ее впервые в жизни.

Джейсон кивнул.

– Ты права, это действительно звучит странно.

Алекс подняла на него глаза.

– Извини, – поспешил загладить он неуместную остроту. – Так почему, как ты думаешь, она не выходит у тебя из головы?

Алекс пожала плечами.

– Наверно, из-за того мужчины, который был с ней. На первый взгляд в нем не было ничего такого... в смысле, вел он себя вполне нормально. Но когда они уходили, меня посетило неприятное чувство... Как будто я стала свидетельницей похищения ребенка.

Джейсон растерянно заморгал.

– Нет-нет, ничего такого не было даже близко, – успокоила его Алекс. – Я проверила базу данных. В любом случае, если бы ребенок, тем более такого возраста, числился пропавшим, об этом уже давно раструбили бы во всех газетах. И все-таки *что-тотам* было не так. В самой ситуации или в отношениях между ними. Я это знаю точно. Вот поэтому-то мысль о малышке засела у меня в голове и не хочет никуда уходить.

– Ты хотя бы поговорила с этим ребенком? – уточнил Джейсон.

Алекс кивнула.

– Пыталась. Она не отвечала на мои вопросы, и мужчина – тогда я решила, что это ее отец, – сказал, что девочка очень робкая.

– Теперь же ты не уверена, что это был ее отец?

Алекс снова пожала плечами. Затем, поняв, что это вряд ли поможет ей уснуть, встала со стула и обняла Джейсона за шею.

– Ты прав, – сказала она, прижавшись щекой к его груди. – У меня действительно хватает подопечных, о которых я должна беспокоиться. Так что лучше не начинать искать другие проблемы. Тем более что я даже не знаю, кто она такая.

Глава 2

– Только попробуй хотя бы пальцем тронуть моего ребенка – и я за себя не ручаюсь! – выкрикнула женщина с сальным лицом, пытаясь вырваться из рук полицейских. – Я сказала, отойди...

– Заткнись, Лора! – рявкнул на нее констебль Карроуэй. – Делай все, что считаешь нужным! – рявкнул он снова, на сей раз обращаясь к Алекс.

– Отойди от него! – крикнула Лора Кроу, когда Алекс шагнула к Дэниэлу. Девятилетний мальчуган был настроен ничуть не приветливее своей крикливой мамыши.

– Только тронь моего ребенка хотя бы пальцем, и, говорю тебе, второй раз ты им уже не воспользуешься!

Убедившись, что Карроуэй и его напарник крепко держат истеричную мамашу, которая, даже глазом не моргнув, была способна разорвать на части не только ее, но кого угодно, Алекс потянулась к мальчику. Однако в следующий миг он, к ее ужасу, вытащил нож.

Алекс моментально отпрянула. Мамаша зашлась противным смехом.

– Молодец, сын! – крикнула Лора. – Давай, пырни эту суку под ребро. Так ей и надо, пусть проваливает к чертовой матери. А ты, болван, чего сам рот раззявил? Ноги в руки – и беги отсюда!

Не успел мальчишка выполнить ее команду, как другой полицейский, Пол Беннет, набросился на него и, повалив на пол, принялся бить его запястье по ножке стула, вынуждая выпустить нож. Мальчик разжал пальцы, нож с лязгом упал. Алекс тотчас подхватила его с пола и выкинула в окно в надежде на то, что там его подберут дежурившие внизу полицейские.

– Ты пойдешь со мной, Дэниэл, – строго сказала она мальчику. – Процедуру ты знаешь...

– Отвали, – сплюнул он, хотя лицо его все еще было прижато к полу.

– С женщинами так не разговаривают! – рявкнул на него Пол Беннет, еще сильнее вцепившись в мальчишеские вихры. – Скажи мне, как только ты решишь вести себя прилично.

– Ты тоже отвали! – процедил мальчишка сквозь желтые зубы.

Его мамаша противно хохотнула.

– Да вы тут все как один вонючие пидоры! – хрипло выкрикнула она. – Вы не имеете права врываться сюда без спросу. Мы ничего такого не сделали. Вы же, как обычно, суете свой нос куда не надо. Дерьмо собачье!

– Тебе наверняка будет интересно узнать, что нам поведал твой муженек, – подначил ее Карроуэй. – Думаешь, он стал тебя покрывать? Мы же знаем, что ты была с ним, когда вы пытались ограбить галерею игровых автоматов. Ты, как обычно, вела машину, не так ли? Причем без прав! Да, ты у нас рискованная девушка, Лора Кроу. Так что ужин тебе сегодня не светит. Подумай также, какой пример ты подаешь сынишке...

– Убери от меня свои грязные руки, вонючая мразь! – огрызнулась Лора. – Вы все тут мрази – все как один. Думаете, вас зря так называют?

– Скажи лучше, куда подевалась твоя сестра? – вставила слово Алекс, пытаясь увести разговор в более конструктивное русло. Сказать по правде, эта особа жутко ее раздражала – и сегодня, и когда их пути пересеклись в первый раз, хотя Алекс и старалась не подавать вида.

Змеиные глаза Лоры сверкнули злобой.

– Арестована в прошлом месяце, – сообщил Пол Беннет, обращаясь к Алекс. – Так что если ты думала отправить мальчишку к ней, боюсь, у тебя ничего не выйдет.

Алекс и впрямь рассматривала такой вариант. Впрочем, какая разница. Служба опеки на всякий случай уже подыскала приемные семьи.

– Тебе придется пойти со мной, – сказала она Дэниэлу.

– Я, кажется, сказала: не смей даже прикасаться к нему! – прошипела Лора. – Он хороший мальчик. И ничего такого не сделал...

– Хороший мальчик, которого родная мать учит бросаться с ножом на социальных работников, – презрительно бросил ей Пол Беннет. – Или ты считаешь, в будущем это пригодится ему при сдаче школьных экзаменов?

После этих слов Лора взорвалась снова, причем с такой силой, что огонь ее ярости можно было ощутить едва ли не кожей. Еще крепче схватив нарушительницу спокойствия, полицейские бесцеремонно повели к машине.

Такие сцены завершались одинаково: в дело вступали парни из уголовного отдела. Им, в отличие от коллег из социальных служб, было наплевать, что потом будет с ребенком. Их главной заботой были родители, которых они под белые руки уводили в машину. Взять, к примеру, сегодняшний случай: оба – и отец, и мать – несколько дней назад пытались осуществить вооруженное ограбление галереи игровых автоматов в местном торговом центре.

Когда полиция приехала арестовать мать, кому-то пришло в голову, что в доме вполне может находиться ребенок. Более того, этот кто-то сообразил поставить в известность службу опеки. Алекс и ее коллега Бен прилетели сюда, как говорится, по первому зову.

Бен по-прежнему сидел в машине и наверняка чувствовал себя идиотом при виде растущей толпы зевак. Никто не горел желанием совать нос в криминальный район, хотя Алекс не могла припомнить случая, чтобы здесь пострадал хотя бы один социальный работник – несмотря на самые злобные угрозы, какие обычно тоннами сыпались в их адрес.

Наконец полицейские вышли из загаженной комнаты. Алекс переключила свое внимание на мальчика. Невысокий, с жирными волосенками, которые лезли ему в глаза. А какой тощий! Неудивительно, что одежда болтается на нем как на вешалке. Мальчонка хмуро смотрел исподлобья, как будто и впрямь был готов разорвать любого, кто только посмеет к нему приблизиться.

Казалось, он как будто ошетинился, возвел вокруг себя мощную линию обороны. Алекс знала – сейчас ей сквозь нее не пробиться. А ведь он должен понять: она ему не враг. Обязательно должен, тем более что это далеко не первая их встреча. Увы, он с молоком матери впитал недоверие к представителям власти.

В течение нескольких минут они прислушивались к доносившемуся снаружи шуму – это полицию провоцировали соседи. Но громче всех звучал голос Лоры – та во все плотку клялась отомстить говнюкам, которые так и не научились вытирать дерьмо с рук. Алекс моментально поняла: эта последняя гадкая фраза предназначалась их коллеге Санджиду, который сегодня сидел за рулем одной из машин. Хотя подобные оскорбления ему бросали здесь в лицо не впервые, Алекс все равно поморщилась.

Ее взгляд был прикован к Дэниэлу. Интересно, что у него сейчас на уме? В глубине души ему наверняка страшно или, по крайней мере, боязно. На его месте любой ребенок чувствовал бы себя не в своей тарелке. Казалось, дом насквозь пропитался миазмами насилия. Семейные разборки были в этом районе обычным делом – обитатели регулярно срывали друг на друге свои обиды и комплексы. Родиться в семейке Кроу означало с самого детства подписать себе приговор. И этот мальчонка не стал исключением.

Прекрасно понимая, что церемониться с ним бессмысленно, Алекс сказала:

– Скажи спасибо, что ты еще мал. Иначе тебе не поздоровилось бы за твой номер с ножиком. Попал бы в тюрьму наравне со взрослыми.

– Отвали! – презрительно фыркнул он и тыльной стороной ладони вытер рот. Было в этом жесте нечто совершенно недетское. Интересно, у кого он его перенял? От отчима, который в данный момент сидел под стражей за попытку ограбления? От своего ненормального дяди, который два года назад забил до смерти парнишку – доставщика пиццы, за что

теперь мотал пожизненный срок? Или от мальчишек постарше из их квартала – тех самых, что сбивались в кучки на углах, при первой же возможности старались сачкануть уроки в школе или не пойти работу или еще куда-нибудь, где у них была хоть какая-то возможность научиться уму-разуму.

– Если ты думаешь, что я с тобой куда-то пойду... – процедил сквозь зубы Дэниэл тоном киношного гангстера.

– Ты не можешь остаться здесь один, – перебила его Алекс. – Это запрещено законом, и ты сам это прекрасно знаешь.

– Я могу сам о себе позаботиться.

– Это ты так думаешь, но я не намерена с тобой спорить. Моя задача – всего лишь объяснить тебе, как ты будешь жить на самом деле.

Его зеленые бегающие глазки на миг встретились с ней взглядом. Он стоял перед ней – жалкий, тощий, в застиранной голубой футболке. Ну, совсем как взьерошенный воробей, угодивший в силлок птицелова, подумала Алекс.

– Ну, так как? – спросила она уже дружелюбнее. – Мы бывали у тебя и раньше, и ты сам все понимаешь.

Тонкие губы мальчика скривились в презрительной ухмылке.

– Я не пойду снова к этому козлу! – со злостью произнес он. – Он пидор. Мой батя открутит ему яйца, как только найдет.

Алекс вздохнула. Она ни на минуту не сомневалась, что Фрэнки Кроу именно так и поступит, попадись ему на глаза последний приемный «папаша» Дэниэла. Господи, в какую лужу они тогда сели! Но кто мог подумать, что Ральф Таннер и его набожная супруга зарегистрировались как приемная семья лишь с одной, не самой благовидной, целью?

До сих пор оставался открытым вопрос, как это им удалось, учитывая дотошную процедуру отбора. Ведь кандидатов рассматривают едва ли не под лупой. И хотя такое случалось довольно редко, на счету у попечительского совета их округа накопилось немало подобных проколов. А значит, дети, о чьем благе якобы пеклись, страдали уже от чужих людей. Ведь не скажи тогда Дэниэл о том, что с ним происходило в приемной семье – а надо сказать, мало кто из детей отважился пожаловаться на подобные вещи, – Таннеры по-прежнему оставались бы в базе данных и к ним отправляли бы и без того обиженных судьбой детей.

– Куда они забрали мою маму? – хмуро спросил он. – Когда она вернется?

Алекс равнодушно пожала плечами, прекрасно зная, как следует себя держать с детьми вроде Дэниэла.

– Понятия не имею. Все зависит от того, оставят ли ее под стражей или же выпустят под залог.

– Она ничего такого не сделала! – возбужденно выкрикнул мальчик. – Я был с ней в тот вечер. Она была со мной, а не там, где они говорят. Иди, сука, так им и скажи!

А ведь он, похоже, даже не знает, о каком вечере идет речь, не говоря уже о том, где и как провела этот вечер его родительница.

– Не переживай, – сказала Алекс, – у тебя будет возможность высказаться. А пока моя работа состоит в том, чтобы найти для тебя крышу над головой.

– Я, кажется, сказал, что никуда не пойду, тем более к тем психам, что пытались...

– А кто говорит, что ты пойдешь именно к ним? – парировала Алекс.

– Послушай, сестренка, ты что, глухая? Я сказал, что никуда не пойду.

– Полиция уже получила ордер. Так что, боюсь, у тебя нет выбора.

– Вот же козлы! – воскликнул Дэниэл. Впрочем, внимание его было сосредоточено на том, что происходило снаружи.

– Это ты о полицейских ее величества? – поддразнил его Пол Беннет, возвращаясь в комнату. – Извини, – добавил он, обращаясь к Алекс. – Я не должен был оставлять тебя одну

наедине с этим мелким паскудником, – произнес он и шагнул к Дэниэлу. – Признавайся, у тебя в штанах часом не спрятан еще один ножик? – строго спросил он.

– Отвали от меня, козел вонючий! – прошипел мальчишка.

– Очаровательно, не правда ли? – прокомментировал Беннет.

– А это еще кто там такой? – нервно поинтересовался Дэниэл.

Пол холодно посмотрел на него.

– Что, голубчик, испугался?

– Неправда, ничего я не испугался.

Беннет расплылся в ухмылке.

– Это тот, кто ты думаешь, приятель. Так что давай решай, пока не поздно. Или ты идешь с Алекс, или останешься здесь, и тогда тебе предстоит милая беседа с одной мало-приятной личностью, которая считает, что твой папаша пытался пришить во время разборки одного из пацанов. Дай вспомнить, как они обращались со своим последним заложником? Ах да, как же я мог забыть! С тех пор он ни говорить, ни ходить толком не может.

– Прошу тебя, – оборвала его Алекс, – в этом нет необходимости...

– Не лезь не в свое дело, – процедил сквозь зубы Беннет.

Алекс шагнула вперед и встала спиной к детективу. Пусть он думает, что он здесь главный, но мальчик попадает в первую очередь в зону ее ответственности.

– Тебе помочь собрать вещи? – спросила она у Дэниэла.

– Я же сказал, что никуда не пойду! – выкрикнул он.

– Хорошо, в таком случае, твои вещи за тебя соберу я, – вздохнула Алекс.

– Я пока подожду здесь, чтобы он не дал деру, – сказал Беннет, когда Алекс направилась вон из комнаты. – К тому же, приятель, тебе нет смысла торопиться на улицу. Кое-кто из твоих старых знакомых уже поджидает тебя на выходе, надеясь накостылять тебе как следует.

– Можно подумать, я их боюсь, – фыркнул Дэниэл, хотя по тому, как он стрелял глазами на дверь, легко было догадаться, что он хорохорится.

Сказать по правде, Алекс тоже было боязно. Обиды местных обитателей на социальных работников имели давнюю историю. И хотя ко многим из них она не имела ни малейшего отношения, они вряд ли стали бы вдаваться в такие тонкости.

Она могла прямо сейчас назвать как минимум три семейки, которые с радостью отомстили бы ей за то, что она изъяла у них детей. Собственно говоря, именно по этой причине она и не любила бывать в этой части города. Порой от страха душа уходила в пятки. С другой стороны, а кто виноват? Разве ее кто-то заставлял это делать? Кто, как не она сама, выбрала себе работу в Северном Кестерли?

Что мешало ей выбрать южную его часть? Там не так много бедных кварталов, меньше разборок на расовой почве, не говоря уже о том, что это ближе к ее дому. Однако какая-то неведомая сила вновь и вновь влекла ее сюда, в Северный Кестерли.

Здесь она родилась. Дома, правда, уже нет, но он был частью старого Темпл-Филдс. Не удивительно, что она ощущала некое родство с местными жителями, даже если сами они об этом не догадывались. Да и социальным работником она стала именно с той целью, чтобы защитить детей этого неблагополучного района.

Алекс ничуть не удивилась, увидев, в каком плачевном состоянии пребывает комната Дэниэла. Вместо штор на окне старое одеяло. Постельное белье, похоже, не меняли годами. На ковре больше пятен и прожженных сигаретами дыр, чем ворса. Картинки на стене в основном изображали мускулистых качков в черной коже и огромных солнцезащитных очках, с автоматами или мачете в руках. Казалось, эти парни задались целью навлечь на наш мир как можно больше самых ужасных страданий.

Среди картинок бедным родственником затесался рекламный плакат одного из первых фильмов про Гарри Поттера. Алекс даже слегка растрогалась. На обгорелом блюде рядом с кроватью она обнаружила старую иголку и свечку, а рядом ремень – явное свидетельство того, что кто-то – хотелось надеяться, что не Дэниэл, – «ширялся» в этой комнате.

Она не стала ничего трогать – пусть это обнаружит полиция. Вытряхнув из наволочки подушку, она принялась набивать в нее раскиданную по полу и кровати одежду. Туда же отправился журнальчик про динозавров, айпод с наушниками и расческа. Правда, последняя пребывала в столь омерзительном состоянии, что Алекс в конечном итоге решила ее выбросить.

Посмотрев на ноутбук и компьютерные игры, она задумалась – скорее всего, все это краденое. Полиция наверняка сумеет обнаружить в компьютере полезную для себя информацию. И Алекс не стала его трогать. Вместо этого она заставила себя шагнуть в ванную – забрать зубную щетку и, может быть, мочалку. Увы, и то и другое оказалось таким грязным, что она даже не осмелилась взять их в руки. Проще купить Дэниэлу новые до его поступления в приемную семью. С этими мыслями она начала спускаться по лестнице вниз.

Снаружи по-прежнему доносился какой-то шум, раздавались грубые оскорбления и угрозы. Полиция как могла пыталась успокоить толпу. Из чего Алекс сделала вывод, что ее коллега Бен уже сел за руль и стряхнул с ног свои хипповые ковбойские сапоги.

Уж если кто и был не на своем месте, так это Бен.

– Ты уже там закончила? – крикнул ей Беннет. – А то нам ждать некогда.

– Мы готовы, – сказала Алекс Дэниэлу и шагнула к двери.

– Как только мы выйдем отсюда, они меня пристрелят, – заявил мальчишка.

Да, райончик был еще тот, однако стреляли здесь редко, так что слова Дэниэла не слишком-то ее напугали. Тем не менее она решила подыграть мальчишке.

– Это прямо на глазах у полиции-то? Ну, ты загнул, парень!

– Да им насрать на твою полицию!

– Дэниэл, если ты так их боишься, то почему хочешь остаться здесь? Ведь как только полиция уедет, кто, скажи, защитит тебя?

– Я, кажется, уже сказал. Сам могу за себя постоять!

– Это тебе так кажется. Но даже если и сможешь, к чему рисковать? Так что пойдем. Машина ждет у ворот. С тобой буду я, и Бен быстро поведет машину.

– Да он, я вижу, от страха в штаны наложил, – подколот мальчишку Беннет, видя, что Дэниэл не решается сдвинуться с места.

– Неправда! – От злости мальчонка даже сплюнул. – Мне просто дорога моя жизнь, вот и все. А эти отморозки, они уже сказали мне, что хотят со мной сделать.

– Они тебя даже пальцем не тронут, – возразила Алекс. – Ну, давай, пошевеливайся, или я буду вынуждена просить полицейских, чтобы они вынесли тебя отсюда.

По лицу Дэниэла было видно, что он предпочел бы получить пулю, чем пережить подобное унижение.

– Куда ты меня забираешь? – требовательно спросил он.

– Отвезем на другой конец города, – успокоила его Алекс. – Туда, где ты будешь в полной безопасности.

– И насколько?

– Эй, поскорей выметайся отсюда, топай к машине! – грубо подогнал их Беннет. – Никто не собирается вести с тобой переговоры, приятель. Сказано тебе, что нужно идти вместе с ней, – будь добр, иди! Нравится тебе или нет! Мне тоже надоело торчать в твоей вонючей дыре. Тут и задохнуться недолго.

Пристыдив детектива взглядом, Алекс попыталась взять мальчика за руку. Сделав вид, что не видит ее протянутой руки, он гордо вышел мимо нее из комнаты. Как только Алекс

догнала его в коридоре, они на мгновение вместе застыли у двери, собираясь с духом перед пробежкой к машине.

Стоило Алекс открыть дверь, как шум на улице стих. Но лишь на миг, потому что из толпы кто-то выкрикнул:

– И не стыдно же тебе, сука, врываться в дом к честным людям!

– Тебя сюда никто не звал! – присоединился к нему второй голос. – Нечего совать свой нос в наши жизни. Как хотим, так и живем!

– Давай увози поскорее отсюда мальчика, – предостерег ее мужской голос. – Иначе пацаны Билла Принса его в живых не оставят.

– Да ему от них никуда не деться. Достанут хоть из-под земли, – возразил другой. – Да и тебя, Алекс Лейк.

Алекс не стала поднимать глаз. Она прекрасно знала, кому принадлежит второй голос. Шейн Принс – один из самых мерзких кусков дерьма, с какими ей доводилось иметь дело. А уж повидала она их ого-го сколько!

Наглец, сквернослов, к тому же с внушительным «послужным списком», он теперь считал себя главой клана Принсов, пока его папаша, брат, два дядьки и старшая сестра мотали сроки по самым разным статьям. Алекс сомневалась, что мать признавала его лидерство. С другой стороны, откуда Алекс знать, какие страсти кипят в этой преступной семейке? Единственно, что ей доподлинно известно, – Принсы – заклятые враги семейства Кроу и социальных служб. Стоит ей сейчас встретиться с Шейном взглядом, как тот наверняка сделает какой-нибудь похабный жест – согнет в локте руку и покажет ей кулак или потрет себе промежность.

– Эй, Дэниэл, передай своему папаше от меня привет! – выкрикнул Принс, пока Алекс быстро вела мальчишку к машине. – Пусть только попробует повесить на меня свои делишки. Отвечать придется тебе. Я своими руками откручу тебе яйца и все остальное. Ты так ему и скажи, что если что – пусть пеняет на себя. Да и сам тоже запомни.

Подтолкнув мальчика на заднее сиденье машины, Алекс юркнула вслед за ним. Не успела она захлопнуть дверь, как Бен на всей скорости – едва ли не на двух колесах – вырулил за угол. Конечно, вряд ли кто-нибудь бросится за ними вслед. И все же такую возможность исключать нельзя. Алекс была благодарна Бену за то, что тот не снимает ногу с педали газа. Да и Дэниэл, судя по его испуганной физиономии, тоже был несказанно рад оказаться вне досягаемости Шейна Принса.

Неужели тому и впрямь хватило бы дерзости поднять руку на беззащитного мальчишку? Ответ был один: да, хватило бы. Несчастный ребенок! У него практически нет шансов вырваться из своей среды, вырасти здоровым, оптимистичным молодым человеком, перед которым открыт целый мир возможностей.

Дэниэл сидел рядом с ней, сжавшись в крошечный костлявый комочек. Алекс ощущала всю бесполезность своего сострадания. Как ни прискорбно, она бессильна что-либо изменить. А ведь было время, когда она только-только вступала на этот путь, и ей казалось, что еще немного – и этот мир изменится к лучшему.

– Так куда мы едем? – буркнул Дэниэл. Оказавшись вне спасительных стен родительского дома, он заметно растерял свой колючий характер. – Я ведь сказал, что не поеду...

– Таннеры там, где им самое место, – перебила его Алекс. – В том числе и благодаря тебе. Ты молодец, что не стал терпеть и молчать.

– Ага, так я им и дал вытворять со мной свои пидорские фокусы, – сердито откликнулся мальчик. – Это скорее по твоей части, – последняя фраза предназначалась Бену.

Бен выразительно посмотрел на задиру в зеркало заднего вида.

– Твоя временная приемная семья живет в Вестли. – Алекс поспешила перевести разговор с больной темы, для чего и упомянула куда более приличный район, нежели тот, в котором вырос Дэниэл. Ее слова явно не произвели впечатления на мальчишку.

– Подумаешь! – презрительно буркнул он. – Я там пробуду всего пару дней. Пока не выпустят мать.

– Верно, – подтвердила Алекс, прекрасно зная, что Лоре придется пробыть в кутузке довольно долго, и тогда мальчика ждет новая приемная семья, причем не обязательно в Вестли.

– Ты уже отреагировала на ту эсэмэску? – спросил Бен с переднего сиденья. – Ту, что тебе прислала наша «Принцесса на горошине»?

Алекс со злостью посмотрела на его затылок. И зачем он только начинает этот разговор при мальчике? Это надо же быть таким идиотом! Тем более что Бену прекрасно известно, что одна из ее подопечных, Кайли Адамс, пригрозила убежать и никогда больше не возвращаться, если Алекс к пятнице не подыщет для нее новую приемную семью.

– Я в курсе, – коротко отозвалась Алекс. Бог свидетель, Бен ведь сам сидел там, когда она разговаривала с приемными родителями девочки, которые теперь просили как можно скорее забрать ее от них. Искусный манипулятор, готовая при любом поводе резать себе вены или биться головой об стенку, презирающая всех девочек своего возраста, Кайли требовала к себе особого подхода. Алекс сейчас была занята тем, что подыскивала для нее новые варианты, стараясь уладить все таким образом, чтобы склонная к членовредительству девочка всегда была в поле зрения социальных работников.

Вытащив телефон из сумки, остававшейся в машине, пока уламывали Дэниэла, Алекс проверила, нет ли новых текстовых сообщений от Кайли. Ага, есть. Причем крайне мало-приятное.

Только что вскрыла вены. Повсюду кровь. Как же я ненавижу этот мир и тебя и всех, кто в нем живет!

Быстро прокрутив телефонную книгу, Алекс нашла номер приемных родителей Кайли и позвонила. Ей было сказано, что ее подопечная уже по дороге в больницу.

– Я приеду, как только освобожусь, – сказала она несчастной женщине на другом конце линии. Бедная Одри Бишоп, ей не позавидуешь. А ведь Одри – в числе самых лучших опекунов. Лучших среди тех, кто умеет ладить с психически неуравновешенными, склонными к насилию, в том числе и над собой, подросткам. Но в случае с Кайли даже ангельского терпения семьи Бишоп оказалось недостаточно.

– Привет, Фиона! – сказала Алекс, переключаясь на другой номер. – Мы будем у Феннов минут через пятнадцать. Может, раньше.

– Отлично, – ответила Фиона. Это она договорилась о приемной семье для Дэниэла в Южном Кестерли, поскольку в северной части города для него ничего не нашлось. – У тебя уже есть ордер на срочное изъятие из семьи?

– Пока нет. Ребенок официально под защитой полиции, – ответила Алекс. – До тех пор, пока его не поместят в семью. Кстати, забыла спросить у тебя, в этой семье уже есть дети, родные или приемные?

– Родные дети учатся в колледже, но в данный момент у них есть приемный семилетний мальчик, Оливер Баррат. Он страшно скучает по матери, но мы пока не уверены, можно ли отдать его ей. Все же с головой у нее не все в порядке.

– Она проходит курс лечения? – спросила Алекс.

– Разумеется.

– И как давно он у Феннов?

– Уже почти месяц. Они от него просто без ума.

Алекс насторожилась. Кто знает, как отнесется Дэниэл к такому ранимому ребенку, как Оливер? Ладно, посмотрим. В крайнем случае можно будет что-то придумать. С этими мыслями она нажала кнопку отбоя, после чего сначала позвонила на работу. Затем набрала номер управления юстиции, чтобы выяснить, как там обстоят дела с документами на Дэниэла. Последним был звонок адвокату, представлявшему интересы ее подопечных в деле об уличном ограблении. К тому времени, когда Алекс завершила звонки, они уже подъезжали к кирпичному георгианскому дому в Вестли.

Выходя из машины, Алекс невольно задалась вопросом, бывал ли Дэниэл раньше в домах вроде этого, с аккуратными гравийными подъездными дорожками и идеально ухоженными клумбами? Не говоря уже про массивную входную дверь с забавными топиариями¹ по обе стороны? Даже если и бывал, то лишь затем, чтобы помочь их грабить. В голову тотчас полезли малоприятные мысли о том, какого рода сувениры он может унести из этого дома.

– Вот это домище! – прокомментировал Бен, вытаскивая из багажника наволочку, набитую барахлишком Дэниэла, и добавил, уже себе под нос: – Не слишком ли жирно для этого говнюка?

– Может, подождешь нас снаружи? – предложила Алекс. Взяв нехитрый скарб Дэниэла, она перебрала через плечо собственную сумку и была уже готова передать своего подопечного на попечение временной семьи, как Бен счел своим долгом съязвить:

– Буду только рад, ваше высочество. Я с самого начала не горел желанием сюда ехать.

Алекс едва не сказала ему, что, будь у нее выбор, она никогда бы не прибегла к его помощи, однако вовремя промолчала. Подойдя к Дэниэлу, она положила ему на плечо руку и повернулась лицом к входной двери. Мальчик тотчас сбросил ее руку. В следующий миг дверь открылась.

– Привет, Алекс! – с улыбкой сказала китайка в очках, вышедшая им навстречу. Такой же социальный работник, как и Алекс, она, в отличие от нее, работала в престижном частном агентстве, которое занималось подбором самых достойных, самых надежных семей (каковых, к сожалению, в Кестерли было крайне мало), и потому получала в разы больше своих коллег-госслужащих. Впрочем, характер у нее был золотой, так что Алекс не держала на нее за это зла.

– Привет, Мей! – поздоровалась она. – Это Дэниэл.

– Рада с тобой познакомиться, Дэниэл! – улыбнулась Мей, протягивая ему руку.

Тот проигнорировал дружеский жест, вместо этого упершись взглядом в землю, которую он ковырял носком своей поношенной кроссовки.

Понимая, что в душе он переживает гораздо сильнее, хотя и старается не подавать вида, Алекс сказала:

– Может, пройдем внутрь? Дом такой красивый, правда ведь?

– Я хочу домой, – пробормотал мальчишка.

– Привет, так это ты, Дэниэл? – раздался в дверях доброжелательный голос.

Алекс подняла глаза. Перед ними стояла высокая, элегантно одетая женщина лет пятидесяти с небольшим.

– Здравствуйте, меня зовут Мэгги, – сказала она, обращаясь к Алекс и протягивая ей руку, после чего повернулась к Дэниэлу: – Знаешь, я только что приготовила мороженое. Столько, что нам одним его просто не съесть. Может, войдете и полакомитесь вместе с нами?

Алекс напряглась, ожидая привычного «да пошли вы», но была приятно удивлена, когда Дэниэл, пусть даже не слишком приветливо, сказал:

– Это как понимать «приготовили»? Его разве не продают в магазине или с тележки?

¹ Топиар (топиари) – фигурная стрижка деревьев и кустарников. – *Прим. перев.*

– Мэгги сама делает восхитительное мороженое, – сочла своим долгом сообщить Мей. Впрочем, Алекс заметила, что это ничуть не расположило к ней Дэниэла.

– Я всеми руками «за», – добавил высокий мужчина в очках и с седой бородкой, подошедший к ним. – Здравствуйтесь, молодой человек. Я Рональд, но ты можешь называть меня Рон, потому что так зовут меня почти все мои друзья. Слышал, ты поживешь у нас какое-то время?

Дэниэл с опаской воззрился на Рона Фенна.

– Можешь занять отдельную комнату, – добавила Мэгги. – Или, если хочешь, живи в одной вместе с Оливером... Кстати, где же он?

После этих слов в дверях появилась крошечная испуганная фигурка с копной темных блестящих волос. Сердце Алекс разорвалось от жалости и ужаса. Мальчик был такой крошечный и выглядел таким беззащитным, что она вновь испугалась, что Дэниэл начнет его обижать. Страшно подумать, вдруг Дэниэл будет с ним жесток или – еще хуже – начнет обучать всяким гадостям. Увы, скорее всего, так и произойдет. Это обычная история, особенно среди приемных детей: сильные, как могли, вымещали свою озлобленность на слабых, а те в результате превращались в затравленных зверьков, выживавших любыми способами.

С другой стороны, Дэниэл ведь тоже ребенок и не меньше Оливера нуждается в заботе и внимании, даже если сам не желает в этом признаться. Хоть бы в этом доме он их обрел. Пусть даже временно, пока его не переведут куда-то еще. Да, но что будет потом?

Понимая, что тревожиться об этом сейчас бессмысленно, Алекс положила руку ему на плечо и вслед за Феннами вошла в дом. Как только Дэниэл обустроится, она попросит Бена подбросить ее в больницу – нужно проверить, как там Кайли, – после чего вернется на работу, потому что именно там она оставила свою машину. Хотелось бы надеяться, что она успеет на важную встречу с семьей иммигрантов из Эфиопии, которые – приятное исключение – были только рады поддержке и вниманию со стороны социальных служб.

К сожалению, так бывало не часто. Куда чаще Алекс и других ее коллег местные жители встречали в штыки. Особенно во вверенном ей районе. И хотя порой от бессилия у нее опускались руки, она ни разу не оставила в беде ребенка, нуждавшегося в ее защите.

Ни разу.

* * *

Эрика Уэйд смотрела в окно своего унылого дома на Норт-Хилл. Когда-то это был внушительный викторианский особняк с аккуратно выкрашенными стенами и окнами, пестревшим цветами палисадником и ухоженной подъездной дорожкой. Дом стоял на отдельном участке, в окружении живой изгороди, а на заднем дворе высился гигантский клен. В таком доме полагалось жить приличному зажиточному семейству, что когда-то, наверно, так и было.

Взгляд Эрики был устремлен в конец короткой подъездной дорожки. Там, среди густо разросшихся кустов, распахнутые полуразвалившиеся ворота. Впрочем, она их не замечала. Как не замечала и цветы, тянущиеся к солнцу из окружавших лужайку зарослей. Понурая вишня отбрасывала кружевную тень на кукольный домик и игрушечную коляску. Но Эрика не замечала и их.

Время от времени ее взгляд выхватывал легковушку или грузовик, с ревом пронесшиеся мимо по дороге, как будто надеялась умчаться вместе с ними отсюда прочь. А вот пешком мимо дома почти никто не проходил. Разве что постояльцы расположенного рядом фешенебельного пансиона. Правда, все они останавливались там лишь на пару ночей. Та же история с летними апартаментами слева от дома и по другую сторону дороги с четырехполосным движением.

Из ее окон моря не было видно – дом стоял на другой стороне холма. Но если подняться на него, а это не больше минуты ходьбы, то открывался изумительный вид на устье реки и залив Кестерли. Туристы и просто фотографы обожали делать отсюда снимки старомодного приморского городка. Широкая полоса песчаного пляжа пролегла между двумя утесами, окутанными во время прилива радужной пеленой мелких брызг. На равном расстоянии от утесов едва ли не к самому горизонту протянулся недавно реконструированный пирс – казалось, он так и манил уйти по нему в неизведанную даль.

Но Эрика ни разу не поднялась на холм и не дошла до конца пирса.

Ее усталые серые глаза оставались пусты даже тогда, когда она провожала взглядом пару ласточек, что стремительно пронеслись над гаражом рядом с домом. Птицы свили гнездо внутри гаража, и теперь ее машина была сплошь заляпана птичьим дерьмом. Впрочем, какая разница. Она все равно никуда на ней не ездит, Брайан же обычно оставляет свою на дорожке перед домом.

Черты ее лица были тонкими и правильными, а вот кожа – бледной и морщинистой, прибавляя как минимум десяток лет к прожитым ею тридцати. В любом случае, она давно уже не чувствовала себя живой, а если и чувствовала, то крайне редко. Иногда, приняв лекарства, Эрика ощущала прилив энергии. Возникало ощущение свободы, и тогда она казалась себе кем-то вроде мотылька, порхающего среди цветов шиповника, вербены и молочая.

Когда-то эти мотыльки вдохновили бы ее сочинить мелодию. Но теперь у нее не было ни пианино, чтобы ее сыграть, ни желания попробовать. Когда-то она знала названия мотыльков. Возможно, она и сейчас их вспомнит, если постараться – махаон, адмирал, белянка... Но вспоминать не хотелось. Это значило бы проявить к ним интерес, ей же это ни к чему, даже если ее сознание – тоже как мотылек – трепещет крылышками над мыслями и горизонтами, замечая их, но не позволяя им вторгнуться в темные, искореженные глубины ее чувств.

Какое-то время назад почтальон опустил в ящик какие-то конверты. Он – один из немногих, кто приходит сюда. Он и еще несколько человек, что доставляют сделанные по Интернету покупки, и член местного совета, агитирующий проголосовать за него на выборах. А ведь когда-то их дом гудел от посетителей – главным образом детей, которые приходили брать уроки игры на фортепьяно. Правда, тогда они жили в другом доме – в том, который они купили, когда родился Джонатан. Это было на севере, за много миль отсюда, почти у самой шотландской границы.

Были у нее и подруги, пусть даже всего несколько. Они продолжали приходить и после того, как умер Джонатан. Увы, у нее не было сил притворяться, что ничего не произошло, что жизнь продолжается. Она была вынуждена попросить родителей своих учеников подписать им других преподавателей, после чего отгородилась и от подруг. Вскоре единственным человеком, которого она видела рядом с собой, остался ее муж Брайан.

Это не считая Отилии, потому что той всего три года. Кажется, скоро ей будет четыре. Эрика не могла точно сказать, потому что дата – число и месяц – вылетели у нее из головы. Лучше бы ей вообще не видеть Отилию! Да-да, так ей было бы гораздо легче.

Она чувствовала на себе глаза девочки, и от их взгляда ей делалось не по себе. Сердце начинало колотиться в груди, в голове со свистом пронеслись ласточки, в глазах плясали мотыльки. Отилия наблюдала за ней, застыв в дверях в дальнем конце комнаты, ожидая, когда она повернется к ней. Эрика почувствовала, как по ее спине скатился ручеек пота.

Что, она думает, должно сейчас произойти? И думает ли она вообще? Нет, вообще-то она думает, но откуда знать, что там творится в ее голове, если она почти не говорит? Ее глаза цвета коры бука, волосы – мягкие, как кашемир, кудрявые и темные, как земля. Эрика редко смотрела на дочь. Это выбивало ее из колеи. Ведь она, Эрика, слишком слаба,

слишком убита горем и вообще, за себя не ручается. Страшно подумать, что будет, если дочь прикоснется к ней.

Отойди от меня. Отойди от меня. ОТОЙДИ ОТ МЕНЯ, ТЫ МЕРЗКАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА.

Кто произнес эти слова? Ее собственный голос или один из тех, что обитают в ее голове?

Отилия никогда не знала своего брата. Когда она родилась, тот уже умер. Она появилась на свет спустя несколько месяцев – своего рода компенсация. Или же наказание. Да-да, именно так: что-то вроде пожизненного заключения за то, что она, Эрика, сделала – или же, наоборот, не сделала.

Отилию купал Брайан, он же укладывал ее спать. Он будил ее по утрам и кормил завтраком. Если бы не он, Отилия ходила бы грязной, а может, даже голодной. Хотя, когда она бывала голодна, она научилась сама доставать из холодильника еду. Иногда Брайан читал ей книжки или играл с ней игры, в игры, в какие она сама бы никогда не стала играть.

Когда такое бывало, она ставила музыку – Брамса или Дебюсси, – чтобы утонуть в звуках своих любимых сонат. В конце концов милосердные вещества проникали ей в мозг и тихо его отключали. Как же она ненавидела эти игры, презирала их, как презирала своего мужа, свою мать, своего отца и весь этот паршивый прогнивший мир.

Увидев, как машина Брайана свернула на подъездную дорожку, она отпрянула от окна, не желая, чтобы он ее заметил. Теперь они спали в разных комнатах и общались только в случае необходимости. Он знал правду, знала правду и она. И этот секрет связывал их вместе, причем так крепко, что порой Эрика не понимала, как она еще не задохнулась в его путях.

Она прошла через комнату. И пока она шагала, призраки расступались – прежние обитатели дома, которые вечно подглядывали за ней из своих углов. Может, они пытались ее пристыдить? Или слышали голоса в ее голове? Может, это их голоса? И они слушают, когда она разговаривает с Отилией. Интересно, они морщат нос, слыша, что она говорит ей бесвязным, безумным шепотом? Сейчас ей даже не хочется смотреть в сторону Отилии. Ее нервы натянуты как струна, из глаз вот-вот хлынут слезы.

Она знала: Отилия наклонила голову и смотрит в пол. Она ждет, когда мать прикоснется к ней... или приготовилась отпрянуть? Ее ручки и ножки такие крошечные даже для ее возраста, такие бледные. Редкий луч солнца касался этого злосчастного ребенка. Девочка почти не выходила из дома, даже в сад, чтобы поиграть там с игрушками, которые ей покупал ее благодарный папочка.

Впрочем, время от времени он брал ее погулять, правда, недалеко и ненадолго.

– Он дома, – сказала Эрика, проходя мимо дочери в кухню. Он, как обычно, захочет выпить виски с содовой. Эрика была готова его ублажить, при условии что он привез то, что ей нравится. Иногда он сажал свою маленькую девочку себе на колени и рассказывал ей, как прошел его день. Он рассказывал ей про детей, которых учил в школе, где работал заместителем директора. Про тех, что умели прекрасно рисовать, решать задачи и не делали орфографических ошибок, и про тех, кого он ругал за их лень.

Им всем было от пяти до семи лет. Вот и Джонатану, будь он жив, тоже было бы семь.

У них в доме не было его фотографий. В некотором смысле, его как будто никогда не существовало, лишь память о нем тлела в ее сознании и травила ей душу постоянным присутствием Отилии.

Отилия увязалась за ней в кухню. Ну почему она, словно Немезида, вечно преследует ее? «Уходи, – мысленно приказала ей Эрика. – Убирайся прочь от меня. Кому сказано, убирайся прочь! ОТОЙДИ ОТ МЕНЯ, ТЫ МЕРЗКАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА».

Впрочем, какая разница, увидит ли Отилия, что ее отец принес в дом и что даст ее матери. Откуда ей знать, что это такое. А даже если бы и знала, то все равно бы не поняла.

Он не может забыть, он не хочет. Он знает, что будет в таком случае.

В этом была вся ее сила, ее единственное спасение.

Дверь открылась. Она велела себе не смотреть в его сторону. Увы, ей не удалось себя превозмочь. Видя это, он достал из кармана конверт и швырнул его ей через стол. Взгляд его был полон презрения. Затем он повернулся к Отилии и раскрыл объятия, приглашая ее подойти к нему.

Отилия осталась стоять на месте, прижав ко рту своего верного мишку. Ее глаза были круглыми от страха. Казалось, всего один порыв сквозняка, и ее крошечное тельце улетит прочь. Не будь мысли Эрики заняты сейчас другим, она бы улыбнулась, видя его поражение. В кои веки дочь прислушалась к отчаянному совету матери, как и положено послушной маленькой девочке. «Не подходи в папе. Не подходи к папе. Держись от него подальше, ТЫ МЕРЗКАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА».

Брайан пришел бы в ярость, узнай он об этом.

Но с какой стати ей должно хотеться к папочке?

– Подойди ко мне, Отилия! – приказал он ей.

Отилия посмотрела на мать, ожидая, что та ей скажет. Но Эрика лишь оттолкнула дочь с дороги и прошла мимо. Ей не терпелось попасть к себе в комнату. Отилия повернулась, глядя ей вслед, а в следующий миг отцовские руки оторвали ее от пола. Крошечное тельце тотчас обмякло, и она лишь крепче прижала к лицу своего верного мишку.

Глава 3

– Алекс, киса, приготовься.

Алекс так быстро отвернулась от пластиковой доски, на которой она записывала все свои передвижения за день, что почти столкнулась с Томми Берджесом, старшим их команды.

– Эй, ты с чего это такая пугливая? – рассмеялся он, помогая ей выпрямиться.

– Я была за многие мили отсюда и не слышала, как ты вошел, – ответила Алекс, закатывая глаза.

Томми с его северным акцентом, длинными патлами и мускулатурой регбиста был ей определенно симпатичен, и не в последнюю очередь потому, что служил отличным буфером между ней и Венди, руководителем их отдела.

Когда-то Венди была вполне вменяемой, умела поддержать коллег, даже в критических ситуациях, которые навлекали на сотрудников отдела опеки критику властей или прессы. Но с момента повышения (прошло всего два года) ее стало не узнать – высокомерная особа, заинтересованная в том, чтобы скорее произвести впечатление на начальство, нежели вникать в то, что происходит здесь, на грешной земле.

Прочтя, что она написала на доске, Томми поморщился. *Забрала Дэниэла Кроу от опекунов в Вестли, вернулась в ТФ.* (Так обычно здесь называли Темпл-Филдс.)

– Рита сказала сегодня утром, что она скорее прогуляется пешком по Сектору Газа, чем проедет на машине по Темпл-Филдс, – прокомментировал он.

Алекс выгнула брови. Никто не горел желанием совать нос в этот район, однако ее коллега Рита боялась его до потери пульса. Впрочем, нечему удивляться – бедняжку бросала в дрожь даже собственная тень. Как и Бен, Рита была явно не на своем месте.

– Ну, там не все так плохо, – вздохнула Алекс. – Впрочем, если подумать, может, ты и прав. В любом случае, я не горю желанием снова иметь дело с Лорой Кроу. Не успели ее забрать, как выпустили снова и сняли все обвинения. Как такое может быть, хотела бы я знать?

– Нашлась какая-нибудь отмазка, или же она им что-то пообещала взамен. Впрочем, какая разница, – наше дело – мальчишка. Ты выяснила, как прошли выходные в приемной семье?

Алекс помахала рукой другой коллеге, Тамсин Грин, когда та, пожелав всем хорошего вечера, выскользнула за дверь, и сказала:

– Я всегда считала, что отсутствие новостей – уже хорошие новости.

– Разумно, – кивнул Томми и резко окликнул: – А ты что здесь забыла, Амина?

Амина, кенийка по происхождению, была самым младшим членом их команды.

– Забыла взять папку с делом, – сказала она, бросившись к своему столу. – Разве можно выступать в зале суда без папки? Кстати, Алекс, ты знаешь, что у тебя спустило колесо?

– Не может быть! – воскликнула та. – Можно подумать, у меня есть время вспомнить про какие-то там колеса!

– Ты, главное, повежливее с Гэсом! – крикнул Пит Минчин, имея в виду механика из мастерской в дальнем конце бизнес-парка, где располагался их офис. Пит был специалистом по детям-инвалидам и одним из четверых мужчин в их команде. Остальные – это Виктор, борец-любитель, к чьим услугам всегда прибегали, когда требовалось применить мышечную силу, и, конечно же, Бен, который вообще никогда не делал никаких физических усилий.

– Ну, все, ухожу, – объявила Амина, направляясь к двери. – Пожелайте мне удачи, мы ведь не хотим, чтобы какой-нибудь идиот-судья отправил Харви Кричли назад к его гнусному дядюшке.

Вскинув в знак согласия руку, Томми последовал за Алекс в холл для отдыха, где парочка посетителей с нижних этажей делали себе чай. Алекс посмотрела в окно на свою машину.

– Слава богу, что колесо спустило не у меня, – заявила она, облегченно вздохнув. – Просто Амина приняла за мою машину чью-то еще той же модели и такого же цвета. Ладно, вернемся лучше к нашим делам. К чему мне готовиться? Если ты хочешь поручить мне сделать за кого-то отчеты...

– Нет-нет, – поспешил успокоить ее Томми. – Правда, Салли на больничном, и из-за нее мы опаздываем с отчетностью.

– Только не это, прошу тебя! Ты ведь знаешь, ее почерк невозможно прочесть. Кроме того, у меня самой накопилась куча бумаг, успеть бы их разгрести. Вот только где взять время?

– Ничего, найдешь, я знаю, – с подкупающей улыбкой заверил ее Томми. – Может, чуть позже, когда вернешься. Ну, после того, как нанесешь визит кое-кому из соседей Кроу.

Алекс тотчас встала грудью на свою защиту.

– Даже не думай, Томми! Нет, нет и еще раз нет! – объявила она, раскинув руки наподобие креста. – Ты не можешь взвалить на меня Принсов.

Томми с виноватым видом посмотрел ей в глаза.

– Поверь, я никогда бы не стал этого делать, но у меня нет выхода.

– За них отвечает Виктор, – напомнила ему Алекс.

– Виктор вывихнул плечо на выходных.

– Ты надо мной издеваешься?

– Боюсь, что нет. Кристи и Джейн в отпуске, так что нас осталось лишь шестнадцать человек вместо обычных двадцати... Ну, поднимите же вы наконец трубку!.. А поскольку все остальные заняты по самые уши...

– А я, по-твоему, нет?

– Знаю, но ведь кто-то должен за это взяться.

– Но почему я? С меня уже хватает мерзостных Кроу.

Томми посмотрел на нее взглядом, полным сочувствия.

Алекс прищурилась. Кажется, до нее дошло, в чем тут дело.

– Это ведь тебя Венди науськала, не так ли? – резко спросила она. – Тогда передай ей от меня...

– Тсс! – Томми жестом предостерег Алекс. – Она у себя в кабинете.

– Тогда я ей скажу сама.

– Только не сейчас. – Томми удержал Алекс за руку. – У нее там шеф, и вряд ли тебе пойдет на пользу, если ты ворвешься в кабинет прямо посреди их разговора, чтобы высказать ей все, что ты о ней думаешь.

Алекс оторопела.

– За мной такого не водится, – сказала она в свою защиту.

– Нет, конечно, – усмехнулся Томми, – особенно когда дело касается Венди.

– Ну, хорошо, – согласилась Алекс, – почему бы разок не сделать исключение из этого правила, раз она вечно вешает на меня самые гадкие дела. Как говорится, «бери, боже, что нам негоже».

– Воспринимай это как комплимент, – предложил Томми. – Просто она знает: что тебе ни поручи, ты обязательно справишься.

– Да, не туда ты пошел работать, – сказала Алекс, понимая, к чему он клонит. – Тебе бы вести переговоры о мире на Ближнем Востоке или же податься в уличные проповедники.

– Мне и здесь неплохо, – весело ответил он. – Так что давай я лучше просвещу тебя на предмет этих Принсов.

– Разве я сказала, что берусь за это дело?

– А куда ты денешься? В общем, нам позвонил их участковый врач. У него якобы снова имеется повод для беспокойства в отношении Полли Принс...

– Это то самое прелестное четырнадцатилетнее создание, которое в прошлый раз пытались сжечь дом Ширли Литтл, когда ее поместили к ней?

Томми поморщился.

– Да, она самая. И думаю, нам не стоит в очередной раз отправлять ее к Ширли. Впрочем, это не твоя проблема.

– Нет, моя проблема состоит в том, как увезти ее из гадюшника, когда ее братишка-головорез сообщит, что я явилась в их дом именно с этой целью.

– Нет, сначала ты съездишь туда, чтобы только поговорить, – напомнил ей Томми. – Никаких серьезных наездов, никаких изъятий. Тебе просто нужно оценить ситуацию.

– А кто поедет со мной? Не могу же я явиться туда одна?

– Верно, не можешь. Именно по этой причине я не советую тебе туда ехать после того, как вернешься домой Дэниэла. Сегодня нам некого выделить тебе в помощь, так что придется подождать до...

– Чертовы анонимщики, заколебали! – раздраженно воскликнул Бен, проходя мимо них к столику, чтобы приготовить себе чай. – Уже второй раз звонит некто, чтобы рассказать про какого-то ребенка на Норт-Хилл.

– А что с ребенком? – уточнил Томми.

– В том-то и дело, что ничего. Звонит женщина и говорит лишь, что мы должны навестить туда по одному адресу и проверить. И ни слова о том, почему, и в чем, собственно, состоит проблема. Ей лишь бы отнять у нас наше драгоценное время.

– Ты сделал все требуемые в таких случаях звонки? – спросил Томми.

Бен явно оскорбился этим вопросом.

– Разумеется, и я говорю вам, что там все в порядке. Мать ребенка – преподаватель музыки, отец – заместитель директора местной школы. По словам наших коллег из Южного Кестерли, он уважаемая личность. Когда я разговаривал с ним, он был сама учтивость. Сказал, что всегда готов нам помочь.

Томми нахмурился.

– У него имелись предположения относительно личности звонившей? – спросил он.

– Да. Скорее всего, у нее не все в порядке с головой. Причем эта особа портила ему кровь, еще когда он работал в другой школе. Разумеется, он был расстроен. Ему казалось, что, переехав сюда, он может вздохнуть спокойно, но, похоже, эта тетка его и тут выследила.

Алекс отошла к своему столу. Томми же обратился к Бену:

– Не забудь зарегистрировать звонок и оформи все по протоколу. Излишняя предосторожность не помешает. – Сказав это, Томми догнал Алекс. – Итак, Полли Принс, – сказал он, возвращаясь к их теме. – Если бы не курсы, которые я должен посещать в ближайшие две недели, я бы поехал с тобой сам.

– Тебя не будет целых две недели? – искренне ужаснулась Алекс.

– Скажи мне, что это неправда! – пискнула из-за соседнего стола Саффи Дайер. – Томми, ты не можешь бросить нас на две недели! К тому времени как ты вернешься, здесь будет полный хаос! Или тюрьма, если Венди возьмет бразды правления в свои руки.

– Тсс! – предостерег ее Томми и даже обернулся через плечо. Остальные расхохотались. – Она у себя, – шепотом напомнил он Саффи.

– Ну и пусть слышит, – сказала Алекс. – В любом случае, она в первую очередь вешает все на меня. И эти чертовы Принсы – очередное тому подтверждение.

– Да, не повезло, – сочувственно вздохнула Саффи.

– Подумай, с кем бы ты хотела к ним поехать, – напомнил Томми.

– Погоди, прежде чем уйдешь... Этот врач, он сказал им, что снова нам звонил? – уточнила Алекс.

– Он знает правила, так что наверняка сказал.

– Великолепно! – пробормотала Алекс. – То есть, когда я подъеду туда, чтобы вернуть Дэниэла матери, мою машину разнесут вдребезги, прежде чем я успею из нее выйти. Ведь если кто-то из Принсов меня увидит, они сразу решат, что я к ним пожаловала без предупреждения.

Томми не исключал такой возможности.

– На мой взгляд, лучший вариант – позвонить им прежде, чем ты поедешь за Дэниэлом. В этом случае, если они увидят тебя сегодня, то вряд ли подумают, что ты явилась туда по их души.

– О, да, так я буду чувствовать себя в полной безопасности! – сухо съязвила Алекс. – Так кто готов составить мне компанию? – спросила она, обводя глазами офис. Все как по команде втянули головы в плечи. Алекс кисло усмехнулась.

В следующий миг в комнату с чаем вошел Бен. Алекс вопросительно посмотрела на Томми. Тот довольно улыбался.

– Даже не думай, – процедила она сквозь зубы. – Ты уже посылал его со мной на днях.

– Просто больше никого не нашлось, – пробормотал Томми, кладя ей на плечо руку, как будто хотел отключить некую невидимую кнопку.

Он прекрасно знал, что в иных ситуациях пользы от Бена – как от козла молока, не говоря уже про его талант спихивать с себя на чужие плечи бумажную работу. Алекс была почти уверена: Томми не станет выделять ей такого, с позволения сказать, «помощничка». По крайней мере, не сейчас.

– Мне пора, – сказала она и начала собирать сумку.

– Хорошо. Главное – не забудь, что сегодня днем у нас встреча по Хэмишу Джингеллу, – напомнил ей Томми, направляясь к себе. – Бен, ты зарегистрировал звонок, поступивший по тому ребенку с Норт-Хилл?

– Именно этим занимаюсь! – чуть раздраженно крикнул в ответ Бен.

– Кстати, родители Хэмиша будут присутствовать? – спросила вдогонку Алекс, пока Томми не скрылся за дверью.

– Судя по всему, мать. Папаша снова в бегах.

Такой ответ ничуть ее не удивил. Отец Хэмиша работал водителем-дальнобойщиком. Более того, в разных концах страны у него было как минимум еще пятеро детей, причем каждый по той или иной причине был известен работникам социальных служб.

Алекс развернула кресло, еще раз проверила, нет ли новых сообщений на мобильнике, и направилась к двери. Шансы Хэмиша в обозримом будущем вернуться к матери стремились к нулю. Причина же заключалась в том, что Хэмиш, похоже, до сих пор не отказался от своего желания воссоединить младшую сестричку с ее создателем.

Дойдя до двери, Алекс внезапно вспомнила, что ей нужно предупредить Принсов о своем визите к ним. Описав изящный пируэт, она вернулась к столу и поискала в компьютере номер их телефона.

– Алло, это миссис Принс? – вежливо уточнила она, когда на другом конце линии ей ответил женский голос.

– Кто ее спрашивает? – последовал не слишком любезный вопрос.

– Работник социальный службы.

– Иди ты знаешь куда! – И связь оборвалась.

– По-моему, очень даже неплохо, – сухо прокомментировала Саффи.

Алекс выгнула брови.

– Кто бы сомневался, – не без гордости ответила она. – Кстати, я не ослышалась? Ты вроде бы как изъявляла желание составить мне компанию? Здорово, я так и знала, что могу на тебя рассчитывать.

– Честное слово, я бы всеми руками за, если бы на мне не висело телерасследование, – солгала Саффи. – Ну, ты сама понимаешь...

Саффи была сомалийкой, и в данный момент помогала телерепортеру с расследованием случаев женского обрезания в местной сомалийской диаспоре. Алекс не могла представить себе ничего более омерзительного, что можно сделать с ребенком, – вернее, могла, потому что сталкивалась с такими вещами постоянно, – и потому была готова принять отговорку Саффи.

Через десять минут она уже выезжала за пределы старого унылого бизнес-парка. Внезапно ее внимание привлекла молодая семья, входившая в один из загородных мебельных магазинов. Ее сердце забилось быстрее от радости. Маленькая девочка со светлым конским хвостиком сидела на плечах у отца, в то время как мать строила комичные гримасы сидевшему в коляске малышу. Как хорошо, что в этом мире есть миллионы дружных, счастливых семей, где дети чувствуют себя в безопасности, где их любят, где они, слава богу, даже не представляют все те ужасы, с которыми Алекс едва ли не каждый день сталкивалась по работе.

Доехав до приморского бульвара, Алекс бросила взгляд в сторону горизонта. Пожалуй, она успеет забрать Дэниэла, прежде чем начнется гроза. С другой стороны, лучше не зарекается. Вдруг ей придется доставить мальчика к двери дома под раскаты грома и вспышки молнии – этакие световые и шумовые эффекты главного события этого дня.

Свернув с бульвара, промчавшись мимо городского бассейна, она выехала на дорогу, которая, извиваясь, вела в гору, спускаясь затем в южную зеленую часть города. По пути она начала мысленно составлять список отчетов, которые ей предстоит написать, когда она вернется в офис.

Энни Эш, некогда вечно пьяная, толстая, погруженная в депрессию мать-одиночка двоих детей, теперь встала на путь исправления и могла рассчитывать получить детей обратно. Служба поддержки семьи сотворила с ней чудеса – она даже похудела со ста двадцати килограмм до девяноста. И до сих пор придерживалась диеты. По крайней мере, так она вчера заявила Алекс – причем, одарила голливудской улыбкой: она явно побывала и у зубного врача. Ну а самое главное – с того ужасного дня, когда Алекс была вынуждена забрать у нее детей, у нее во рту не было ни капли алкоголя.

Тогда Энни даже не пыталась оспаривать это решение. Она была подавлена и в ужасе от себя самой. Она прекрасно понимала, что не справляется со своими материнскими обязанностями. Со слезами на глазах она честно призналась, что забыла, когда в последний раз готовила еду для своих детей, Бекса и Вики, не говоря уже о том, когда их мыла. Тогда Алекс поклялась, что поможет ей вернуться к нормальной человеческой жизни.

И теперь склонялась к тому, чтобы поддержать идею вернуть детей матери, которая пока имела право посещать их лишь по выходным. Чашу весов Фемиды в пользу Энни должен был перетянуть и тот факт, что недавно она подала заявление о приеме ее на работу на неполный рабочий день в качестве уборщицы.

Следующим в списке значился Тайрон Миллер, чей так называемый дядя (а на самом деле очередной любовник матери) был тот еще мерзавец.

Алекс была уверена: когда мальчик не в школе, этот негодяй держит ребенка в запертой комнате, хотя ни сам Тайрон, ни его мать никогда в этом не признаются. Так что пока Алекс не в состоянии ничего доказать.

Самая большая проблема инспекторов отдела опеки – отсутствие прямых доказательств. Невозможно собрать доказательства, что дети подверглись насилию, даже тогда, когда у самой Алекс на этот счет не возникало никаких сомнений.

Затем Алекс мысленно принялась перебирать документы, подшитые к делу Джесси Мур, двенадцатилетнего сгустка ненависти и ярости. Мать девочки умерла пару лет назад, а тетя, на которую было возложено опекунство, выбросила ее на улицу.

Внезапно зазвонил ее личный мобильник, и Алекс, порывшись, выудила его из сумки. Звонил Джейсон. Надеясь, что полиции поблизости нет, она ответила на звонок.

«Ты думаешь, правила существуют для того, чтобы их нарушать», – тотчас прозвучал в ее голове голос приемной матери Майры.

– Привет, все в порядке? – спросила она, сбрасывая скорость на лежачем полицейском на Таннет-Хилл.

– Да, а у тебя?

– Как обычно, запарка, но я справлюсь. Главное, скажи мне, что ты приедешь на технический прогон.

– Всенепременно. Если повезет, мой последний заказ сегодня будет буквально в паре шагов от дома. Так что, возможно, я буду там даже раньше тебя.

У Джейсона был свой небольшой строительный бизнес. Не иначе как для него нашлась работа у какого-нибудь соседа, что хорошо, лишние денежки не помешают. Ведь в последнее время дела шли довольно вяло.

– Замечательно, – похвалила его Алекс. – Значит, я смогу заехать в дом престарелых, узнать, как там поживает наша дорогая Милли. В воскресенье, в последний раз, когда я приезжала ее проведать, Милли спала. Кстати, ты получил сообщение от Габи? Какие у нее планы на выходные?

– Получил. Ты уверена, что после премьеры тебе захочется тащиться через полграфства в Девон?

– Это всего лишь сорок минут пути, в зависимости от количества машин на дороге. Не хотелось бы ее подводить? А ты как думаешь?

– В принципе, я не против. Хотя, по идее, выходные я должен проводить с детьми. Или ты забыла?

Алекс тотчас поникла. Да, она забыла. Вернее, предпочла стереть это из памяти.

– Если только Габи не против, – продолжал Джейсон, – мы вполне могли бы взять их с собой. Лично я не вижу причин, почему мы не можем это сделать.

Вообще-то причин было предостаточно – неизвестно, как его старшая отнесется к двойняшкам Габи. Впрочем, Алекс не стала говорить этого вслух.

– Чудесная идея, – прошептала она. – Если не ошибаюсь, они ночуют у нас на этой неделе.

– Да, в четверг, – подтвердил Джейсон. – Если ты, конечно, не возражаешь.

– Разумеется, нет, – солгала она. – Я уже думала, что бы им такое приготовить. Или просто сходим все вместе в город поесть пиццы?

– Они будут в восторге. Ладно, не буду больше тебя отвлекать. Позвони мне, как будешь возвращаться домой. Кстати, после технического прогона я хотел бы с тобой поговорить кое о чем. Нет-нет, ничего страшного, так что даже не бери в голову.

Алекс со смехом заверила его, что не будет, однако, нажав на кнопку отбоя, еще несколько минут ломала голову над тем, что это могло быть. Как она ни старалась, мысли упорно устремлялись к алтарю.

Впрочем, куда более насущные дела сегодняшнего дня быстро заставили мечты и догадки отступить на второй план. Вскоре Алекс уже сворачивала на подъездную дорожку к дому Феннов. Увы, путь ей наполовину перегородил дорогой «Мерседес». Кое-как протис-

нувшись мимо него на своем «Пунто», Алекс вышла из машины и позвонила в переднюю дверь.

– Иду! – раздался изнутри дома голос, и спустя миг Мэгги Фенн уже впустила ее дом. – Прошу прощения, у нас тут проблемы с парковкой, – поспешила она извиниться перед гостьей. – Этот «зверь» принадлежит моему брату Энтони. Он оставляет его здесь всякий раз, когда приезжает с друзьями на рыбалку. Они поочередно садятся за руль. Он у нас адвокат, – с гордостью добавила она. – В Лондоне.

Гордость за брата одновременно тронула и позабавила Алекс.

– Как прошли ваши выходные с Дэниэлом? – спросила она.

Мэгги просияла.

– Вообще-то очень даже неплохо, – заявила она. – Скажу честно, мне даже грустно, что он уезжает от нас.

Алекс от удивления разинула рот. Такого ответа она не ожидала.

Мэгги Фенн улыбнулась.

– С ним не соскучишься, – спокойно объяснила она. – Вы даже не представляете, сколько разных историй он знает. Неудивительно, что Оливер к нему так привязался. Сейчас сами увидите.

Алекс было даже страшно представить, что за истории он мог им рассказывать. А вот то, что они с Оливером поладили, слышать было приятно.

– Скажу честно, я ожидала услышать нечто другое. Но я рада, что у вас все было хорошо.

Мэгги подмигнула ей и повернулась к мужу – тот как раз спускался вниз по лестнице.

– Мэгги, боюсь, тебе придется подняться к Оливеру, – сказал он. – У него там истерика.

– Бедняжка! Он с ужасом ждал этого момента, – пояснила она Алекс, после чего поинтересовалась у Рона. – А как Дэниэл?

– У себя в комнате. Собирает свои вещи.

Мэгги повернулась к Алекс:

– Может, подниметесь вместе со мной?

Алекс была отнюдь не уверена в том, что Дэниэл будет рад ее видеть, тем не менее, так и не найдя предлога, чтобы остаться внизу, была вынуждена подняться наверх вместе с Мэгги.

– Вчера мы ездили на взморье, – сказала Мэгги, пока они шагали по ступенькам на второй этаж. – Род подумал, что мальчикам не помешает свежий воздух. И был совершенно прав.

– Похоже, вы их здесь баловали, – отозвалась Алекс, любуясь семейными фото, которыми были увешаны стены. В основном это были портреты детей Феннов, сына и дочери, но были и другие снимки – судя по всему, мордашки приемных детей, побывавших в этих стенах за многие годы.

– А еще они подружились с Энтони, пока он был здесь, – продолжила свой отчет Мэгги. Рон уже подждал их на лестничной площадке. – Они даже попытались победить его в старый добрый настольный теннис. И ведь победили! А, Дэниэл, вот и ты. Алекс приехала, чтобы отвезти тебя домой. Ты уже умылся и собрал вещи?

Бледное мальчишеское личико было хмурым. Упорно отказываясь посмотреть Алекс в глаза, он буркнул в ответ нечто невнятное.

– Было приятно познакомиться с тобой, мой юный солдат, – сказал Рон Фенн, взъерошив его волосы. – Ты, можно сказать, стал для нас лучом света, особенно для Оливера.

Дэниэл стоял, опустив голову. От Алекс не скрылось, как он весь напрягся. Она догадывалась, каких трудов ему стоит не расплакаться у всех на виду. Чтобы хоть как-то его утешить, она сказала, что мать уже ждет его дома.

Дэниэл сглотнул комок и кивнул.

– Ты уже собрал вещи?

Неуклюже пожав одним плечом, он внезапно их всех оттолкнул и, громко топая, бросился вниз по лестнице.

– Я спущусь за ним, – сказал Рон. – А ты лучше проверь, как там Оливер, – напомнил он жене. – Сумка Дэниэла собрана, – добавил он, обращаясь к Алекс. – Можете захватить ее и отнести вниз.

– Мы дали ему новую сумку, – пояснила Мэгги. – У нас их и без того много. Нехорошо, что у него, кроме наволочки, ничего нет. А сумку пусть оставит себе.

– Да-да, – заверила ее Алекс. – Представляю, как он был ей рад.

– Входите смело, – сказала Мэгги, когда Алекс на миг замешкалась перед дверью, из которой только что вышел Дэниэл. – Там, конечно, все вверх дном, но ведь на то они и мальчишки.

С этими словами Мэгги направилась дальше. Алекс собралась с духом и вошла в комнату Дэниэла. И едва не расхохоталась, увидев обои и занавески в цветочек. Дэниэл совершенно не привык к подобным вещам. Не говоря уже об огромной двуспальной кровати. Не иначе как он подумал, что умер, а наутро проснулся королем.

Заметив рядом со старинным гардеробом спортивную сумку «Найк», Алекс с улыбкой подумала, что он наверняка был рад получить такой шикарный сувенир в память о нескольких днях, проведенных в этих стенах. Она уже собралась было поднять сумку с пола, как ей в голову пришла мысль: «А что, если официальным подарком дело не ограничилось и визитер прихватил на память что-нибудь еще?» Конечно, нехорошо рыться в чужих вещах, однако она не выполнит свой долг, если не заглянет внутрь и не проверит содержимое. И Алекс расстегнула молнию. Так и есть. К ее разочарованию, но, увы, отнюдь не удивлению, она обнаружила свадебное фото Феннов в серебряной рамке, завернутое в чистое, еще пахнущее стиркой полотенце.

Вернув его к другим фотографиям на подоконник, она снова застегнула сумку и направилась вниз.

Дэниэл стоял у передней двери вместе с Оливером и Феннами. Подойдя ближе, она поняла, что он пытается утешить Оливера.

– Выше нос, чувак, все будет путем, – говорил он. – Тебя никто не обидит, а если что, зови меня, понял?

Оливер покорно кивал головой, но плечи его содрогались от рыданий.

– Неужели ты не можешь остаться? – причитал он.

– Ты не должен так говорить, – укоризненно произнес Дэниэл. – Мне нужно домой, позаботиться о моей старушке. Ну, ты меня понял. Ей без меня никак, а пока меня нет, Мэгги и Рон позаботятся о тебе. Они хорошие люди. Ты слышишь, что я тебе говорю?

– Ты готов, Дэниэл? – негромко спросила Алекс, подходя ближе. – Пойдем, что ли, в машину.

Не решаясь посмотреть ей в глаза, Дэниэл подошел к ее «Пунто» и плюхнулся на переднее сиденье.

– Пока! – крикнула Алекс Мэгги и Рону. – Огромное вам спасибо. Похоже, он прекрасно провел здесь время.

– Мы все, – ответила Мэгги и тепло улыбнулась Дэниэлу.

– Спасибо тебе, что присмотрел за Дэниэлом, – наклонившись, шепнула на ухо Оливеру Алекс. – Ему был очень нужен друг, и мне кажется, что лучшего друга, чем ты, ему не найти.

Оливер поднял на нее заплаканное личико. Увы, он был слишком расстроен, так что слов у него не нашлось.

Сев в машину, Алекс тотчас ощутила, насколько подавлен Дэниэл. Впрочем, он не проронил ни слова и, пока она давала задний ход, даже не шелохнулся. Он сидел, глядя прямо перед собой, и не посмотрел на прощанье ни на Феннов, ни на Оливера.

«Боже, как же это несправедливо, – думала Алекс, пока они ехали назад в Темпл-Филдс. – Как больно, что он не может остаться с Феннами и Оливером! Будь у него такая возможность, жизнь открыла бы перед ним совершенно другие перспективы».

Увы, она не имела права так думать, пока родная мать – несмотря на все ее многочисленные недостатки, а то и вовсе преступные наклонности – не дала властям повода усомниться в том, что она любит своего сына. Возможно, она выбрала свой, далеко не лучший способ демонстрировать любовь, осыпала его тумаками и оскорблениями, забывала отправить в школу, забывала помыть его и переодеть в чистую одежду, однако невозможно было отрицать, что мать и сын искренне привязаны друг к другу. Просто Лора Кроу была лишена всего того, чем жизнь столь щедро одарила Феннов, начиная с семьи, в которой она появилась на свет.

И вот теперь она такая, какая есть – «перекисная» блондинка, с ног до головы в татуировках, пирсингах, – идет навстречу своему сыну. И только встань хоть кто-то на ее пути – прихлопнет на месте.

– Иди ко мне, мой маленький пидорас, – прорычала она, вытаскивая Дэниэла с сиденья машины. – Признавайся, небось соскучился по мне?

Дэниэл кивнул и нехотя отдал себя на растерзание пылким материнским объятиям.

– А вещи где? – спросила Лора, выразив любовь к сыну.

– Здесь, – ответила Алекс, доставая из багажника сумку.

У Лоры тотчас вытянулось лицо.

– Вот это вещь! Признавайся, поганец, откуда она у тебя? – воскликнула она и закатила глаза, изображая страдание. – Говори немедленно! Ты снова взялся за старое, чистить квартиры начал? Я, кажется, тебя предупреждала!..

– Ему ее подарили, – тихо пояснила Алекс.

Лора смерила ее презрительным взглядом.

– Ну да, конечно! – сказала она, вырывая у Алекс сумку. – Чего стоишь, ты здесь больше не нужна. Сделала свое дело и давай топай отсюда. Пойдем, Дэн, – добавила она и, схватив сына за руку, потащила к дому.

У входной двери Лора оглянулась.

– Копы, как всегда, сцапали не того, кого надо, – сказала она. – Я же говорила им, что это все Принсы. Вот кого они должны держать на прицеле, а нас всех оставить в покое.

С этими словами она захлопнула дверь. Алекс оставалось лишь догадываться, какой сумбур царит сейчас в голове Дэниэла. С одной стороны, мальчишка рад вернуться домой. Интересно, расскажет он матери о том, где был и что делал? А еще он наверняка рассвирепеет, когда не обнаружит в сумке фото в серебряной рамке. С другой стороны, позволь она ему уйти из дома Феннов, прихватив чужую вещь, она тем самым нарушила бы все писанные и неписанные правила. Тем более что Фенны были так добры к нему.

Вернувшись в машину, она быстро нажала кнопку запора дверей и включила мотор. Гневная тирада Лоры в адрес Принсов напомнила ей о том, где она находится. Так что меры предосторожности не помешают. Чем скорее она уедет отсюда, тем ей же будет лучше.

Спустя двадцать минут, въехав на парковку за мэрией, чтобы быстро набросать тезисы отчета о возвращении Дэниэла в семью, Алекс решила проверить голосовую почту.

– Привет, это Томми. Хочу сказать тебе, что врач Принсов стал жертвой ограбления. Сейчас допрашивают явных подозреваемых. Мы с тобой знаем, кто они такие, так что ты долго не задерживайся в ТФ, после того как вернешь мальчишку матери. Договорились?

Слава богу, она сама додумалась поступить, как ее просили. Алекс щелкнула другое сообщение, и тотчас же залилась краской раскаяния, услышав голос Мэгги Фенн.

– Надеюсь, вы не отъехали слишком далеко и еще есть время вернуться. Мы подарили Дэниэлу наше фото, которое ему понравилось, но, похоже, он его забыл. Хотя кто знает, может, он выложил его из сумки нарочно. Если же нет, можете приехать и забрать фотографию.

* * *

Эрика Уэйд стояла у кухонного окна, наблюдая за тем, как Отилия бродит по саду. Из-под платья, которое девочка надела наизнанку, торчали тощие ножки, а ее почти игрушечные туфли на высоком каблуке были обуты не на ту ногу. Стуча каблучками и волоча за собой своего мишку, она шла по дорожке. Время от времени Отилия останавливалась, чтобы рассмотреть листок, или гусеницу, или что там попадалось ей на глаза. Ей не нужны были подружки, она прекрасно умела занять себя сама.

Взгляд Эрики скользнул к сараю, вернее, садовому домику, который Брайан называл студией. Дверь была заперта на целых три кодовых замка. Огромное квадратное окно с темным стеклом не открывалось вообще. В отличие от Отилии Эрика ни разу не бывала внутри, однако ей было известно, что там стоят кожаные диваны, на полу меховой ковер, на столе компьютер и различное фотографическое оборудование. Она знала это, потому что видела, как все это туда завозили. Брайан был членом некоего элитарного клуба, не то национального, не то даже глобального масштаба. Откуда ей знать? Члены клуба обменивались фотографиями и видеозаписями как в познавательных, так и развлекательных целях. Темой этих фото – и видеоматериалов были дети, мальчики и девочки, любого возраста и оттенков кожи.

По телу Эрики ручейками начинал стекать пот, щекоча кожу, словно мелкие насекомые. Дыхание было поверхностным, неглубоким, глаза пустые и мутные. Она покачнулась и, чтобы не упасть, схватилась за край раковины. Ждать осталось недолго. Тот, кого она ждет, непременно появится, и тогда все будет хорошо. Да, но кого же она ждет?

Этого Эрика не помнила.

В кухню, зажав в кулачке букетик цветов, вошла Отилия. Положив его на стол, она сбросила с ног туфли и подтащила к раковине стул, чтобы налить в чашку воды. Поставив цветы в воду, она взяла чашку в обе ладони и посмотрела на мать. Одна ее щека была грязной, в волосах застрял какой-то лист. В карих глазах застыла тревога.

Эрика тотчас отвернулась.

Отилия поставила чашку на стол, затем подтащила на место стул, вкарабкалась на него и какое-то время сидела, глядя на цветы. Так продолжалось минут десять – детские ножки болтались в воздухе, свесившись со стула, ручки были сложены на коленях, взгляд устремлен на нехитрый букетик из маргариток, травы и побегов каких-то растений.

Наконец-то прибыл посыльный – женщина из супермаркета, доставлявшая семье покупки.

Дыхание Эрики слегка успокоилось. Как только все будет убрано в холодильник, она сможет принять лекарство и вновь медленно погрузится в спасительную бездну.

Открыв переднюю дверь, она услышала у себя за спиной шажки Отилии. Покупки доставила та же самая женщина, что и в прошлые разы. Вид у нее был приветливый, хотя и усталый, как будто жизнь пыталась выпить из нее последние соки.

Эрика почувствовала, что ее душит смех. Пожила бы она здесь, когда в голове вечно орут непонятные голоса, а мужчина, который сам неизлечимо болен, смотрит на тебя свысока.

Женщина сказала Отилии: «Привет!», но та лишь молча исподлобья посмотрела на нее.

– Киска украла у тебя язычок? – поддразнила ее женщина, пока Эрика несла пакеты в кухню. Она каждый раз говорит одно и то же. «Киска украла у тебя язычок?»

Отилия лишь растерянно заморгала.

– Хочешь леденец? – спросила женщина, вытаскивая из кармана конфетку. Кажется, раньше она этого не делала. По крайней мере, Эрика не помнила.

Отилия пару секунд с подозрением смотрела на конфету, затем протянула руку.

– Она у вас такая милая, – прокомментировала женщина. Отилия по-прежнему не сводила с нее глаз.

Эрика ничего не ответила. Поскорей бы ушла назойливая тетка! Нужно еще закрыть дверь, убрать покупки в холодильник и шкафчики и подняться наверх.

Отилией займется Брайан, когда вернется. Это его обязанность. Брайан всегда занимается Отилией. Брайан всегда занимается Отилией. Она такая милая. Брайан всегда занимается Отилией.

* * *

– Тебе хорошо? – прошептала Алекс.

– Лучше не бывает, – ответил Джейсон, не открывая глаз. – А тебе?

Она улыбнулась и еще крепче прижалась к нему. Боже, как же приятно ощущать его обнаженную кожу!

Эти моменты, когда они лежали обнявшись, насытившись любовными ласками, были для нее даже более ценными, нежели физическая близость. В объятьях Джейсона она чувствовала себя по-настоящему любимой. В последние полтора года он занял важное место в ее жизни. Сейчас она с трудом представляла себе, как когда-то жила без него. Впрочем, зачем об этом вспоминать, если ей сейчас так хорошо. К тому же стоило оглянуться назад, как становилось грустно.

Технический прогон прошел без сучка без задоринки. Актеры знали свои реплики на зубок, никто ни разу не сбился. И вообще, все до единого были, что называется, в ударе. Джейсон хохотал до упаду. Когда прогон завершился, Алекс даже захотелось перецеловать всю свою труппу. Неудивительно, что народ не торопился расходиться по домам. В конечном итоге вся их веселая компания завалилась в паб, где репетиция продолжилась. Все наперебой выдвигали идеи, как организовать рекламу, что изменить в костюмах и как им отбиваться от папарацци, когда их детище выйдет на подмостки Вест-Энда².

До премьеры оставалось четыре дня. Напарник Джейсона, Грант, уже доставил половину того оборудования, которое понадобится им во время премьеры. Зная ответственность Гранта, Алекс могла не волноваться, что оставшаяся половина будет доставлена вовремя. Куда больше ее заботили декорации. Стив Перри, местный художник и ландшафтный дизайнер, который создал эскизы, уверял ее, что поводов для беспокойства нет. Его парни уже трудятся в поте лица и никого не подведут. Затем Матти объявила, что все билеты на премьеру уже распроданы.

Ну, разве это не здорово?

Еще как здорово, хотя и страшновато. Это будет третий спектакль их труппы за последние годы. Пьеса Хейли «Смена пола» привлекла к себе даже большее внимание, нежели

---

² Вест-Энд – западная часть Лондона (к западу от стены Сити), в которой сосредоточена театральная и концертная жизнь (кварталы Сохо и Ковент-Гарден), музеи (Южный Кенсингтон), правительственные учреждения (Вестминстер), университеты и колледжи (Блумсбери), а также элитная недвижимость (Белгравия, Кенсингтон) и фешенебельные магазины (Оксфорд-стрит, Риджент-стрит, Бонд-стрит). Его принято представлять как антипод рабоче-пролетарского Восточного Лондона – Ист-Энда.

«Сон в летнюю ночь» или «Веселое привидение»³. Алекс очень хотелось надеяться, что тетя Шейла и Габи смогут приехать на премьеру, тем более что они пропустили две предыдущие постановки. Алекс было крайне важно видеть их в зрительном зале – если, конечно, спектакль пройдет успешно. Впрочем, сейчас еще рано переживать по этому поводу. До субботы, когда состоится премьера, у них еще три репетиции, и если что-то вдруг пойдет наперекосяк, у нее еще есть время исправить.

– Кстати, ты так и не сказал мне, о чем хотел со мной поговорить, – напомнила она Джейсону, когда он приподнял руку, чтобы она могла положить ему на плечо голову.

Он лишь сонно что-то промычал в ответ.

– Ну, ты сам сказал, по телефону...

– Ах да, точно, – стряхнув с себя сон, Джейсон перевернулся на бок, чтобы в лунном свете посмотреть ей в лицо.

Алекс затаила дыхание. Если сейчас произойдет то, что, по идее, должно произойти, она точно знала, каким будет ее ответ. Впрочем, понимала она и другое: пока Джейсон официально не развелся с Джинной, они не смогут заявить об этом публично, пойти купить кольца и все такое прочее.

– Я тут подумал, – сказал он, убирая ей за ухо прядь волос, – что должен заняться ремонтом твоего дома. Нет, ты выслушай меня, – добавил он, когда она закрыла глаза, чтобы скрыть разочарование. – Я знаю, ты не хочешь тратить лишние деньги, потому что дом рано или поздно придется продавать. Но я могу купить материалы по оптовым ценам и пригласить строителей. Или, в конце концов, все сделаю сам. То есть бесплатно.

Выдав благодарную улыбку за его более чем щедрое предложение, Алекс прикоснулась к его лицу и поспешила напомнить себе, что внутренне Джейсон еще слишком привязан к предыдущей семье. А разве женатые мужчины делают кому-то предложение?

– Ты неподражаем. Ты это знаешь? – нежно спросила она.

– Даже если ты на что-то и потратишься, ты компенсируешь это во время продажи, – добавил он, явно довольный ее ответом. – Ведь чем приличнее выглядит дом, тем больше деньги ты за него выручишь. Ну, что скажешь? За пару тысяч мы сделаем из дома конфетку, тем более что Габи тоже может внести свою долю.

Джейсон понятия не имел, что лично у Алекса никакой доли не было. Она никогда не говорила ни ему, ни кому-то еще, что ее приемная мать Майра завещала дом Габи полностью. Не хотела она говорить ему этого и сейчас, потому что это так больно и унижительно – видеть его удивление и жалость одновременно. Бог свидетель, ей с лихвой хватило и того и другого, когда адвокат зачитал ей завещание. Видеть его смущение было столь же неприятно, как и чувствовать себя жалкой приживалкой, недостойной даже пенса, как будто это она сама навязала себя посторонним людям. Так пусть уже все, в том числе и Джейсон, думают, что дом находится в их с Габи совместной собственности, тем более что та всегда заявляла, что ей самой все это неприятно. Все думали, что этот дом Алекс, она же никогда ни с кем не спорила. В свою очередь Габи ни разу не подняла арендную плату. Джейсон же считал, что оплачивает наполовину с Алекс исключительно счета за коммунальные услуги.

– Ну как тебе мой план? – спросил он.

– Сначала я должна поговорить с сестрой, – уклончиво ответила Алекс, переворачиваясь на спину.

– Понятное дело, но мне кажется, она согласится. Потому что с чего ей быть против? И еще я тут подумал, может, мне связаться с родственниками Милли и заодно подновить и ее домик? Не велик труд, пока мы будем работать здесь. Я предложу им те же условия, что и

---

³ «Веселое привидение» – классическая британская комедия, написанная Ноэлом Кауардом, по которой режиссер Дэвид Лин снял художественный фильм с Рексом Харрисоном в главной роли.

тебе. Для меня это новый заказ, для них – солидная прибыль при продаже дома. Кстати, от них не поступало никаких известий? Насколько я понимаю, она поддерживает с ними связь?

– Время от времени, – ответила Алекс. – Но, если честно, лично я сомневаюсь, что они захотят возиться с ее домиком. Любые деньги, какие они выручат от его продажи, пойдут на оплату ухода за ней. Не думаю, что цена для них так важна.

– Я как-то об этом не подумал, – согласился Джейсон. – Наверное, ты права. Иначе они регулярно навещали бы ее. А так им от этого дома никакой выгоды.

Алекс укоризненно посмотрела на него. Впрочем, она и сама так считала.

– Люди вечно заняты, у них нет времени, – сказала она, потянувшись за халатом. – А от Йорка до нас неблизкий путь.

– Могли бы позвонить, узнать, как там она, – возразил Джейсон.

– Они и звонят. Иногда. В любом случае, она уже не помнит, кто они такие.

– Почему же, иногда вспоминает. Кстати, как она тебе показалась, когда ты ездила к ней в последний раз?

– В целом очень даже неплохо. Сразу узнала меня и менее чем за десять минут умяла упаковку шоколадного печенья. Конечно же, она спросила, когда мой отец наконец приедет проведать ее, и искренне удивилась, когда я напомнила ей, что его больше с нами нет.

Когда отец умер, он завещал дом Майре с условием, что когда та тоже покинет этот мир, дом перейдет в долевую собственность Габи и Алекс. По крайней мере, он не считал Алекс второсортным членом их семьи.

– В принципе, – уверенным голосом произнесла она, – мне понравилась твоя мысль немножко здесь все подновить. Только, пожалуйста, не говори об этом Габи, когда мы поедem к ней на выходные. Хочу поговорить с ней наедине. Ты ведь знаешь, как легко она расстраивается, когда дело касается наших родителей. Она до сих пор не смогла заставить себя перебрать их вещи и бумаги.

Джейсон зевнул и, сбросив с себя одеяло, направился в ванную.

– По крайней мере, все это свалено в ее спальне и нам не мешает. Ничего, как-нибудь и у нее дойдут руки. Если только ты не сделаешь этого за нее раньше.

Алекс пожала плечами и принялась собирать раскиданную по полу одежду.

– Почему бы и нет, если Габи не против.

Она не стала признаваться, что уже перерыла каждую коробку, сумку, каждый чемодан, карман и кошелек в надежде обнаружить там что-то – хоть какие-то сведения или предметы, – что осталось от ее настоящей матери.

Увы, она ничего не нашла, не считая письма, которое написала сама, когда ей было четырнадцать. В нем она сообщала своей родной матери о том, как она несчастна, и умоляла приехать и забрать ее. Разумеется, посылать его было некуда. Не удивительно, что вскоре она забыла о нем и вспомнила лишь тогда, когда извлекла его с самого дна старого риди-кюля Майры. Алекс наверняка задалась бы вопросом, насколько неприятно той было все это читать, не будь конверт по-прежнему запечатан. Бумажный конверт, на котором крупными буквами было выведено всего одно слово: «Маме». То, что конверт так и не был вскрыт, в очередной раз подтверждало факт: Майра вопреки всем своим заверениям в обратном никогда не воспринимала Алекс как родную дочь.

Впрочем, Алекс была готова признать: Майра, конечно, старалась. И вообще, за годы работы в службе опеки Алекс насмотрелась достаточно: дети страдали и мучились с родными и приемными родителями. Так что Алекс следовало искренне поблагодарить приемную семью за те тепло и любовь, которыми она была окружена в детстве.

Глава 4

Отилия сидела на верхней ступеньке лестницы, плотно сжав худенькие коленки. Темные кудряшки подобно венку водорослей обрамляли ее бледное личико. Платице было надето задом наперед и застегнуто не на ту пуговицу. Она хотела надеть трусы, но не нашла их в ящике комода.

На коленях у нее лежал ее лучший друг Ботик. Он был медведем и потому считался храбрым. С ним она тоже чувствовала себя храброй, хотя и не всегда. Выйти на лестницу – это была его идея, и пока все было хорошо. Мать Отилии была где-то внизу, но она не знала, где именно. Отилия ее слышала, но не видела. В последний же раз она видела мать, когда та пришла, чтобы сказать ей, что пора вставать.

Вставай, Отилия. Иди умойся, Отилия. Слушайся меня, Отилия.

Папа ушел на работу. Он всегда по утрам уходил на работу, кроме тех дней, когда брал ее с собой в церковь. Когда они в последний раз ходили в церковь, на ней было новое, зеленое с бордовым, платье, и все люди смотрели в ее сторону и говорили ей приятные слова, но она ничего не сказала в ответ.

– Девочка очень застенчивая, – как всегда, говорил им папа.

Мама никогда не ходила в церковь. Мама вообще не выходила из дома. Большую часть времени она спала в своей комнате. Папа говорил, что так даже лучше. Отилия тоже оставалась дома, потому что папа говорил, что так надо, но она всегда могла поиграть в саду. И она там играла, если не было дождя. Папа купил ей кукольный домик, игрушечную коляску, качели и горку, потому что она очень хорошая девочка. Правда, кататься на качелях или съезжать с горки она могла, только если рядом были мама или папа, потому что одной это делать опасно.

Мама никогда не выходила к ней в сад. Папа иногда выходил. Он приносил камеру и фотографировал, как она играет, после чего они шли к нему в студию, где он сгружал снимки в компьютер, и она видела себя как на экране телевизора. На некоторых снимках был Ботик, но папа не разрешал ей закрывать игрушкой лицо, как она обычно делала, потому что тогда он ее не видел, а ведь она такая красивая, говорил он.

У папы в студии много всяких нарядов, с которыми он разрешал ей играть, когда брал ее туда с собой. Тогда он показывал ей фотографии других маленьких девочек, которые были одеты так же, как и она, чтобы она знала, как нужно лежать, сидеть или стоять на коленях, когда он ее фотографировал. Иногда он просто сидел в кресле и смотрел на нее, поглаживая тигра, который жил у него в кармане. Ей не нравился этот папин тигр, но она ничего ему не говорила, чтобы папа на нее не сердился.

Сейчас ей хотелось спуститься вниз, но Ботик уснул, а без него ей не хватало смелости это сделать. Поэтому она встала и пошла к себе в комнату. У нее была розовая постелька с маргаритками и феями на покрывале и звездочками на пологе. На полках стояли книги, которые ей читал папа, на стенах висели ее рисунки. У нее даже был собственный телевизор. Ботику нравилось здесь, и ей тоже, но только когда они здесь были с ним вдвоем. Ей не нравилось, когда сюда входил папа, если только он не приходил пожелать ей спокойной ночи или спросить, не хочет ли она кушать.

Услышав на лестничной площадке какой-то звук, она подняла глаза и увидела мать. Сердце тотчас затрепетало, как птичка в клетке. Ей стало страшно, и она была готова расплакаться, но сдержалась, чтобы не рассердить мать. Отилия не знала, что она сделала не так, но у матери было странное выражение лица. И еще она качалась. С ней такое иногда бывало. Порой она даже падала, ударялась головой об пол, и тогда у нее из ссадины текла кровь.

– Марш к себе в комнату! – приказала мать каким-то не своим голосом. – Иди к себе в комнату, я сказала. Иди к себе в комнату, ты, МЕРЗКАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА.

Отилия не любила, когда мать орала на нее. Это ее пугало. Она тотчас бросилась бегом к себе в комнату.

– Сиди здесь! – приказала мать. Голос ее дрожал, как оконные рамы, когда их трясет ветром. – И только попробуй выйти отсюда, пока я тебе не разрешу. Поняла?

Эрика включила телевизор и закрыла дверь. Прихватив с собой Ботика, Отилия залезла в кровать. Она умела ждать. Она вообще была послушным ребенком.

* * *

– Алекс, это Венди.

– Привет! – ответила та как можно жизнерадостнее. – Я так рада слышать твой голос.

– Не сомневаюсь, – сухо отозвалась Венди. – У меня для тебя новости. Лиззи Уэлш согласилась сопровождать тебя в Принсам.

Не сиди Алекс за рулем, она бы вскинула в воздух кулак и воскликнула бы: «Да!» Раз уж небольшая армия, пулемет или веселящий газ в качестве средств самообороны исключались, Лиззи Уэлш – это лучшее, о чем только можно было мечтать. (За исключением Томми, которого уже унесло на какие-то курсы, где его обучали правильно заполнять документы, якобы облегчающие жизнь правительству.)

Кстати, в списке дел на сегодняшний день был такой пункт – позвонить Лиззи, самому опытному и твердому духом кадру в их команде, перешедшему, увы, на неполный рабочий день. Этот пункт занимал одну из первых строчек. Похоже, что кто-то (Томми, кто же еще) заранее поставил Лиззи в известность.

– Передай ей, что я ее люблю! – радостно воскликнула Алекс. – Впрочем, не надо, я скажу ей это сама. Ура! Мы везунчики! Мы выиграли главный приз, дневную вылазку в Темпл-Филдс в гости к самим Принсам!

– Алекс, – со вздохом сказала Венди, – я знаю, ты считаешь ниже своего достоинства ехать туда, но, думаю, мне нет смысла напоминать тебе, что Темпл-Филдс – это зона нашей ответственности, которая требует от нас самого пристального внимания.

Черт, с каким удовольствием она сейчас бы врезала этой дуре прямо в нос. Венди ни черта не понимает! Она даже не в курсе, что Алекс родилась в этом квартале. Ну ладно, не совсем в нем, а по соседству. Оскорбленная в лучших чувствах, Алекс решила никак не реагировать на столь вопиющее неведение. И вообще, с каких это пор Темпл-Филдс стал «ниже ее достоинства»?

– Ты меня слушаешь? – спокойно напомнила о себе Венди.

– Да, слушаю, – ответила Алекс, мигнув фарой перед поворотом на Вестли. В запасе у нее было достаточно времени. Она вполне успеет заехать к Феннам за фотографией для Дэниэла. Затем вернется назад через весь город, чтобы заскочить в суд. Там сегодня рассматривается дело Энни Эш. Похоже, детей ей все-таки вернут. Затем – в больницу к Кайли, узнать, как там заживают ее порезанные вены, после чего, если повезет, можно успеть в офис на совещание по поводу Лукаса Грина, чья мать и без того не вылезает из глубочайшей депрессии.

– Отчет по Полли Принс мне будет нужен уже к концу недели, – между тем сказала Венди. – Лиззи работает по вторникам и средам, поэтому предлагаю съездить в Темпл-Филдс в один из этих дней.

– Разумно, – съязвила Алекс.

– Не смешно. Возможно, Полли придется снова поместить во временную семью. Но я на твоём месте пока поостереглась бы это предлагать.

– Вот как? Ты считаешь, что это чревато для меня неприятностями?

Вместо ответа Венди вздохнула.

– А как насчет местонахождения Шейна Принса? Есть что-то новое? – бодро спросила Алекс. – Скажи мне, что он взят под стражу по обвинению в разбойном нападении на доктора Треворса, чтобы мне не волноваться. Честное слово, не хотелось бы, подъехав к их дому, стать жертвой его специфического гостеприимства.

– Я пока не получала от полиции никаких сведений, – ответила Венди. – Но как только что-то узнаю, тотчас же сообщу. И еще кое-что, прежде чем ты поедешь туда. Я хочу, чтобы ты прикрыла Бена в пятницу.

– Ты серьезно?! – взорвалась Алек. – Я и без того зашиваюсь!..

– Ты просто не умеешь планировать свой день, – перебила ее Венди ледяным тоном. Алекс даже поежилась. – Семьи, которые могут подождать, подождут днем больше, только и всего. Я позвоню тебе, как только разгребу бумажки...

– А что с ним не так? – потребовала ответа Алекс. – Вечно он берет отгулы!

– Он хоронит деда. Надеюсь, для тебя это уважительная причина?

Вполне, если бы не тот факт, что за последние месяцы Бен его хоронит уже третий раз. Или тело старикана так и не предали земле, или Бен что-то темнит, лишь бы улизнуть от работы.

– А больше у тебя никого нет, чтобы его прикрыть? – выкрикнула она в трубку. – Пригласи кого-нибудь из частного агентства.

– Я бы не против, но, боюсь, для нас это непозволительная роскошь, учитывая, насколько нам урезали расходы. Ну, все. Похоже, я сказала тебе все, что хотела. Все остальное – на твое усмотрение. Договоритесь с Лиззи, когда вам будет удобнее съездить к Полли Принс.

С этими словам Венди повесила трубку.

Алекс так и подмывало позвонить Джейсону, хотя бы для того, чтобы выпустить пар. Он единственный, кому не нужно разжевывать, почему слова Венди о том, что Алекс считает визиты в Темпл-Филдс ниже своего достоинства, – это пустые, голословные обвинения. Увы, сегодня у него куда более важные дела, нежели ее жалобы на начальницу. К тому же выпустить пар можно и одной. Достаточно сделать несколько глубоких вдохов. И вообще, – нехотя признала она, – хотя Венди, как и все остальные коллеги, была в курсе, что Алекс выросла в приемной семье, откуда ей было знать, что она – ребенок печально известного убийцы из Темпл-Филдс?

Даже если кто-то в наши дни и вспомнит про ту несчастную маленькую девочку – что крайне маловероятно, – люди наверняка подумают, что ее взял к себе кто-то из родственников или же она бесследно сгинула в недрах системы социальной защиты.

И будут по-своему правы. Именно эта система готовила документы о ее удочерении, потому что никто из родственников не изъявил желания взять ее себе. Этот последний факт вызывал у нее смешанные чувства. С одной стороны, слава богу, что на нее не заявил прав никто с отцовской стороны. С другой – все еще жива тетка по материнской линии, вернее, сводная сестра ее деда, которая, может, и взяла бы девочку к себе, не испугайся она, что в один прекрасный день под ее дверью объявится Гаврил Альбеску, или кто-то из его друзей, и попытается отправить в мир иной и ее тоже.

Про эту тетку, вернее, двоюродную бабушку Алекс узнала лишь пять лет назад благодаря Интернету. У нее ушло несколько месяцев на то, чтобы набраться храбрости и написать ей письмо. Наверное, зря она это сделала. В ответном письме прямым текстом было сказано, что тетка не намерена ничего менять. Пусть все остается как есть.

Из нашей встречи не выйдет ничего хорошего, писала она каким-то едва ли не детским почерком. Я понятия не имею, где сейчас твоя мать. Мы

с ней никогда не поддерживали связи, чему я даже рада, потому что твой папаша-убийца до сих пор разгуливает на свободе. Хотя после стольких лет он вряд ли представляет какую-то угрозу, тем не менее лучше не рисковать. У нас у каждой теперь своя жизнь и своя семья. Ничуть не сомневаюсь, что викарий и его жена стали для тебя любящими и заботливыми родителями.

Разумеется, если твоя родная мать когда-нибудь даст о себе знать и выразит желание восстановить с тобой отношения, я сообщу ей, где тебя найти.

С наилучшими пожеланиями здоровья и счастья.

Хелен Драффилд

С этим письмом все надежды Алекс на установление хоть каких-то родственных связей умерли. Тогда это стало для нее страшным ударом. Было больно осознавать, что для тетки она прежде всего дочь убийцы. Возможно, теперь в глазах всех других родственников с материнской стороны Алекс была отмечена черным клеймом дочери убийцы. Не удивительно, что они не желают видеть ее в своих рядах.

«Прекрати, – одернула себя Алекс. – Нет ничего более бессмысленного, чем жалость к самой себе».

На этот раз подъездная дорожка к дому Феннов была свободна. Не успела Алекс припарковать машину перед входной дверью и постучать, как та открылась, и ей навстречу вышла Мэгги Фенн.

– Надеюсь, у вас будет минутка зайти в дом? – пригласила она. Добрые глаза светились надеждой. Примерно так же ребенок, у которого нет денег, смотрит в магазине на вожаделенную игрушку.

– Боюсь, что сегодня мне некогда, – с виноватым видом ответила Алекс. – Мне еще нужно успеть в суд...

– Да-да, конечно. Я знаю, вы у нас человек занятой. А вот и фото.

На сей раз фотография была завернута в коричневую бумагу и аккуратно перевязана черной лентой.

– Я обязательно передам ее Дэниэлу, – сказала Алекс, тронутая до глубины души. Молодчина Мэгги, не поленилась красиво упаковать подарок.

– Спасибо, – ответила та с чуть грустной улыбкой.

Понимая, что просто так взять и уехать было бы некрасиво, Алекс спросила:

– Что-то не так? Вы какая-то...

– Нет-нет, все в порядке. Я всего лишь... Вчера Оливера вернули матери, и теперь у меня ощущение опустевшего гнезда. – Она вздохнула и покачала головой, чтобы немножко себя взбодрить. – Вы ведь знаете, у его матери синдром Мюнхгаузена. Правда, теперь это называется как-то иначе.

– ВЗ, – ответила Алекс, – вымышленное заболевание.

Мэгги кивнула.

– Надеюсь, с ним все будет в порядке.

– Не переживайте, – сказала Алекс, кладя ей на плечо руку. – Прикрепленный к нему социальный работник и команда поддержки семьи будут держать ситуацию на контроле.

Мэгги вымучила улыбку.

– Не сомневаюсь. И вообще, не успеешь оглянуться, как по дому вновь забегает маленький человечек, а может, и не один. Будем надеяться, не правда ли?.. Нет, вы только не подумайте, что я... То есть было бы лучше, если...

– Не переживайте, я понимаю, что вы хотите сказать, – успокоила ее Алекс. – Но теперь, боюсь, мне и правда пора бежать. Я оставлю вам номер моего телефона, можете позвонить мне. С удовольствием с вами поболтаю. – С этими словами она нацарапала на клочке бумаги

номера своих сотовых. Она сама не понимала, зачем это делает, тем более что дом Мэгги Фенн – это не ее район. Но не могла же она просто взять и уехать, бросив добрую женщину наедине с ее переживаниями. Ведь она вон как расстроена!

– Передайте Дэниэлу от меня привет, – сказала Мэгги, беря у нее листок с телефонными номерами. – А если вдруг вам попадется Оливер... Знаю, он не ваш подопечный, но...

– Не переживайте, я ему передам, – с улыбкой пообещала Алекс. Впрочем, ей все равно было стыдно за свою спешку, но что поделать? Она бросилась к машине, отлично понимая, что ей ехать через весь город и что она вряд ли успеет к началу судебного заседания.

Тем не менее через час она уже сидела в зале суда.

– Боюсь, миссис Эш, – произнес старший магистрат, обращаясь к Энни, – что в свете последнего происшествия вы не оставляете нам иного выбора, кроме как оставить детей под опекой органов социальной защиты.

Чувствуя растерянность Энни, Алекс взяла ее за руку.

– Что он имеет в виду? Что это значит? – выкрикнула Энни, когда магистраты начали покидать зал заседаний, а адвокаты собирать свои бумаги. – Стойте, куда вы? Не уходите! Вернитесь, отдайте мне моих детей! Алекс, остановите его. Пусть он вернется в зал!

– Тсс! – попыталась успокоить ее Алекс. – Мне, право, жаль, Энни. Я не...

– Вы сказали, что он присудит детей мне!

– Это было до того, что произошло на улице.

– Но при чем здесь это?! Скажите ему, чтобы он вернулся! – крикнула она кому-то из клерков. – Передайте ему, что он не прав. Он не может разлучить мать и детей! Это неправильно!

– Пойдем! – шепнула Алекс, беря Энни за пышную талию. Сколько же килограммов та сбросила, чтобы получить детей обратно? И вот теперь получается, что все ее труды были напрасны. Кстати, для детей будет не меньшим ударом, когда они узнают, что матери их пока не отдадут. Как и она, они возлагали на этот день все свои детские надежды.

– Я ведь сделала все! – рыдала Энни, когда вышла попрощаться с адвокатом, назначенным представлять ее интересы. – Навела порядок в доме, научилась готовить, нашла себе работу. Что им еще от меня нужно? Алекс, я не могу вернуться домой без моих деток! Не могу, и все!

Бережно усадив Энни на пассажирское сиденье, Алекс быстро обошла машину и села за руль.

– Энни, посмотри на меня, – сказала она, беря ее дрожащие руки в свои.

Энни подняла мясистое заплаканное лицо, но посмотрела не Алекс в глаза, а на изморось за окном автомобиля.

– Это все эта дура Морин Дэй! – сердито бросила она. – Не начини она поносить меня последними словами, я бы ничего ей не сделала. Алекс, она сама нарвалась. Слышала бы ты, кем она меня обзывала! Мне даже вспомнить стыдно, а главное, что все это неправда. Я никогда не выходила на панель и никогда не била моих детей! Ты же это знаешь не хуже меня.

– Разумеется, знаю. Но ты должна была прислушаться к моим советам. Ты ведь знаешь, что от Морин одни неприятности.

– Да это все знают. Но почему этот чертов магистрат отказывается это понять?! Она нарочно меня подначивала!

– Ты была пьяна, Энни! А ведь одним из условий возвращения детей было, что ты вступишь в общество анонимных алкоголиков.

– Да ведь я и вступила, и регулярно туда хожу. Алекс, пойми, это был один-единственный раз, клянусь тебе. Просто так получилось! Я так нервничала из-за сегодняшнего дня, так нервничала, что когда она понесла на меня, да еще во весь голос, чтобы все слышали...

– Можешь не продолжать. Прекрасно понимаю, как все случилось. Но, к сожалению, тебя отвезли в участок, что, как ты понимаешь, не лучшим образом отразилось на сегодняшнем решении суда.

Боль, обида, нервное напряжение взяли верх. Не в силах сдерживаться, Энни громко разрыдалась, выплескивая со слезами все свое отчаяние. Алекс сидела, обнимая Энни за плечи, и, как обычно бывало в такие моменты, мысленно укоряла себя за то, что больше ничем не может помочь.

– Ну-ну, успокойся, – сказала она, когда рыдания пошли на убыль. – Сейчас я отвезу тебя домой и напою чаем. И запомни, кто бы на тебя ни наезжал, не поддавайся на провокации и не распускай кулаки, хорошо? Если же ты чувствуешь, что тебе плохо, тревожно, что тебе хочется излить душу, то у тебя есть мой телефонный номер. Звони в любое время.

Отвезя Энни в ее муниципальную квартирку на окраине Темпл-Филдс, Алекс поехала в детский дом, в Клифф-Даун, примерно в четырех милях оттуда, чтобы проверить, как дела у Кайли. Там ей сказали, что ее подопечная как раз проходит сеанс психотерапии. Оставив Кайли записку, чтобы та знала, что Алекс приезжала ее провести, она вернулась в машину и посмотрела, что там у нее следующее в списке запланированных на сегодня дел.

Ага, нигерийская семья, которая недавно переехала в этот район. Хотя лично Алекс еще не встречалась ни с одним из родителей, она уже несколько раз разговаривала по телефону с матерью. И если удивление женщины по поводу пристального внимания к их семье со стороны социальных служб пошло той на пользу, значит, и сегодняшняя встреча тоже пройдет хорошо. Алекс уже не в первый раз приходилось учить новоприбывших правилам адаптации и жизни в новой стране. Например, здесь нельзя бить детей и прислугу, даже если это считается нормой там, откуда вы прибыли.

Подъехав к свежевыкрашенному домику семьи Адебайо в зажиточном районе Брэдшоу, Алекс застала отца и сына за игрой в футбол на аккуратно подстриженном газоне заднего двора. Мать и дочь были в кухне – пекли традиционные нигерийские сладости. Хотя Алекс и подозревала, что эта семейная идиллия устроена специально к ее приезду, выходя через час из дома, она была почти убеждена, что имеет дело с ответственными родителями, пусть даже выходцами из страны с другой культурой и традициями, которые искренне стараются привыкнуть к жизни в новой стране.

Будет достаточно заглянуть к ним еще разок через пару месяцев, посмотреть, как идут дела, после чего можно со спокойной душой отпускать их, как говорится, в свободное плавание.

К тому времени, когда она нанесла еще два визита – первый к молодой матери с ребенком, подсевшим на героин и потому помещенным в приемную семью, и второй к пятнадцатилетнему парню, который недавно вернулся домой, откуда его в свое время изъяли за то, что он избивал мать и сестру, – было уже шесть часов.

Развернув машину в направлении дома, она включила личный мобильник, давая своей жизни возможность, подобно приливу, сменить направление и покатить к домашним берегам. Премьера их спектакля была, что называется, на носу. Так что ничего удивительного, что телефон Алекс был буквально завален сообщениями от актеров и технического персонала. Впрочем, к ее великому облегчению, ничего срочного, что требовало бы ее незамедлительного реагирования. Пока все шло гладко и в соответствии с графиком. Куда больше настораживало другое: уж больно подозрительно все хорошо. Впрочем, сегодня еще только четверг, и какая-нибудь гадкая проблема еще вполне может дать о себе знать, что, конечно, нехорошо, однако вполне нормально.

Прежде чем покатить дальше, Алекс на всякий случай звонками ответила на текстовые сообщения. Первое было из службы поддержки семьи. Ей сообщали последнюю информацию по делам, которые она вела. Второе, пространное, было от Венди. Начальница подробно

перечисляла, что Алекс должна сделать за Бена. (И ни слова про Шейна Принса, спасибо тебе большое, Венди. Кстати, про спасибо. В эсэмэске Венди его тоже не было. Никаких банальностей вроде «надеюсь, я не слишком тебя загрузила, если будет запарка, дай мне знать, мы что-нибудь придумаем».) Еще одно сообщение было из дома престарелых. Алекс напоминали, что на следующей неделе у Милли освидетельствование, и, если Алекс ей родственница, она имеет право на нем присутствовать.

Быстренько набрав сообщение племяннице Милли – мол, если никто из членов семьи не может приехать, Алекс готова выкроить время, чтобы присутствовать на освидетельствовании тетушки, – Алекс покатила домой и через двадцать минут уже поставила машину перед калиткой дома. Впрочем, не успела она включить рабочий мобильник, как тот зазвонил.

– Алекс, это Нил Осмонд, – раздался голос на другом конце линии. – Извини, только что дозвонился. Что случилось?

Нил Осмонд из ОРСННД – отдела расследований случаев насилия над детьми. Черт, зачем же она ему звонила? Шлепнув себя ладонью по лбу, Алекс вспомнила.

– У меня к тебе огромная просьба. Думаю, ответ мне уже известен, но тем не менее. В следующий вторник мне нужно нанести визит семейке Принсов. И я подумала, вдруг ты или кто-то из твоего отдела сможет составить мне компанию? Кстати, со мной еще будет Лиззи Уэлш.

– Я бы рад, – ответил Нил со вздохом сожаления, что и следовало ожидать, – но мне кажется, присутствие полиции произведет неправильное впечатление. Получится, будто кто-то из семейки вновь не в ладах с законом, а насколько мне известно, это не так.

– По крайней мере, я ни о чем таком не слышала, – согласилась Алекс. Его отказ ее не удивил. Не секрет, что полиция не любит без крайней надобности ни во что вмешиваться, и, тем не менее, она расстроилась.

– У меня идея, – продолжил Нил. – Если ты сообщишь мне, во сколько ты там будешь, я попрошу парочку полицейских на всякий случай подежурить в этом квартале. Ты всегда сможешь набрать три девятки, и помощь не заставит себя ждать.

– Спасибо, – поблагодарила она, понимая, что это большее, что он может ей предложить. – У меня есть твой электронный адрес. Я дам тебе знать, когда отправлюсь туда.

– Минутку, не вешай трубку. Я тут хочу заодно обсудить с тобой одно дело. Нам поступил анонимный звонок насчет ребенка с Норт-Хилл. Ты что-нибудь уже слышала? Фамилия семьи – Уэйд.

Алекс сморщила нос, пытаясь вспомнить.

– Что сказал звонивший? – поинтересовалась она.

– Лишь то, что, по ее мнению, туда неплохо бы наведаться, проверить, как там и что. Именно поэтому я тебе и рассказываю.

– Ладно. Правда, в данный момент я не на работе, но завтра непременно проверю, – быстро черкнув фамилию себе в блокнот, Алекс нажала кнопку «отбой» и, увидев в дверях Джейсона, расцвела в улыбке.

– Поздно ты, однако, – сказал он, обнимая ее. – Я как раз собрался привезти детей.

Черт, она совершенно забыла про сегодняшний вечер! На нее тотчас накатила усталость. Единственный вечер без репетиций, и она должна провести его с детьми Джейсона! Наверное, нехорошо так говорить, но в данный момент ей меньше всего хотелось их видеть. Более того, она была готова голову дать на отсечение – они тоже предпочли бы провести время где-то еще, а не вместе с ней.

– Ты уже подумал, что мы будем есть? – спросила она в надежде, что он отвезет их в город поесть пиццы. Ему бы вряд ли понравилось, пойдешь ты на попятную. Но если они... В конце концов, этот вечер затевался ради них, не так ли?

– Я по дороге домой заглянул в «Теско», – сказал он ей, направляясь к машине. – Думаю, они будут рады сэндвичам плюс каждому по мороженому.

«Интересно, а чему буду рада я?» – раздраженно подумала Алекс, открывая входную дверь. Она не сомневалась, что на ее вопрос найдется не один ответ, но, тем не менее, решила отнестись к сегодняшнему вечеру как к возможности расположить к себе детей Джейсона – хотя бы ради него.

– Да чтобы я поехала туда! Да ни хрена! – кипятилась тринадцатилетняя Тиффани. Казалось, от ее ярости содрогалась стена кухни. По крайней мере, Алекс, сидя за рабочим столом на втором этаже, ощущала это едва ли не кожей. Разумеется, Тиффани имела в виду Девон и барбекю у Габи воскресным вечером. – Вечно ты заставляешь нас...

– Тсс, не надо кричать, – пристыдил ее Джейсон. – И прекрати сквернословить.

– Даже не собираюсь! – прошипела дочь. – На фига мне туда ехать? Там скучотища! Да еще эти лошади! Я к ним даже близко не подойду. Хейди – тоже. Правда, Хейди? – спросила она у своей десятилетней сестры.

– Правда. Я их боюсь, пап, – серьезно ответила младшая дочь. – В прошлый раз одна на меня чуть не наступила своими копытами. Можно сказать, я отделалась легким испугом.

– Но ведь не наступила же! И вообще, мы ведь едем не к тете Шейле, а к сестре Алекс, Габи, и вам у нее понравится. Там есть бассейн, или вы уже забыли?

– Бассейн – это круто! – подал голос их восьмилетний брат Том. – Мы могли бы устроить соревнования...

– Заткнись! – процедила сквозь зубы Тиффани. – Мы никуда не едем. Ты понял?

– Но вы же не можете остаться здесь одни, – резонно заметил Джейсон.

– Мы можем вернуться к маме! – возразила Хейди.

– Но воскресенье – это мой день.

– Твой, но не *ее*, – прошипела Тиффани, имея в виду Алекс. – И ни *ее* дурацкой семейки.

– Тихо, *она* вас услышит.

– Ну и пусть, меня это не колышет. Говорю тебе, пап, я никуда не поеду. И когда только это до тебя дойдет?

– Не смей говорить со мной таким тоном и делай, что тебе говорят.

– Если ты заставишь меня туда поехать, предупреждаю заранее – я за весь день даже слова никому не скажу!

– Ты и сегодня с *ней*не разговаривала, когда мы пили чай, – напомнил сестре Том. – Пап, правда, это некрасиво?

– Еще как некрасиво, – согласился Джейсон, – тем более что Алекс старается подружиться с вами.

– Заткнитесь! – огрызнулась Тиффани. – *Она* твоя подружка, а не наша. Не понимаю, с какой стати мы вообще должны с ней общаться. Скажи ей, что ты хочешь вернуться и снова жить с нами. Это не твой дом...

– Тиффани, прекрати!

– Это еще почему? Мы ей не нужны! Она лишь делает вид, притворяется, будто твои дети ей безразличны. На самом же деле ей было на нас наплевать, когда она увела тебя от нас. Заполучила мужика – и довольна!

Услышав из уст Тиффани гадости в свой адрес – а на самом деле это слова Джинны, конечно, – Алекс вздохнула и продолжила заниматься бумагами.

Впрочем, не обращать внимания на то, что происходило внизу, было не так-то просто, ведь разговор велся на повышенных тонах. Алекс не сомневалась – по крайней мере, в том, что касалось Тиффани, – что все это предназначалось в первую очередь для ее ушей.

Они с Джейсоном прекрасно знали: Джина нарочно завела старшую дочь перед приездом отца, чтобы та потом, словно юный ротвейлер, кидалась на них и портила настроение. Но что они могли поделать? Джина – мать девочки, они очень близки, так что ее влиянию на дочь не приходится удивляться. Всякий раз, когда Джейсон пытался давить на Тиффани отцовским авторитетом, дело заканчивалось громким скандалом. Вот и сейчас все тоже шло к тому.

– Не знай я, как тяжело переживают развод дети, я бы точно расхохоталась, – призналась Алекс Габи, когда через пару часов позвонила сестре, чтобы сказать, что в воскресенье приедет на барбекю одна. Джейсон, как обычно, сдался под натиском старшей дочери и пообещал остаться с ними в городе. Единственный плюс такого решения заключался в том, что Тиффани не испортит настроения близнецам. Минус – в том, что в лице Тиффани Джина вновь одержала победу.

– Знаешь, в чем тут прикол? – усмехнулась в трубку Габи. – Ты ведь у нас, по идее, спец по части детей и должна иметь к ним подход. А получается, что никакого подхода у тебя нет.

Ага, типичный юморок Габи, и, как всегда, не к месту.

– Кстати, а где они сейчас? – спросила сестра.

– Джейсон повез их домой. А я сижу одна с большим бокалом вина, радуясь тому, что в кои-то веки могу посидеть дома одна в тишине. Скажи мне, что в возрасте Тиффани я была не такая. Шучу, наверное, я была еще хуже. Так что это судьба пытается отомстить мне.

– По крайней мере, ты выросла, и закидоны остались в прошлом, – вновь усмехнулась Габи. – Думаю, что когда-нибудь и с ней будет то же. Но давай сменим тему. Как там твои репетиции?

Услышав эту фразу сестры, Алекс облегченно вздохнула.

– Хорошо. Я бы даже сказала, отлично. Но давай не будем видеть в этом какой-то подвох. Скажи лучше, ты приедешь на премьеру?

– Непременно. Мартин посидит с детьми, а мы с тетей Шейлой приедем. Машину поведу я. Ты ведь знаешь, она боится садиться за руль в темноте.

Алекс поймала себя на том, что хочет выпендриться перед сестрой и теткой. Ну, разве не смешно? С другой стороны, что противоестественного в желании произвести впечатление на своих близких? Тем более что спектакль наверняка им понравится.

– Если хотите, можете заночевать у меня, – предложила она. – Я могу приготовить тебе твою бывшую комнату, а тетя Шейла устроится в моей.

– Кстати, это идея, – сказала, к ее великому удивлению, Габи. – В этом случае я смогу выпить на вечеринке, когда вы будете отмечать постановку. Вы ведь будете ее обмывать, не так ли?

– Конечно, в пабе. И все будут рады тебя видеть.

Похоже, эта идея и впрямь пришлась Габи по душе.

– Знаешь, я поговорю с Мартином. Если он не против и Шейла – тоже, я обязательно у тебя останусь.

Как хорошо, что сестру не пришлось долго уламывать! Алекс на всякий случай не стала напоминать ей о том, что старая комната Габи до сих пор завалена вещами их родителей. Вдруг Габи передумает? Главное, к воскресенью убрать все с глаз долой. Окрыленная тем, что к ней в гости пожалуют сестра и тетка, Алекс решила не откладывать уборку в долгий ящик и сразу взяться за дело.

Вскрывать коробки и сумки она не стала. Да и какой смысл? Она прекрасно знает, что в них сложено. Она просто перетасила их в свою старую комнату, где распихала по шкафам и полкам, а самые тяжелые чемоданы затолкала под кровать. А еще она была рада, что в свое время не стала срывать со стен старые плакаты с любимыми поп-группами Габи, вроде «Бэкстрит бойз», равно как не отправила в мусор принесенные с концертов сувениры,

которыми сестра когда-то так гордилась. Габи наверняка будет приятно снова взглянуть на кумиров своей бесшабашной юности. А если выкроит время, то и побродить по тропе воспоминаний, посмеяться над собой и, может быть, даже поделиться с Алекс кое-какими старыми секретами. В свое время ей, как младшей сестре, к тому же склонной к истеричным выходкам, было строго-настрого запрещено переступить порог комнаты Габи. Какие уж тут секреты!

Габи вряд ли догадывалась, что когда ее не было дома, Алекс втихаря заглядывала к ней в комнату – не потому, что ей была интересна вся эта «дурацкая хрень», как она тогда называла «сокровища» старшей сестры, но лишь потому, что запретный плод, как известно, сладок.

Впрочем, секреты Габи, если таковые имелись, затмили бы ее собственные. Габи до сих пор не догадывалась, что Алекс ей не родная сестра, чей настоящий отец – психопат, убивший всю свою семью и до сих пор гуляющий где-то на свободе. Или что (хотя это стало известно позже) ее настоящая мать осталась жива, но так и не удосужилась разыскать свою дочь.

– Эй, что ты делаешь? – удивился выросший на верхней ступеньке лестницы Джейсон, видя, как она пытается закрыть створки гардероба в своей старой комнате.

– Прячу вещи моих родителей, – объяснила Алекс. – Габи, возможно, заночует у нас в субботу. Здорово, да?

– Да, пожалуй, – согласился Джейсон, подставляя плечо. Как только дверцы закрылись, а ключ был повернут в замке, он обернулся к ней и взял ее за руки.

– И сколько ты услышала из того, что было сказано внизу? – спросил он. В глазах его читалась настороженность.

Алекс пожала плечами – мол, подумаешь.

– Достаточно, чтобы сказать Габи, что в воскресенье тебя можно не ждать.

Джейсон кивнул, как будто ничего другого и не ожидал.

– Извини, – сказал он. – Но если все хорошенько взвесить, оно даже к лучшему.

Алекс была вынуждена с ним согласиться. Обняв Джейсона за шею, она поцеловала его в губы.

– Я могла бы взять с собой Хейди и Томми, – предложила она, – тогда ты сможешь остаться здесь и уделить больше внимания Тиффани.

Подумав с минуту, Джейсон вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Спасибо за предложение, но они вряд ли согласятся поехать туда без нее. А если и согласятся, она все равно найдет повод закатить истерику. Пусть лучше все останется так, как есть.

Сказать по правде, у Алекс гора свалилась с плеч. Она даже поцеловала Джейсона. Как хорошо, что они наконец одни и хотя бы остаток вечера проведут в тишине и спокойствии.

– Что же ты будешь делать в мое отсутствие? – спросила она.

Джейсон бросил взгляд в окно – на улице уже начинало темнеть.

– Я еще ни разу не возил их к моим родителям, – сказал он. – Почему бы не съездить к ним? Можно будет там заночевать. Тиффани наверняка у них понравится.

– А разве на следующее утро им не нужно в школу? – удивилась Алекс.

– Нужно, но они могут заранее взять с собой рюкзаки. А покаждемся, что скажет по этому поводу Джина.

С этими словами Джейсон притянул Алекс к себе и жадно поцеловал. Она как будто растаяла в его объятиях. На миг перед ее внутренним взглядом возникла язвительная усмешка Тиффани. Эта девчонка не только сумела сорвать их воскресную поездку в Девон, но и, похоже, испортила весь сегодняшний вечер.

«Ну, погоди, Джина», – пригрозила про себя Алекс, выходя вместе с Джейсоном на лестничную площадку. Впрочем, Джейсон до сих пор с Алекс. «Причем большую часть

времени», – напомнила она себе и еще крепче сжала его руку в своей. И вообще, вместо того, чтобы сердиться на Тиффани, неплохо бы вспомнить, что этот ребенок живет в неполной семье, что не идет на пользу характеру Тиффани. Неудивительно, что девочка не может сосредоточиться ни на чем, кроме себя, как и многие из детей, которыми Алекс занималась по работе.

И все же Тиффани была другая. Ей доставалось гораздо больше любви, чем могли мечтать подопечные Алекс. Она жила в хорошем доме в приличной части города, у нее были другие родственники, готовые в трудную минуту прийти ей на помощь.

Тиффани даже не догадывалась, насколько она счастливая. Но так бывало со всеми детьми из хороших семей. Впрочем, ничего удивительного. Им незачем чего-то бояться, из-за чего-то переживать – разве что по мелочам, которые время от времени нарушали гармонию их мира.

И все же как Алекс было не волноваться о нежных детских душах, на долю которых выпали одни лишь страдания? Им было не к кому обратиться за помощью, а их единственной опорой и надеждой на спасение была система, которая иногда приходила на помощь, увы, трагически поздно.

* * *

Отилия рыдала так сильно, что не могла даже вздохнуть. Прижимая к себе верного Ботика, она сжалась в комок на полу позади кровати, дрожа от страха и жадно хватая ртом воздух. С ней случилась ужасная вещь – она была вся в синяках, из ссадин шла кровь, и она не знала, что ей делать.

Внутри у Эрики все рушилось и содрогалось от омерзения. Голоса, что звучали в ее голове все эти годы, обвивались вокруг нее, грозя задушить. *Ты не должна была родиться. Тебе не место на этом свете. Тебе не место на этом свете, ты, МЕРЗКАЯ МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА.*

Накануне вечером, а может быть, раньше, Эрика вскарабкалась по стенам, проползла по потолку, после чего вновь спустилась на пол. Так повторялось раз за разом, и этому не было конца. В дом с грохотом врывались волны, унося ее с собой в открытое море. Она пыталась за что-нибудь ухватиться, но рядом ничего не было. Она кричала и кричала, а Брайан тем временем тряс и бил ее. Только это был не Брайан. Это отчим пытался ее убить. Его тяжелые, как камень, кулаки глухими ударами сотрясали ее тело. Она была голой и мокрой, она захлебывалась и жадно ловила ртом воздух. Он рычал над ней, а затем схватил ее за волосы и заставил посмотреть ему в глаза.

Тело ее содрогнулось в ритм биению сердца, и она потеряла сознание. А потом она проснулась, одна в своей комнате, куда никогда не приходил никакой отчим.

Она сама не помнила, как оказалась в комнате Отилии. Она не помнила, что подтолкнуло ее вперед, некая сила, что сидела в ней помимо ее воли и желания. Она схватила Отилию и нещадно ее трясла.

– Довольно! – кричала она. – Довольно! Ты меня слышишь? Прекрати реветь!

Отилия уткнулась в плюшевого мишку. Худенькое тельце продолжали сотрясать рыдания, которые она была бессильна сдерживать.

– Что ты делаешь? – возмутился Брайан.

Эрика обернулась к нему.

– Отойди! – прошипела она. – Не смей даже приближаться к нам!

– Она тебя боится! – крикнул ей Брайан.

На какой-то миг Эрика как будто растерялась, а затем откинула голову назад и расхохоталась.

Он схватил ее за руку, но она вырвалась.

– Она *меня* боится?! – воскликнула она, безумно сверкнув глазами. – Она *меня* боится!

– Ты посмотри на нее! – бросил он ей.

Отилия сжалась в комок позади кровати, прикрывая руками голову. По хрупкой ножке стекала кровь.

– Это не я. Я здесь ни при чем, – огрызнулась Эрика. – Это все *ты*, грязный извращенец!..

Удар в челюсть заставил ее замолчать.

– Живо возьми себя в руки! – прорычал он.

Эрика вновь расхохоталась – громко и пронзительно.

Вытолкнув в коридор, он подтащил жену к ее комнате и втолкнул внутрь.

– Запомни, – произнес он, наклонившись к самому ее лицу. – Если бы не Отилия, ты давно бы уже сидела за решеткой, так что не лезь не в свои дела. Ты меня слышишь? Принимай свои лекарства, как тебе сказано, и не лезь не в свое дело.

Вернувшись в комнату Отилии, он взял ее на руки и прижал к себе.

Крошечное тельце дрожало в его объятьях. Вместе с ним дрожал и он сам.

– Тсс, тише, не плачь! – успокаивал он дочь, поглаживая ей волосы. – Все будет хорошо.

Тебе нечего бояться.

Отилия содрогалась всем телом.

– Я показывал тебе на компьютере, как это делают другие девочки, – мягко произнес он. – И они не устраивают из-за этого истерик.

Отилия отвернулась и еще сильнее расплакалась.

– Думаю, в первый раз им тоже было больно, но ты же сама видела, как теперь им это нравится. Вот и тебе это тоже понравится. Обещаю тебе, мой ангел. И тогда твой папочка будет счастлив. Ты же хочешь, чтобы я был счастлив, скажи?

Отилия ничего не ответила. Она не понимала.

– Ты ведь у меня хорошая девочка, – продолжал он. – Сейчас мы посадим тебя в ванну, чтобы ты снова была красивая и чистенькая. А потом ты можешь прийти ко мне и спать в моей кровати. Ведь это так приятно. Если хочешь, можешь взять с собой Ботика. Он вряд ли захочет остаться один. Ведь ему будет скучно.

Глава 5

Не успела Алекс распахнуть двери офиса, как на нее обрушился оглушительный гул голосов. Она даже поморщилась. Причем все (не считая тех, что висели на телефоне) одновременно – как она тотчас для себя выяснила – трещали об одном и том же. До их стен докатился слух о том, что все их офисы сливаются в один. Таким образом, в Кестерли возникнет один суперцентр, ответственный за все социальные службы, и, конечно же, он будет создан на базе южного офиса, а это значит, что здесь человек двадцать потеряют работу.

Услышав эту новость, Алекс внутренне содрогнулась. Хотя новое местоположение работы было ей на руку (это почти рядом с домом), но вовсе не гарантировало, что она не окажется в числе тех двадцати, кто пойдет, так сказать, «под нож». Какая ужасная мысль! Ведь она любила свою работу. Работа была частью ее жизни. Отнять ее – все равно что ампутировать конечность. Алекс с трудом представляла себя в иной роли. Не говоря уже о том, что ей будет больно расстаться со своими подопечными.

Нет, это просто невозможно! Это не укладывается в голове! Тем более что многих из них в их коротких трагических жизнях уже бросали, причем не раз.

Ну и, конечно, встанет вопрос, чем ей зарабатывать на жизнь, если она будет вынуждена уйти. Социальная работа – это все, что она умеет. Похоже, придется искать себе место в другом городе, может, даже на другом конце страны. А как же Джейсон? Вряд ли он захочет уехать от детей, от заказчиков. Она же без него тоже никуда не уедет.

«Как это на тебя похоже, Алекс, – сказала она себе, – так заводиться, когда еще ничего не известно».

– В следующую субботу состоится профсоюзное собрание, – крикнул кто-то из глубины комнаты. – Нужно, чтобы на нем присутствовали все.

Алекс бросила на стол сумку и уже собралась спросить, где, собственно, состоится собрание, как двери офиса с грохотом распахнулись, и внутрь влетела рыжеволосая особа. Безумно сверкая глазами, она, даже не поздоровавшись, набросилась на Тамсин Грин.

– Если вы считаете, что вы умнее меня, – кричала она, вытолкнув вперед двух чумазых мальчишек, – то флаг вам в руки! Вот они. Но меня уже заколебало, что вы вечно пасетесь возле моего дома, критикуя все, что бы я ни сделала. Суете свой нос в дела, которые вас не касаются. Вот, берите их, у меня они тоже сидят как кость поперек горла.

Явно наслаждаясь моментом, мальчишки принялись корчить рожи и жестами показывать, что у их мамы поехала крыша.

Тамсин бросилась им навстречу. Она попыталась успокоить женщину и отвести ее в переговорную, а заодно, игнорируя «козу», которую мальчишки показывали за материнской спиной, сгребла их в охапку.

– Какое вдохновляющее начало рабочего дня, – пошутил кто-то. За столами раздался дружный смех.

Поймав себя на том, что в голове у нее крепко засела мысль о недалекой перспективе остаться без работы, Алекс поспешила напомнить себе, что ничего еще точно не известно. И вообще, даже если это правда, кто сказал, что она непременно окажется в числе двадцати неудачников. Так что лучше заранее себя не накручивать. Она хороший работник, она предана своему делу, на нее нет жалоб. Венди – не в счет, потому что Венди жалуется на всех без исключения. Нет-нет, все будет хорошо, не надо даже брать в голову, тем более что ни для кого не секрет, что в ее офисе найдутся люди, которым в социальной работе не место. Подумав об этом, она тотчас вспомнила про Бена, которого ей было поручено «прикрыть» сегодня. Какая радость!

Взяв сумку, она поспешила к его столу, где бросила ее снова. Какие бы новые случаи ни поступили, пока она заменяет Бена, Алекс не станет ими заниматься. Она уже дала себе честное слово. С нее довольно своих. На новые дела у нее просто не будет времени. Если возникнет что-то срочное, она передаст сведения кому-нибудь еще.

Конечно, это было бы проще сделать, будь Томми на работе. Однако Алекс была готова при необходимости вступить в схватку даже с Венди. Более того, Алекс уже предвкушала, какое удовольствие получит от этого.

С другой стороны, если сокращения штатов не избежать, решать, кому уйти, а кому остаться, будет именно Венди. Так что, может, есть смысл превозмочь себя и временно занять ее сторону.

Вот только чью сторону в итоге займет Венди?

Устроившись между двумя коллегами, Кармел и Дженет, Алекс уже приготовилась включить компьютер, когда зазвонил телефон.

Каким-то загадочным образом эти двое тотчас исчезли, предоставив ей почетное право вникнуть в новую проблему. Алекс же ничуть не сомневалась: на том конце линии именно это ее и ждет – некая новая проблема, которая так и норовит ворваться в этот мир.

– Алло, служба опеки, – вздохнула она в трубку. Она даже не успела выпить кофе. Так что пусть эти сбегавшие красотки несут ей кофе, иначе в другой раз она даже не подойдет к телефону. Пусть не надеются.

Какое-то мгновение на том конце линии молчали. Алекс даже воспрянула духом в надежде на то, что это звонит какой-нибудь заика-рекламщик и она может со спокойной душой бросить трубку. Но через несколько секунд до ее слуха донесся хрипловатый женский голос:

– Извините, но я все еще хочу выяснить, ездил ли уже кто-нибудь проведать маленькую девочку на Норт-Хилл. Я уже звонила раньше, а вчера разговаривала с полицией. Мне сказали, что передадут это дело вам.

«Черт, как же я могла забыть телефонный звонок Нила Осмонда!» – пристыдила себя Алекс.

– Вы бы не могли представиться? – вежливо сказала она в трубку.

– Какая вам разница, кто я такая. Главное, чтобы кто-то съездил туда и проверил, что там и как с ребенком. Потому что, помяните мое слово, в том доме что-то неладно. И если там творится то, что я думаю, ваша прямая обязанность забрать ее оттуда.

Порывшись в сумке и вытащив ручку (вот так всегда: Бен ушел в отгул и оставил свой ящик на замке), Алекс спросила:

– А вы не могли бы мне подсказать, что именно там происходит?

– Вы и сами лучше меня знаете. Противно даже говорить такие вещи.

Алекс поняла ее с полуслова.

– Какие у вас есть свидетельства того, что там что-то не так? – спросила она.

– Просто знаю, и все тут. Можно сказать, нутром чувствую всякий раз, когда там бываю.

– То есть вы знаете и ребенка, и семью?

– Нет, никого я не знаю, могу назвать лишь фамилию – Уэйд. А живут они в доме номер 42 на Норт-Хилл. Я только мельком видела малышку, и, как я уже сказала, что-то с ней не так. Начнем с того, что она молчит. Да и мать у нее какая-то странная. Отца я ни разу не видела, поэтому ничего про него не скажу. Но, похоже, он тоже там живет.

Судя по голосу, звонившая женщина не принадлежала к разряду бывших жен, возжелавших насолить неверному муженьку. Не похоже и на соседку, с которой рассорились эти Уэйды. Хотя, кто знает, сразу не скажешь.

– Вы бы помогли нам еще больше, если бы назвали свое имя. Я, конечно, понимаю...

– Даже не ждите. Люди косо смотрят на тех, кто звонит в социальные службы. В моей жизни и без того хватает дерьма, чтобы добавлять к нему новое. Я хочу лишь одного – убедиться, что с маленькой девочкой все в порядке.

– Но что, по-вашему, с ней может быть не так? – допытывалась Алекс.

– Я уже сказала вам, какое странное у меня возникает чувство, когда я там бываю.

– И часто вы там бываете? – уточнила Алекс, помахав на прощанье Саффи. – Как хорошо вы знаете эту семью?

– Повторяю, что я их не знаю. Я лишь время от времени доставляю туда заказы, и та женщина, которая там живет, она ненормальная. Или, по крайней мере, мне так кажется. Послушайте, я уже все это рассказывала вам, когда звонила раньше. Пару раз я разговаривала с одним парнем. Он пообещал, что займется этим делом. Но как я вижу, оно даже не сдвинулось с мертвой точки. Потому я и позвонила в полицию. Но там мне сказали, что я снова должна позвонить вам.

Постепенно фрагменты мозаики начали складываться в картинку. Бен жаловался на анонимные звонки по поводу ребенка на Норт-Хилл. Бен утверждал, что якобы проверил информацию и не видел необходимости дальнейших действий. По словам Бена, звонившая явно не дружит с головой. Хотя Алекс, если судить по их разговору, не стала бы так утверждать. Возможно, эта женщина сказала Бену нечто такое, чтобы подтолкнуть его в нужном направлении. Или, когда Бен делал свои звонки, что-то всплыло? Кажется, он говорил, что отец ребенка работает в местной начальной школе. Это легко проверить, и Алекс проверит, как только положит трубку.

– Вы знаете имя ребенка? – спросила она у женщины.

– Нет. Я же сказала вам, что девочка молчит. Да и из матери тоже слова не вытянуть.

– Вы видели на ребенке следы насилия?

– Нет. По крайней мере, ничего такого не замечала.

– Девочка производит впечатление истощенной? Она неопрятная, непричесанная, на ней грязная одежда? Ну, и так далее?

– Нет, в этом отношении все в порядке. Может, там и впрямь все хорошо. Я лишь говорю вам то, что подсказывает мне мое чутье. Что-то неладно в этом доме. И было бы неплохо проверить, что именно.

– Понятно. Вы случайно не знаете их домашний телефон?

– Вообще-то знаю, но там никогда не берут трубку.

И она продиктовала Алекс номер телефона.

– Скажите, а по какому номеру я могла бы связаться с вами?

– Нет-нет, я уже сказала. Не хочу, чтобы мое имя склоняли направо и налево. Просто съездите туда и посмотрите на ребенка. Если я окажусь не права, что ж, буду только рада.

С этими словами звонившая положила трубку.

Ничего удивительного в том, что женщина отказалась назвать свой телефон, не было. Включив компьютер, Алекс решила проверить журнал регистрации звонков за последние две недели.

Она быстро нашла отчеты Бена по обоим звонкам и кое-какие факты, которые он собрал, проверяя информацию. Из записанного Беном следовало, что Отилии (какое милое имя!) Уэйд три с половиной года. Семья чуть больше года назад переехала в Кестерли из Нортумбрии, чтобы начать жизнь сначала после смерти сына, Джонатана, умершего от приступа астмы.

Далее Бен излагал содержание телефонного разговора, который у него состоялся с Брайаном Уэйдом, заместителем директора начальной школы. Во время этого разговора мистер Уэйд заверил, что такие обвинения якобы выдвигались против него еще в Нортумбрии, сразу после смерти сына. Аноним звонил – вернее, звонила – директору школы, его

руководителю, чтобы предупредить, что мистер Уэйд опасен, его нельзя допускать к детям, а его новорожденный ребенок (по всей видимости, Отилия) в опасности. Школа не стала ставить в известность ни местные социальные службы, ни полицию по той причине, что звонившая – по словам Уэйда – была параноидальной шизофреничкой, о чем было прекрасно известно. В течение ряда лет она выбирала себе жертв среди учителей, обвиняя их в преступлениях разной степени тяжести: кого в краже, кого в издевательствах над детьми и одного – даже в покушении на убийство. В случае с Уэйдом она пошла еще дальше, заявив, что он убил собственного сына.

Перевернув страницу отчета, Алекс прочла, что шизофреничка, чье имя так и не было упомянуто, похоже, сумела выяснить, что в Кестерли Уэйд нашел себе работу в местной начальной школе, и вновь развернула кампанию по очернению его доброго имени.

«Мистер Уэйд настоятельно просил, чтобы мы не беспокоили его жену в связи с этими обвинениями, – писал Бен. – Чтобы не причинять ей дополнительные душевные страдания, ибо она только-только начала приходить в себя после утраты сына».

Так вот почему туда никто так и не наведился и не попытался поговорить с матерью ребенка! Уэйд сумел убедить Бена, что он жертва ненормальной шантажистки, а его супруга – хрупкое, как фарфоровая ваза, создание.

Откинувшись на спинку стула, Алекс глубоко вздохнула, посмотрела на имя девочки, выведенное ее рукой в блокноте, лежавшем рядом с компьютером, и подождала, пока голова прояснится, а мысли заработают в нужном направлении.

Первое противоречие, не дававшее ей покоя, – это то, что у звонившей был местный акцент. Нет, это не мешало ей жить в Нортумбрии, но в целом такое предположение было маловероятным, тем более если она доставляла в дом какие-то заказы.

Стараясь не заикливаться на первом вопросе, Алекс прошлась по базам данных в поисках патронажной сестры Отилии Уэйд. К ее великому удивлению, таковой не обнаружилось. (Интересно, как Бен этого не заметил?) Правда, ребенок был зарегистрирован у врача общей практики в Южном Кестерли. Доктор Тимоти Эйден. Алекс лично не была с ним знакома, но имя слышала.

Оставив сообщение секретарю, чтобы врач перезвонил ей, как только освободится, Алекс набрала номер домашнего телефона Уэйдов, который ей дала звонившая женщина.

Какое-то время трубку никто не снимал, и Алекс была уже готова дать отбой, когда длинные гудки прекратились. Она ждала, что с ней сейчас поздороваются, но поскольку этого не произошло, сделала это первой.

Ответа не последовало, хотя она была уверена, что на том конце линии кто-то есть. Судя по сопению в трубке – ребенок.

– Это ты, Отилия? – мягко спросила она.

И вновь никакого ответа, только дыхание.

– Если это ты, Отилия, – сказала Алекс, – не могла бы ты позвать к телефону маму? Я хотела бы с ней поговорить.

Вновь молчание, хотя Алекс не сомневалась, что ребенок ее слушает.

– Отилия, ты одна или дома есть кто-то еще? – спросила она. Что, если родители оставили девочку одну?

Никакого ответа.

– С тобой есть кто-то из взрослых?

Наконец раздался женский голос, правда, сердитый и где-то далеко:

– Отилия, сколько раз тебе говорить, телефон не игрушка!

В следующее мгновение кто-то вырвал трубку у ребенка, и связь оборвалась.

Алекс тотчас же набрала номер снова, но на этот раз линия оказалась занята и оставалась такой еще в течение нескольких минут. Подождав какое-то время, Алекс еще несколько раз повторила попытку, но трубку так никто и не снял.

Отыскав номер начальной школы, она позвонила в приемную и попросила пригласить к телефону Брайана Уэйда.

– Одну минутку, – раздался голос на том конце линии. – Сейчас попробую его найти. Могу я поинтересоваться, кто его спрашивает?

Алекс представилась и, удерживая трубку подбородком, продолжила перебирать бумаги.

* * *

Классная комната, в которой сидел Брайан Уэйд, располагалась на втором этаже, ее окна выходили на игровую площадку. Поставив на подоконник ноутбук, мистер Уэйд устроился на небольшом столике. На экране компьютера виднелась игровая площадка. Работая мышкой, Уэйд то приближал, то удалял картинку, снимал фото или делал видео, менял ракурс и так далее.

Как основатель эксклюзивного интернет-сервиса, который он и двое его единомышленников создали несколько лет назад, он быстро усвоил правила безопасности во Всемирной паутине. Впрочем, ему повезло: его партнер возглавлял крупную компанию, специализировавшуюся на этой самой безопасности, охране авторских прав и видеонаблюдении. Этот партнер регулярно давал советы всем новым членам, как при помощи самого современного программного обеспечения обезопасить свою деятельность в Интернете и в конечном счете сделать себя практически невидимым в виртуальном мире.

Для этого сайта у каждого члена был свой ник. Брайана звали Тигр.

Под этим ником он часто добавлял к своему сайту новый контент. Более того, он делал неплохие деньги, продавая видео и фото, которые постил. Разумеется, у него имелось существенное преимущество: он каждый день работал с детьми. И все же именно фото и видео с Отилией приносили ему сотни кликов на рекламные ссылки. Не говоря уже о деньгах, которые члены клуба выкладывали за скачивание.

Она была такая хорошенькая! Предмет его гордости! Не удивительно, что у нее уже имелась целая армия поклонников.

Скоро их станет еще больше, как только он начнет снимать кадры, которых от него ждут не дождутся другие члены их виртуального клуба. Он уже придумал им название – «Оседлав Тигра». По правде говоря, его интересовали не сами деньги, по крайней мере не для себя. Вся выручка шла на сберегательный счет на имя Отилии. В конце концов, эти деньги по праву принадлежат ей.

Снять видео в следующий раз, похоже, будет нелегко. Впрочем, Брайан не сомневался: если он и дальше будет показывать ей, какие хорошие и послушные другие маленькие девочки, которые снимались в фильмах вместе со своими папами, то это сделает свое дело. Ведь с фотографиями это сработало. Она стала более податливой или даже чувственной, если так можно сказать о ребенке в столь нежном возрасте. По крайней мере, она понимала, как это важно – во всем слушаться папочку, чтобы он на нее не сердился.

Вскоре она откроет для себя другие способы завоевать его расположение. Более того, он не сомневался – весьма в этом преуспеет.

Как жаль, что все предыдущие попытки вызывали у нее слезы и еще больше выводили из душевного равновесия ее мать. Но, по крайней мере, прошлой ночью не было никакой крови, а синяки и припухлости первого раза начали постепенно спадать. Верно говорят про

маленьких девочек: в этом возрасте они эластичные, куда более мягкие и податливые, чем можно предположить.

Продолжая следить за экраном, он почувствовал, как по нему, словно ток, прокатились первые волны оргазма. Боже, сколько же их здесь, этих юных тел – гоняют мяч, крутят обручи, висят на брусках, кувыркаются, устраивают кучу-малу. Нет, наблюдать это выше его сил! Он закрыл глаза и позволил себе несколько мгновений блаженства. Скоро раздастся свисток, и дети вернутся в классы. Но до этого он должен успеть выключить компьютер и сходить в преподавательский туалет.

Вымыв в туалете руки и зажав под мышкой ноутбук, он уже шагал к себе в кабинет, когда его окликнула школьная секретарша.

– А вот и вы! – заявила она, догоняя его. – Вас там спрашивают по телефону. Некая Алекс Лейк из социальной службы. Она не сказала, по какому вопросу.

Брайан тотчас насторожился; по спине пробежали противные мурашки. Впрочем, он быстро напомнил себе, что звонок может быть по поводу любого ребенка из школы. Но даже если и нет, он должен вести себя так, как и прежде, спокойно и невозмутимо, и ни в коем случае не спешить брать трубку.

Спешка может быть воспринята как беспокойство или, что еще хуже, паника, что ему совершенно не нужно. С другой стороны, полное безразличие тоже было бы ошибкой.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарил он секретаршу. – Вы не могли бы передать ей, что я сам перезвоню по окончании рабочего дня?

Он не собирался никому звонить, но, если что, всегда можно сослаться на занятость. К тому же эти социальные работники сами вечно зашиваются со своими делами. К концу дня она уже забудет, что хотела связаться с ним. Как и все, она уже настроилась на выходные, а если учесть суматошный характер ее работы, то все ее мысли заняты одним – поскорее спихнуть с себя дела и на пару дней забыть о них.

Брайан был вынужден признать, что его мысли заняты тем же самым.

* * *

– Черт! – выругалась Алекс, глядя на часы. Сегодня пятница – а в пятницу, как известно, сам бог велел пораньше слиться с работы. Крайне сомнительно, что она застанет замдиректора начальной школы на рабочем месте. И все же почему бы не попытаться? Набрав на телефоне номер, она принялась наводить порядок на рабочем столе.

Либо секретарь забыла передать ее сообщение, либо мистер Уэйд был слишком занят (либо не спешил), чтобы ей перезвонить. А так как своих дел у нее тоже было выше крыши, она не стала звонить ему раньше четырех. В любом случае, если он не перезвонит ей сам, решила Алекс, ей ничто не мешает напомнить ему о себе.

Школьный телефон переключился на автоответчик. Алекс не стала оставлять сообщение, а продолжила складывать в сумку вещи. Ей нужно как можно скорее уйти с работы, иначе она останется тут наедине с Венди. А поскольку характер у Венди не подарок, перед грядущим слиянием офисов и сокращением кадров лишней раз ее лучше не раздражать.

Как было бы здорово, если бы Венди оказалась в числе тех двадцати сокращенных, а ее место занял бы Томми. Честно говоря, Алекс не хотела, чтобы кто-то вообще терял работу, даже Венди. Она была согласна даже на такой расклад, при котором Венди пошла бы на повышение, тем самым освободив место для Томми, готового возглавить их отдел.

На сегодняшний вечер у Алекс была запланирована репетиция, но начнется она не раньше восьми. Кстати, почему бы не заглянуть к Уэйдам? Приняв такое решение, Алекс вырулила с парковки и покатила в сторону Норт-Хилл.

И все же ей не давал покоя факт: Брайан Уэйд так и не потрудился ей перезвонить. Даже если ее внезапный визит ничего не даст, по крайней мере, это напомнит ему, что даже занятый человек его положения обязан отреагировать на звонок социальных служб. Откуда ему знать, почему она звонит? Что, если в ее планы не входит обсуждать его личные дела, тем более что он уже достаточно убедительно все объяснил в разговоре с Беном (хотя и не настолько, как ей хотелось бы). Вдруг речь пойдет о ком-то из детей вверенной ему школы? Уже по одной этой причине он должен был выкроить время и перезвонить ей.

Как и следовало ожидать, машины на приморском бульваре стояли в пробке. Чтобы не терять время, Алекс быстро просмотрела неотвеченные вызовы на личном мобильнике и уже была готова набрать номер Джейсона, когда он позвонил ей сам.

– Привет! – весело отозвалась она. – Только не говори мне, что у тебя возникли технические проблемы. Только не накануне премьеры!

– Не буду, потому что проблем нет, – ответил ее собеседник. – Все необходимое уже доставили, и с десяти часов мы сможем приступить к установке реквизита.

Алекс была готова петь от радости.

– Отлично, ты гений! – воскликнула она. – Кстати, ты уже дома?

– Только-только вошел. У меня для тебя новости, как мне кажется, приятные. Я тут поговорил с Хизер Хэнкок из «Кестерли газетт». Так вот, завтра она собирается посетить нашу премьеру.

Его слова не столько обрадовали ее, сколько удивили и даже насторожили.

– Это просто фантастика! – сказала она. – Будем надеяться. Оно, конечно, приятно, когда о тебе пишут на страницах местной газеты или даже на веб-сайте. Главное, чтобы это было что-то хорошее.

– А разве можно сказать хоть что-то плохое? Все, кто был на репетиции, в один голос утверждают, что комедия удалась. Вы с Хейли молодчины, сотворили чудеса. Все просто высший класс – и сценарий, и режиссура, и актеры.

Что ж, может, так оно и есть?

– Последним будет особенно приятно это услышать. Но ты прав, для актеров самостоятельности они и впрямь хороши. Нет, даже больше – великолепны! Главное, чтобы зрители катались со смеху. А потом можно будет забуриться в паб. Кстати, твоя мать будет на премьере?

– Разумеется. И Джэнис с Риком, – добавил он, имея в виду сестру и шурина. – Кстати, ты не забыла, что они приведут с собой целую толпу? Они уже давно ждут не дождутся этой твоей премьеры.

– Скорее пьянки по ее окончании, – поддразнила его Алекс. – А теперь скажи мне, Хизер Хэнкок захватит с собой свою лучшую подругу Джину или нет, потому что я...

– Все в порядке, Джини не будет, – заверил ее Джейсон. – Моя сестра предложила взять с собой детей, но у Джини уже есть свои планы на завтрашний вечер, так что можешь не переживать.

Алекс не стала слишком бурно выражать свою радость по этому поводу – не хотелось обижать Джейсона.

– Ты по-прежнему планируешь вместе с ними съездить в воскресенье к своей матери? – спросила она.

– Да, мы уже договорились. Мы поедем туда утром, чтобы успеть к обеду, и пробудем ровно столько, сколько у бабушки хватит сил и терпения ублажать внуков.

Алекс решила, что не стоит ворчать по этому поводу. В конце концов, бабушка имеет право пообщаться с любимыми внуками, детьми своего единственного сына.

– Уверена, им там понравится. Жаль, что я не могу поехать с вами.

Она не стала говорить ему, что предпочла бы, чтобы в воскресенье он поехал с ней к Габи. Ибо если бы он мог, то непременно так и сделал, и вместо того, чтобы вздыхать о невозможном, ей лучше принять этот факт как данность.

– Ну, все, пока! – сказала она, сворачивая на Норт-Хилл. – Я могу чуть-чуть задержаться. Позвоню тебе по дороге домой. Но ты, если сильно проголодался, садись ужинать без меня.

Через несколько минут Алекс уже была на противоположной от моря стороне Норт-Хилл и вскоре свернула налево, на подъездную дорожку, что вела к дому номер 42. Зажатый между внушительным пансионом с одной стороны и летними апартаментами с другой, дом показался ей небольшим и мрачным. И все же от него исходило такое необыкновенное спокойствие, свойственное великолепным строениям Викторианской эпохи. По крайней мере, ей так подумалось, когда Алекс остановилась перед гаражом на две машины, который явно появился здесь относительно недавно. На первый взгляд дом не производил впечатление неухоженного: краска была довольно свежей, высокие окна – чистыми. Правда, ветви гигантского клена, что высился позади дома, закрывали крышу и верхний этаж. «Там внутри наверняка уныло и страшновато», – подумала Алекс.

Подгоняемая порывами ветра, она почти вбежала на парадное крыльцо и, найдя кнопку звонка, нажала. На ее счастье, звонок оказался исправным – до нее изнутри донеслось его веселое «динь-дон». Алекс прислушалась, ожидая, что ей сейчас откроют. Секунды бежали, тянулись и уже почти превратились в минуту, но ничего не произошло.

Она заглянула в дверную прорезь для газет. В коридоре света не было, и ее глаза, привыкшие к дневному свету, не могли ничего разглядеть. На улице было еще не слишком темно, лишь пасмурно и ветрено. К тому же если в доме кто-то и был, то он наверняка где-нибудь в дальней комнате или вообще в саду.

Алекс позвонила снова, после чего обернулась и посмотрела на стоящие открытыми ворота, с обеих сторон обрамленные густыми кустами, и далее – на дорогу с ее бесконечным потоком машин. «Да, по части соседей здесь не густо», – подумалось ей. Большая часть домов принадлежала каким-то фирмам, в которых работали в основном иностранцы. Ближайшие магазины были расположены на другой стороне холма, ближе к морю. Единственный парк в пределах пешей досягаемости – облюбованный пенсионерами Ниблеттс, в котором почти нет детских площадок. Интересно, куда Отилия ходит в детский сад? В базе данных дошкольных учреждений она не нашла ее имени, из чего напрашивался вывод, что ребенок безвылазно сидит дома. Это нехорошо!

Впрочем, она затем сюда и приехала, чтобы это выяснить. Не желая сдаваться, Алекс нажала на звонок еще раз и отступила, чтобы посмотреть на окна второго этажа. Не похоже, что там кто-то был. Других машин, кроме ее собственной, на дорожке не было. Боковая калитка была заперта. Увы, похоже, сегодня ответов на свои вопросы она не получит. Вынув из сумки официальный бланк, она быстро нацарапала на нем просьбу к мистеру и миссис Уэйд срочно перезвонить ей на рабочий или мобильный телефон. Подсунув листок под дверь, она подбежала к машине и едва успела сесть за руль, как зазвонил ее личный мобильник.

– Привет, Габи, все в порядке? – спросила она, затягивая туже ремень безопасности и повернув ключ зажигания.

– Боюсь, что нет, – сквозь слезы ответила сестра. – Мартин и дети подцепили какую-то заразу. Все трое в ужасном состоянии. Я даже не знаю, что мне с ними делать.

Отлично понимая, куда идет их разговор, Алекс на миг от досады лишилась дара речи.

– И откуда они ее принесли? – наконец спросила она.

– Наверно, из школы. Ну, ты знаешь, стоит заболеть одному, как на завтра лежат уже все. Думаю, через пару дней они уже встанут на ноги, но боюсь, что завтра приехать на твой

спектакль я не смогу. Кстати, я сильно сомневаюсь, что воскресное барбекю тоже состоится. Бедный Мартин, у него такая слабость, что он едва держится на ногах.

Поскольку ее деверь сам был врачом, спрашивать, обращались ли они к доктору, было бессмысленно.

– Пожелай им всем от меня скорейшего выздоровления, – сказала она. – Мне будет недоставать тебя завтра. Как я понимаю, тети Шейлы тоже не будет.

– Она расстроилась не меньше меня, – ответила Габи. – Но ведь мы всегда сможем встретиться в следующие выходные. Понимаю, это не совсем то, что премьеры, да и вечеринки тоже не будет... Ой, погоди! В следующую субботу мы приглашены на свадьбу. Дочь одной старой тетушкиной знакомой выходит замуж. Кэти Остин, вряд ли ты ее знаешь.

– Пожалуй, нет, – вздохнула Алекс. Чувствуя себя на редкость паршиво, она вырулила с подъездной дорожки Уйэдов на главную дорогу.

Какая разница, будет Габи с тетушкой на спектакле или нет? Даже если и будут, в суматохе ей явно будет не до них. В лучшем случае они успели бы перекинуться лишь парой слов. А если спектакль обернется провалом? Может, оно даже к лучшему, что они не станут свидетелями ее унижения, чтобы потом утешать ее, утверждая, что были в восторге, когда на самом деле все было с точностью до наоборот.

Вместо того чтобы и дальше страдать от жалости к себе, любимой, Алекс решила сбросить с себя разочарование, словно змея старую кожу. А заодно пусть уйдет и тревога по поводу маленькой девочки, которую Алекс ни разу в глаза не видела, а также по поводу всех детей, которые составляли ее небольшую личную труппу в театре жизни – хватит играть трагедию, пора устремиться в объятия приятного безделья грядущих выходных. В эти мгновения ей не хотелось думать ни о чем, кроме предстоящей премьеры, вечеринки, которая за ней последует, и Джейсона. Потому что Джейсон будет с ней даже тогда, когда все остальные разойдутся по домам.

* * *

Эрика сидела на кровати, наблюдая, как Отилия за маленьким столиком, пыхтя, пытается сложить крупные, неправильной формы фрагменты деревянной мозаики. Настойчивый звонок в дверь, прозвучавший несколько минут назад, отвлек девочку от этого занятия, но ненадолго. Отилия лишь посмотрела на мать, желая убедиться, как та отреагирует. Когда Эрика даже не пошевелилась, Отилия вернулась к своему занятию и после этого больше не поднимала головы.

Брайан заранее предупредил жену, что ему вновь звонили из социальной службы.

– Если они позвонят нам или явятся под дверь, ты знаешь, что без меня тебе с ними лучше не разговаривать, – мягко добавил он, хотя она прекрасно знала, что он напуган.

Для Эрики ужас был пустотой, грозившей поглотить ее изнутри. Он впивался ей в кожу, в кости, он тискал ей сердце, ее душу, он высасывал кровь из ее жил. Она видела, как из веток деревьев вырастают руки, как они машут, как царапают по окну, как разбивают стекло, чтобы проникнуть внутрь. Все небо было в каких-то лицах, они парили вокруг ее ног, возникали из стен, а их голоса кричали в ее голове. *Ты убила своего сына, ты убила своего сына. Убей и ее. Сделай это сейчас, пока его нет дома.*

Спаси ее. Она не ты. Пусть она уйдет.

Ничтожество! Потаскуха. Мерзкий испорченный ребенок. Раздвинь ноги, нагнись, делай то, что тебе сказано.

Она не ты.

Убей ее.

Эрика попыталась сфокусировать взгляд на Отилии, на ее кудрявой головке, которую та от старания наклонила чуть набок.

Внутри ее нарастала волна ярости. Она схватилась за голову, стараясь ногтями расцарапать себе лицо.

– Прекратите! – крикнула она голосам. – Прекратите!

Отилия тотчас шмыгнула под стол, где сжалась в комок вместе со своим мишкой.

Эрика протянула руку и рывком поставила дочь на ноги.

– Тебя здесь не должно быть! – крикнула Эрика и плюнула ей в лицо. – Уходи, чтобы я тебя даже не видела!

Подтолкнув девочку к двери, она схватила мозаику и со злостью швырнула ее о стену.

Отилия выбежала на лестницу. Маленькие ножки дрожали так сильно, что она упала и покатила вниз. Она несколько раз больно стукнулась о перила, содрала кожу о колючий ковер и наконец достигла нижней ступеньки, где осталась лежать беспомощной маленькой кучкой прямо перед входной дверью.

Когда Брайан Уэйд подъехал к дому и вышел из машины, на улице завывал ветер. Стоя на верхней ступеньке лестницы, Эрика в ужасе смотрела на дочь, вокруг которой, открыв ядовитые рты, извиваясь, копошились змеи.

Глава 6

Субботним утром Алекс встала рано и уже в шесть часов сидела за компьютером. Сколь безумным ни грозил выдаться день – а она не сомневалась, что он и впрямь будет бешеным, – ей нужно к понедельнику доделать все отчеты.

Кстати, можно попробовать еще раз позвонить Уэйдам, чтобы там поняли, что она не намерена отступать. Увы, вновь никаких результатов. Более того, похоже, что у них нет ни автоответчика, ни голосовой почты.

В половине девятого – к тому времени, когда Джейсон вышел из дома, – Алекс уже почти завершила всю бумажную работу. В предвкушении нескольких часов безделья она, встав у окна лестничной площадки, проводила его взглядом. Под проливным дождем Джейсон бегом бросился через весь городок, чтобы вовремя подготовиться к спектаклю зал.

Сердце ее затрепетало от любви и волнения.

С тех пор как они вместе, Джейсон неизменно принимал самое деятельное участие во всех ее театральных проектах. Впрочем, он был готов помочь ей во всем. От этой мысли у Алекс стало тепло на душе. Нет, ей все-таки крупно повезло, что она его встретила! Порой она задавалась вопросом, не слишком ли редко она показывает ему, как он ей дорог. Внезапно она решила, что, наверно, нечасто. Ничего, это дело поправимое. У нее еще будет возможность наверстать упущенное после спектакля. Она снова посмотрела в окно. Добежав до низа холма, Джейсон повернулся и помахал ей рукой, как будто почувствовал, что она на него смотрит. Сердце Алекс тотчас же вновь наполнилось любовью и радостью.

Какой же он все-таки милый!

Отойдя от окна, она решила вновь попробовать позвонить Уэйдам, взяла рабочий мобильник и набрала их домашний номер. Никакого ответа. Тогда она прокрутила телефонную книгу и, найдя номер своей коллеги Лиззи Уэлш, решила позвонить. Нет, она не горела желанием обсуждать, да еще в субботу, маячивший на горизонте визит к Принсам во вторник, но ее график на понедельник забит до отказа, и, возможно, у нее не будет другой возможности заранее поговорить с Лиззи.

– Привет, Алекс, у тебя все в порядке? – сонно отозвалась Лиззи. – Который час?

– Почти девять, – с улыбкой ответила Алекс. – Только не говори «нет». Накануне ты была в загуле, да?

Лиззи было уже под полтинник плюс пятеро детей, две собаки, свекровь и никакого мужа. Вряд ли шатание по пабам или клубам – ее любимое пятничное занятие.

– А ты как думаешь? – усмехнулась Лиззи. – Неужели свободной девушке нельзя выпустить пар после трудовой недели? Ну, так чем я могу тебе помочь? Я правильно понимаю, что разговор пойдет про наш с тобой визит в цирк во вторник?

– Правильно, – подтвердила Алекс. – Надеюсь, ты получила мою эсэмэску со словами благодарности в свой адрес? Не знаю даже, что бы я без тебя делала.

– Кто-то ведь должен тебе помочь. К тому же я орешек покрепче, чем ты. Как бы эти Принсы не сломали об меня зубы. Итак, наша малышка Полли в очередной раз подцепила венерическое заболевание, а врач за то, что поставил нас в известность, схлопотал по мордасам.

– Да, примерно так и есть, хотя я не уверена, что полиция смогла это доказать. Но нам нужно всего лишь взглянуть, что там за обстановка в этой семейке. Она сама спит с кем попало или ее принуждают?

Лиззи расхохоталась.

– Да эта оторва дает направо и налево с двенадцати лет! А если верить тому, что я слышала, сейчас она вообще вышла на панель.

– Но ведь ей всего четырнадцать! Боже, куда катится этот мир!

Лиззи вновь усмехнулась.

– Если это действительно так и она занимается проституцией и распространяет дальше свою болезнь, – продолжала Алекс, – то пусть пеняет на себя. Ей придется пойти с нами.

– Это как нам повезет, – ответила Лиззи. – Ты возьмешь инициативу на себя, а я буду на подхвате. Со мной они вряд ли захотят осложнять отношения, а там – кто знает? С их долбанутой мамашей лучше не связываться. Кстати, ты ее видела?

– Нет, и надеюсь, что так будет и дальше, если учесть все, что я о ней слышала и какого сыночка она произвела на свет. Я тут все пытаюсь выяснить: уже доказано, что они избili доктора, или еще нет? Ты что-нибудь слышала?

– Пока ничего, но ко вторнику постараюсь разузнать. Итак, во сколько и где мы с тобой встречаемся? Предлагаю поехать туда вместе на одной машине.

– Только так, и никак иначе. Встретимся у входа в «Теско», часиков этак в десять, согласна?

– Отлично. До вторника.

– Погоди, а ты сегодня придешь на премьеру?

– Черт, у меня совершенно вылетело из головы! Конечно, я там буду вместе со всем нашим отделом. Так что вам – ни пуха ни пера! Смотрите, не облажайтесь, – на прощанье поддела она.

Алекс рассмеялась и нажала «отбой». Спустившись в кухню, она обнаружила на столе миску с мюсли. Рядом стояло молоко, йогурт и даже лежала ложка. Улыбнувшись едва ли не отеческой заботе со стороны Джейсона, она принялась есть – не исключено, что до конца дня у нее во рту не будет ни крошки.

Пока что все шло в соответствии с планом. Волноваться нет поводов. Ей незачем создавать проблемы из воздуха. Если же что-то пойдет не так, она сразу узнает об этом.

Сделав себе кофе, Алекс вернулась наверх и проверила личный мобильник. Ведь не может быть, чтобы до сих пор не возникло никаких проблем. Ну, или хотя бы вопрос, ответить на который может только она.

К ее удивлению и растущей тревоге, ни проблем, ни вопросов не было. Не в силах усидеть на месте, она, едва дождавшись десяти, под дождем бросилась к клубу, не зная, что ее там ждет. Как оказалось, работы шли полным ходом – рабочие устанавливали декорации и софиты, пара местных парней выносила со склада и расставляла стулья, а три женщины, активистки из «Женского института»⁴, распаковывали раскладные столы, на которые потом будет выложен перекус для занятых в спектакле.

– У меня нет слов, – призналась Алекс Матти, когда та вышла ей навстречу с карандашом в зубах и с кудрявым париком в каждой руке.

Матти была пухлая, не сказать чтобы очень красивая и совершенно не умела общаться с чужими людьми. Но со знакомыми, такими как Алекс и участники труппы, она вылезала из своего панциря. Алекс всякий раз трогало до глубины души, какую радость доставляло ей ощущать себя полезной другим людям.

Матти нахмурилась и посмотрела на сцену.

– Ну не странно ли? Такое ощущение, что наш спектакль получил благословение от самих муз! – заявила она.

– О господи! Только не искушай судьбу! – Алекс даже вздрогнула и зашагала вслед на Матти через зрительный зал. – У нас впереди еще целый день. Все в курсе, что в два часа состоится генеральная репетиция?

---

⁴ «Женский институт» – организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в ее рамках действуют различные кружки. – *Прим. перев.*

– Думаю, что да. Но я на всякий случай пригласила суфлеров к одиннадцати. Джейсон! – крикнула она. – Может, стоит поднять зеркальный шар чуть выше? Иначе на него будут наткаться.

– Не волнуйся, – крикнул в ответ Джейсон. – Сейчас подниму выше.

Поймав на себе взгляд Алекс, он ей подмигнул и поднялся на помост для диск-жокеев, на котором один из его помощников устанавливал прожекторы.

– Есть какие-то новости от Скотта? – спросила Алекс у Матти, имея в виду диск-жокея, который отвечал за музыкальное сопровождение спектакля.

– Пока никаких, – ответила Матти. – Он придет не раньше чем через час. Уверяю тебя, он нас не подведет.

– Скотт был всего на одной репетиции, – с тревогой напомнила ей Алекс. – Он должен вовремя нажимать свои кнопки, иначе от половины шуток останутся рожки да ножки.

– Послушай, что я тебе скажу. Давай не будем заводится раньше времени, – посоветовала ей Матти и, схватив стойку с костюмами, покатила ее за кулисы.

К двум часам все, кто должен был быть в зале, уже был там. К трем Алекс, Матти и Хейли уже сидели в центральном ряду, глядя, как актеры и технический персонал занимают свои места. Единственной загвоздкой едва не стал Скотт, застрявший в автомобильной пробке, но и он успел к прогону. В общем, все было готово...

Спустя пару минут на сцене уже разворачивалось первое действие, а еще через несколько все, кто видел спектакль в первый раз – помощники Джейсона, активистки «Женского института» и нанятые на сегодняшний день гримеры, – уже покатывались со смеху. Даже Алекс, которая слышала эти остроты как минимум в сотый раз, не могла сдержать улыбки.

Актеры – уже загримированные и в костюмах – похоже, были в ударе. Даже чересчур. Обычное дело на генеральных репетициях, но Алекс взяла это на заметку. Нужно будет предупредить их, чтобы они попридержали энергию для самого спектакля. И все равно было приятно видеть, с каким азартом, если не вдохновением, они исполняют свои роли.

Во время перерыва после первого акта она запрыгнула на сцену, чтобы обсудить со своими главными актерами, Джонни и Сарой, немного иной подход к третьей сцене второго акта. Так как это касалось только их двоих, а сами они быстро откликнулись на ее предложения, им понадобилась лишь пара минут на то, чтобы попробовать новую трактовку и согласиться с ней.

Остальная часть перерыва ушла на технические замечания и щедрую раздачу похвал, после чего, схватив чашку с чаем, который для нее приготовила ее помощница, Алекс вновь опустилась в кресло между Хейли и Матти, чтобы посмотреть второй акт.

И хотя на этот раз кое-кто опоздал со своими репликами, а кто-то и вообще их пропустил, в целом впечатление от спектакля было неплохим и поводов для беспокойства не возникло.

– Главное, чтобы никто не садился за руль, не скакал вниз по лестнице или где там еще можно сломать конечности или свернуть шею. Заменить вас нечем, – наставляла она актеров труппы, раздавая последние указания. – Пока все свободны. И еще: не суетитесь по мелочам, и все будет как надо. Вы сами знаете, кто где напортачил и где что можно исправить. Увидимся сегодня вечером. Помяните мое слово, сегодня нас ждет небывалый успех!

Актеры начали потихоньку расходиться. Глядя на них, таких забавных в их комичных костюмах, на их сияющие лица, Алекс повернулась к Матти и Хейли. Втроем они пожали друг другу руки и даже подпрыгнули от радости. Джейсон поспешил вытащить айфон, чтобы запечатлеть этот момент.

К половине восьмого зал начал потихоньку заполняться. Стоя в фойе рядом со стойкой, ломившейся от снеди, принесенной активистками «Женского института», Алекс тепло при-

ветствовала гостей. Ей было приятно, что люди пришли на ее спектакль нарядно одетыми. Это значит, что для них это представление – событие. Сама она была в шелковом облегающем платье лимонного цвета и золотистых сандалиях. Джейсон решил облачиться по такому поводу в смокинг, чем сразил всех наповал. Оно, конечно, лишнее, если учесть, что весь вечер ему придется трудиться. С другой стороны, в смокинге он смотрелся таким красавцем, что Алекс просто распирало от гордости.

– Не оборачивайся! – прошептал ей на ухо чей-то голос. – К нам только что пожаловала Хизер Хэнкок.

Заинтригованная, Алекс быстро посмотрела на Матти, после чего вновь повернулась к Салине. Та была местной кудесницей по части шитья. Именно из-под ее швейной машинки вышли все костюмы, в которых сегодня были актеры.

– С кем она? – шепотом поинтересовалась Алекс, желая убедиться, что Хизер не притащила с собой Джину.

– Вообще-то она одна, – ответила Салина, украдкой взглянув в сторону Хизер. – Или нет, погоди, с ней какой-то мужчина. Он, кстати, очень даже ничего.

Не в силах побороть любопытство, Алекс быстро обернулась через плечо и едва не поперхнулась. Хизер улыбнулась ей такой слащавой улыбкой, что казалось, с губ ее вот-вот закапает патока. Помахав ей в ответ рукой, Алекс вновь повернулась к Матти и Салине.

– Вы видели? – шепотом спросила она. – Похоже, я ей понравилась.

Все трое прыснули со смеху.

– Держись. Она движется в нашу сторону, – предупредила Матти.

Алекс не успела даже повернуть головы, как Хизер уже стояла рядом с ней – огненно-рыжие кудри, пронзительно-синие глаза и усталая улыбка, которая как будто говорила: «Подумаешь, любительский спектакль. Это ниже моего достоинства!»

– Привет! Смотрю, зрителей собралось порядочно, – прокомментировала она, поцеловав воздух рядом со щекой Алекс.

– Привет! Даже больше, чем мы надеялись, – отозвалась та. – И как хорошо, что ты тоже нашла время прийти.

Они знали друг дружку еще со школы. Но Хизер была на пять лет ее старше, так что общались они довольно редко. Правда, время от времени им случалось оказаться на одной вечеринке, например на той, где Алекс познакомилась с Джейсоном. В последнее время пути Хизер и Алекс пару раз пересекались, причем не самым приятным образом. Однажды Хизер переврала факты в репортаже об одном из детей, подопечных Алекс, которая не собиралась смотреть на это сквозь пальцы, а позвонила Хизер и открытым текстом потребовала опровержения. Хизер, разумеется, отказалась. Тогда Алекс связалась с редактором и добила своего. Второй случай, когда репутация Хизер как профессионального критика была подмочена (по крайней мере, в глазах Алекс), произошел тоже не так давно. Хизер присудила только открывшемуся в городе ресторану всего одну звезду, тенденциозно умолчав о том, что в первый вечер его работы в городе вырубил электричество. Для ресторана это был сокрушительный удар – не работали плиты. И тем не менее они нашли выход из положения и проработали целый день. Ресторан «Уолтер де ла Мер» принадлежал одной знакомой Алекс. Столкнувшись со столь наглой клеветой, Алекс не смогла молчать и написала в газету гневное письмо, которое было напечатано на странице читательских писем.

Понятное дело, что после двух вышеописанных случаев рассчитывать на непредвзятость Хизер не приходилось.

– Могу я представить тебя Грегу Сандерсу? – вкрадчиво проворковала Хизер и повернулась к своему красавчику-спутнику: – Грег, это Алекс Лейк, режиссер сегодняшнего спектакля.

Последнее слово было произнесено с французской гнусавинкой, явно с целью подчеркнуть пренебрежение к «детищу» Алекс. Алекс слегка поморщилась и повернулась к Грегу Сандерсу, который, как ей было известно, был спортивным комментатором местной газеты.

– Рада с вами познакомиться, – с теплой улыбкой сказала она. – Надеюсь, вы не пожалеете, что пришли.

– На самом деле я давно с нетерпением жду вашу премьеру, – искренне заверил Сандерс. – Те, кому посчастливилось побывать на репетициях, рассказывали мне о спектакле много хорошего.

Отметив про себя, что от этих слов улыбка Хизер пошла трещинами, Алекс открыла рот, чтобы поблагодарить Грега, как вдруг репортерша издала странный смешок.

– Кхех, у Грега весьма необычное чувство юмора, – заявила она. – К нему нужно привыкнуть. Как бы то ни было, мы желаем всем вам удачи. Ой, я забыла, кажется, в театре такого не говорят? Впрочем, это ведь не театр, а всего лишь деревенский клуб, так что, надеюсь, удача вам не помешает.

При этих ее словах Матти и Салина тотчас оцетинились.

– Скажем так, – дипломатично парировала Алекс, – мы любим то, что мы делаем. Сегодня здесь собрались те, кто вложил в спектакль свое время и душу. И было бы обидно...

– Разумеется, – перебила ее Хизер. – Это настоящий праздник для всего города. Разве с этим кто-то спорит? Ведь и я здесь по той же причине. Наша газета считает своим долгом освещать районные культурные мероприятия.

– Рада это слышать. Кстати, Матти позаботилась о том, чтобы вам оставили самые лучшие места в зрительном зале, и сейчас их вам покажет. Я же пока пойду, проверю, как там обстоят дела за кулисами.

Как и следовало ожидать, в импровизированных гримерных царил тот же хаос, что и десять минут назад. Алекс обошла всех, подбадривая шутками и крошечным глотком спиртного «для храбрости». По ее словам, все должно было пройти гладко, их ждет успех.

Между тем занавес раскрылся. Скрестив пальцы на удачу, Алекс тихонько спустилась в зал и встала в проходе между Матти и Хейли. Заметив, что Джейсон смотрит на нее из осветительной будки, она ответила ему тревожной улыбкой. Он в ответ показал ей большие пальцы – мол, все о'кей.

К сожалению, первые минуты спектакля прошли скомканно. Зрители явно не уловили юмора. Алекс так и подмывало крикнуть «Стоп!» и заставить актеров сыграть первую сцену заново. Нервы давали о себе знать, как, собственно, она и предполагала, хотя и молила небеса, чтобы этого не случилось.

Впрочем, вскоре, к ее великому облегчению, действие спектакля вошло в нужную колею. Реакция зрительного зала не заставила себя ждать. Поняв наконец, что происходит на сцене – где мужчины на своей шкуре переживали, что чувствуют на свидании девушки, и наоборот, – зрители отвечали на слова актеров дружным смехом.

Первая реплика «Ты веришь в любовь с первого взгляда или мне сразу пройти мимо?» хотя и не блистала оригинальностью, но, прозвучав из уст Джонни в роли Джеммер⁵, вызвала у зала такой приступ хохота, что актер – в пышном парике, мини-юбке и на высоченных каблуках – был вынужден переждать целую минуту, пока шум наконец стихнет.

Очередной взрыв хохота последовал, когда алкоголичка Бонни, роль которой играл местный плотник-сантехник-электрик Стюарт Гард, едва ворочая языком, произнесла:

– Я слышала, что по части секса тебе нету равных. Осталось лишь найти партнершу.

---

⁵ Джеммер – уменьшительное от Джэмин.

А спустя еще несколько минут танец вокруг дамских сумочек в исполнении четверых мужчин вызвал у зала настоящую истерику. Это еще что! Сами актеры корчились от хохота и, как рыбы, открывали рты, безуспешно пытаясь произнести следующие реплики.

Разумеется, у пьесы имелся сюжет – романтическая история, в которой были даже элементы трагедии. Но из-за постоянных взрывов хохота его было довольно трудно проследить. Поняв, что ей следовало быть к этому готовой, Алекс шепнула Хейли, что в следующий раз придется вырезать кое-какие реплики. Та кивнула в знак согласия, так что у Алекс отлегло от сердца.

После спектакля зрители так неистово хлопали в ладоши, что не просигналь Алекс заведующему сценой, чтобы тот не раздвигал занавеса после седьмого выхода актеров на бис, так овация продолжалась бы всю ночь. Конечно, аудиторию в основном составляли родственники и друзья. Но Алекс заметила и несколько незнакомых лиц, и, похоже, все они до единого остались довольны спектаклем. Даже Хизер Хэнкок, и та пару раз улыбнулась, хотя большую часть времени просидела с напыщенным видом искушенного критика, повернувшись одним ухом к сцене, чтобы лучше слышать реплики, и не выпуская из рук блокнот и карандаш.

– Думаю, я не ошибусь, назвав это триумфом, – прошептал Джейсон на ухо Алекс, когда отгремели аплодисменты. – Давай выйдем в фойе и пообщаемся с народом, прежде чем туда нагрянут актеры и все лавры снова достанутся им.

В фойе их ждали дружные поздравления с успехом. Когда же туда потихоньку начали стягиваться актеры, стало похоже, что до паба им уже не дойти.

– Алекс? Это вы? – раздался у нее за спиной голос.

Обернувшись, Алекс увидела перед собой Мэгги и Рона Фенн. Те тщетно пытались пробиться к ней из толпы.

– Я не знала, что вы придете! – искренне удивилась она и, работая локтями, сделала шаг им навстречу. – Но я так рада вас видеть!

– А мы рады видеть вас, – тепло ответила Мэгги. – Когда я увидела ваше имя в программке, я сначала даже засомневалась, вы это или нет. Вы даже не представляете, как нам понравилось!

– Здорово, не правда ли? – расплылась в улыбке Алекс, стараясь не поморщиться от боли, когда Рон наградил ее крепким рукопожатием. Кстати, Фенны были не одни, а привели с собой еще одного зрителя. Высокий, видной наружности – по-своему даже слегка пугающей: мужественные черты лица, черные глаза, которые, казалось, буравили Алекс насквозь. Если бы ее спросили, она бы затруднилась с ответом, можно ли его назвать красавцем-мужчиной или нет.

– Алекс, знакомьтесь, это мой старший брат Энтони, – объявила Мэгги с хитринкой в глазах.

Поняв по ее шутливому тону, да и по его виду тоже, что старшая из них двоих – Мэгги, Алекс тоже решила ответить на шутку шуткой.

– Ага, тот самый рыболов, питающий слабость к быстрым машинам, – сказала она, отвечая на его рукопожатие.

Ее слова, похоже, удивили его. Энтони вопросительно посмотрел на сестру:

– Ты перемывала мне косточки?

– Как будто мне больше нечем заняться, – ответила Мэгги, закатывая глаза.

– Вообще-то я сама видела вашу машину, – пояснила Алекс, улыбнувшись их взаимным подколкам, – когда на прошлой неделе приезжала к вашей сестре.

– А так она не умеет держать язык за зубами: сразу же доложила, где я и чем занимаюсь, – продолжил он, – включая имя, домашний адрес, дату рождения и род занятий... Я

даже слышу, как она это говорит. В любом случае примите мои комплименты и благодарность за прекрасный спектакль. Я рад, что пришел сюда...

– Спасибо, – искренне поблагодарила Алекс. – У нас намечена вечеринка в пабе через дорогу. Если хотите, присоединяйтесь.

– Нет-нет, мы бы не хотели никого смущать, – ответила Мэгги. – И вообще, не будем вас больше задерживать. Я уверена, что другим тоже хочется с вами поговорить. Просто я не могла уйти, не поздоровавшись и не сказав, какие вы все молодцы.

– Огромное вам спасибо, – добавил Рон, в очередной раз едва не раздавив ей кисть.

– И еще один вопрос, – негромко сказала Мэгги, повернувшись спиной к своим спутникам. – Есть что-то новое про Оливера?

Алекс печально покачала головой.

– Он не из нашего района.

– Знаю, просто спросила на всякий случай. Какой был чудный мальчик! С конца следующей недели у нас будет жить маленькая девочка. Думаю, я привяжусь к ней ничуть не меньше. Скажу честно, это оказалось гораздо сложнее, чем я думала, – принимать у себя чужих детей. Но мне все равно нравится.

– Да, в этом есть свои плюсы, – согласилась Алекс, – хотя в целом это не для слабонервных.

«И как хорошо, если бы таких, как вы, было бы больше», – добавила она про себя.

Поймав на себе взгляд Энтони, она слегка покраснела и улыбнулась в ответ.

– Спасибо за то, что пришли, – сказала она, снова пожимая ему руку. – Не часто в наших рядах бывают лондонские адвокаты.

– Кое-кто, наоборот, был бы этому только рад, – ответил он с лукавой улыбкой.

Распровавшись с ними, Алекс вновь оказалась в центре внимания. На нее обрушился шквал поздравлений. Сначала ее заключили в объятия мать и сестра Джейсона, затем престарелые родители Мэтти, затем поочередно местные жители и, наконец, участники спектакля.

Она была так растрогана и взволнована, что не стала обижаться на то, что ни Габи, ни тетя Шейла не прислали ей эсэмэски ни до, ни после спектакля, чтобы спросить, как там у нее дела.

Впрочем, они наверняка позвонят ей завтра, а если нет, она позвонит им сама.

– Как там Хизер? – спросила Алекс у Джейсона, когда тот наконец пробился к ней. – Она все еще здесь?

– Нет, я только что проводил ее до дверей. Она не захотела оставаться на вечеринку.

Сказать по правде, Алекс была только рада.

– Она что-нибудь сказала о спектакле?

– Нет. Но со своей стороны я тоже не стал спрашивать. Кстати, а с кем это ты только что разговаривала?

Алекс не сразу поняла, кого он имеет в виду.

– А, это ты про брата Мэгги Фенн? Вижу его впервые. А вот Мэгги недавно приютила у себя одного из моих подопечных. Надеюсь, ты не ревнуешь?

– А что, есть повод? – нахмурив брови, уточнил Джейсон.

Алекс расхохоталась и, взяв его под руку, направилась к выходу.

– Завтра утром мы как штык должны быть к одиннадцати часам, чтобы убрать после себя зал, – сказала она. – Но ты, как за тобой водится, сумел улизнуть от этого дела.

– Я приду раньше, чтобы снять осветительные приборы, – успокоил он ее. – А что ты собираешься делать весь день? Ведь, как я понимаю, барбекю у Габи откладывается на неопределенное время.

– Пока не знаю, – честно призналась Алекс. Ничего, она что-нибудь придумает, если, конечно, будет в состоянии это сделать после сегодняшней вечеринки. – Ты все еще собираешься в гости к матери? – спросила она.

– Да, если ты не против, – ответил Джейсон, уворачиваясь от медвежьих объятий одного из соседей, подошедшего, чтобы засвидетельствовать свое восхищение спектаклем.

– Нет, я не против. Просто я подумала, может, мне стоит поехать вместе с тобой?

Ее вопрос застал его врасплох.

– Ты уверена, что тебе этого хочется? – осторожно спросил он.

По правде сказать, она не была уверена.

– Может, мне будет легче найти общий язык с твоими детьми, если рядом будут твои родители, – осторожно сказала она.

– А если они начнут выкидывать всякие фортели? Не хотелось бы, чтобы это видела мама.

– Нет, конечно. Это не более чем предложение. И тем более сейчас нет времени его обсуждать. Давай оставим все как есть, – сказала Алекс и, еще крепче взяв Джейсона под руку, весело подумала, что если похмелье окажется не слишком тяжелым, она наверняка найдет, как завтра убить пару часов. Причем, – она очень на это надеялась, – занятие это никак не будет связано с ее работой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.